

Я. Хохоровски

«ПТИЦЕГОЛОВЫЕ» ИЛИ «КОННОГОЛОВЫЕ» СКИПЕТРЫ — РЕАЛЬНАЯ ИЛИ ФАЛЬШИВАЯ ДИЛЕММА?

Бронзовые скипетры на территории Карпатского бассейна — это полностью автономное явление, появившееся здесь где-то во второй половине или конце X в. до н. э., как своего рода маркер нового общественно-культурного порядка. Его чертами являлись м. д.: пастушеская модель скотоводческого хозяйства с существенной ролью селективного разведения лошадей степных пород, значение которого достигло европейской системы товарооборота, а также иерархические социальные структуры с выразительными признаками статуса. Эти черты проистекали из культурной тождественности сообществ Великой Степи, сформированной в специфических условиях жизни и — достигающего иногда энеолита — накопления жизненного опыта. Их введение (своеобразное «заимплантирование») в культурный потенциал Карпатского бассейна, произошло в результате продвижения во второй половине X в. до н. э., воинственных групп степных пастухов-воинов, искавших экологические ниши, удобные для пастушеского хозяйства.

Ключевые слова: Карпатский бассейн, Кавказ, скипетры, сообщества Великой Степи, разведение коней.

ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЕ И КАВКАЗСКИЕ СКИПЕТРЫ В ИСТО- РИОГРАФИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В разнообразном и ценном научном наследии Варвары Андреевны Ильинской, в основном посвященном скифам и их культуре, нашлось также место для различных исследований, затрагивающим частично или в целом проблематику доскифского периода. До сих пор актуальным и научно значимым, остается, например, работа о так называемых новочеркасских и жаботинских наконечниках стрел (Лллінська 1973, с. 13—26). Для археолога из Центральной Европы особый интерес

© Я. ХОХОРОВСКИ, 2020

представляет ее статья, посвященная бронзовым жезлам / скипетрам предскифского и скифского и времени (Ильинская 1965, с. 206—211). Привлекательная форма с элементами зооморфной пластики, напоминающая небольшой топорик, зачисляет эти предметы в состав редких и интересных для исследования изделий древнего бронзолитейного производства. Этого рода находки доскифского времени известны в двух удаленных друг от друга регионах Европы: на территории Северо-Западного Предкавказья и в Карпатском бассейне, а также его ближайших окрестностях.

Интерес В. А. Ильинской к этим находкам сложился после публикации статьи Иохима Вернера¹ (Ильинская 1965, с. 206). Этот исследователь обратился к центральноевропейским находкам «конноголовых топоров-жезлов» (*Pferdekopfszepter*) в связи с изучением скипетра, найденного в захоронении раннегальштатского времени в местности Пжедмежице (*Předměříce nad Labem*) на верхней Эльбе, в Чехии (Werner 1961, S. 384—389). С этой находкой (рис. 1) И. Вернер сопоставил скипетры, уже ранее рассматривавшиеся как «доскифские» (Gallus, Horvath 1939, p. 17, 40, pl. XLIV: 1, 2; LIV: 2)²: экземпляр из Батина-Градац (*Batina-Gradac*)

1. Иохим Вернер (1909—1994) — известный немецкий археолог, профессор Университета в Мюнхене, исследователь Римского времени и эпохи Великого переселения народов в Европе, доктор honoris causa (1990) Ягеллонского университета в Кракове.
2. В этой, первой монографии, обобщающей все источники, связанные с «доскифскими всадническими сообществами в Венгрии» (*Un peuple cavalieri préscythique en Hongrie*), находки из Батины, канала Шарвиз и бывшего Турочского уезда были описаны как декоративные топоры в виде животного (*haches d'apparat en forme d'animal*).

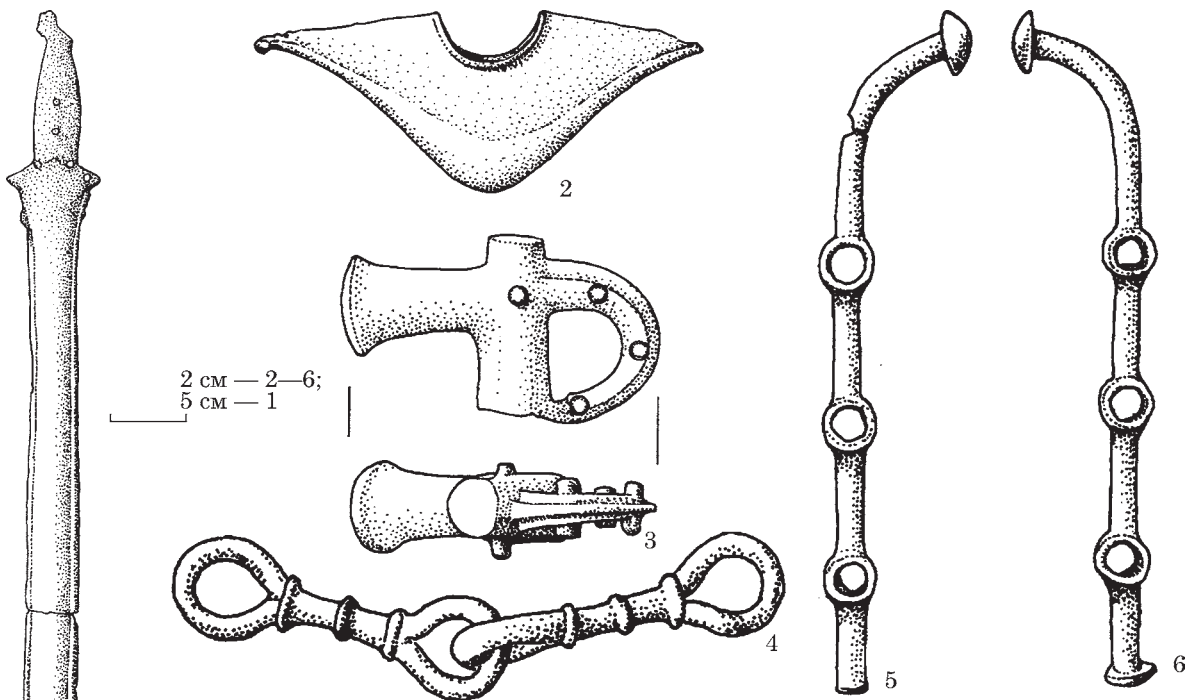

Рис. 1. Пшеждежице, Чехия; снаряжение раннегалльштатского воина (по Werner 1961; Metzner-Nebelsick 2002)

в северо-восточной Хорватии; безпаспортную находку из территории Турчанской котловины (бывший комитат Туроч; *Túróc*) на севере Словакии, а также, случайно найденный скипетр в канале Шарвиз (*Sárviz*), на востоке Задунайского края (Венгрия). Все эти предметы объединяла близость формы (рис. 2), в том числе, расположенное приблизительно в центре отверстие (или тулейка) для крепления на рукоятке и молотковидный обухок. Это позволяло использовать их в качестве рубящего или ударного оружия — чекана, в какой-то степени сравнимого с клевцом. Противоположная обухку сторона скипетров вместо рубящего лезвия или кольцеобразно шипа имела форму, напоминающую натуралистично или схематично изображенную голову лошади на дугообразно изогнутой шеи с «гривой», обычно весьма рельефно выраженной (Chochorowski 1993, p. 129). Эта сторона могла тоже использоваться для нанесения ударов «нережущего» характера ¹.

1. Этот вид парадного оружия, согласно польской номенклатуре оружейного дела, следует называть «обух» (*obuch*). Согласно Енджею Китовичу (1728—1804), историку и мемуаристу, участнику Барской конфедерации и автору работы: «*Opis obycajów za panowania Augusta III*» (Описание обычаев во время правления Августа III), впервые опубликованной в Познани 1840—1841 гг.: «если... обухок был плоский, как у топора, орудие называлось чеканом, если имел острую слегка подвинутую форму, то его называли наджаком (клевцом — Я. Х.), если шипообразное окончание было изогнуто в форме кольца, то его называли обухом» (Kitowicz 1985, p. 249).

Из-за декоративной парадной формы И. Вернер считал эти предметы инсигниями, символами власти и статуса (*herrscherlichen Würdezeichen*), выполнявшими у восточных воинов-кочевников (*östlicher Reiternomaden*) больше функции «скипетров-жезлов», нежели оружия (Werner 1961, S. 386). Оценивая реалистический характер зооморфных парадных окончаний скипетров, которые он считал изображением головы лошади (*Pferdekopfszepter*), исследователь подчеркивал отсутствие такой стилистической традиции в местной центральноевропейской среде и указывал на аналогии, относившиеся к кавказскому ареалу, прежде всего, из Кобани. В этом контексте он обратил также внимание на существенное значение коневодства в зоне, простирающейся от Кавказа до территории Венгрии, через Понтийские степи, отмечая тот факт, что в кочевых сообществах, образ жизни которых характеризовался конным хозяйством и верховой ездой, вожжи, как знак достоинства, использовали скипетры с символическим изображением лошади (*Szepter mit Pferdesymbolen*; Werner 1961, S. 337—339).

В. А. Ильинская, анализируя находку из Пшеждежице, посчитала ее разновидностью наджака-клевца, а в отношении «топорика» из Батины отметила, что его передняя часть «напоминает стилизованный контур орлиной головки» (здесь и далее выделено мною — Я. Х.). По ее мнению, выступ, окруженный гравированным кольцом на изгибе «шеи» батинской находки, служил «эквивалентом глаза». Аналогичным образом исследовательница оценивала и скипетры с территории Турчанской котловины и канала Шарвиз (рис. 3), написав, что: «они имеют вид орлиных головок

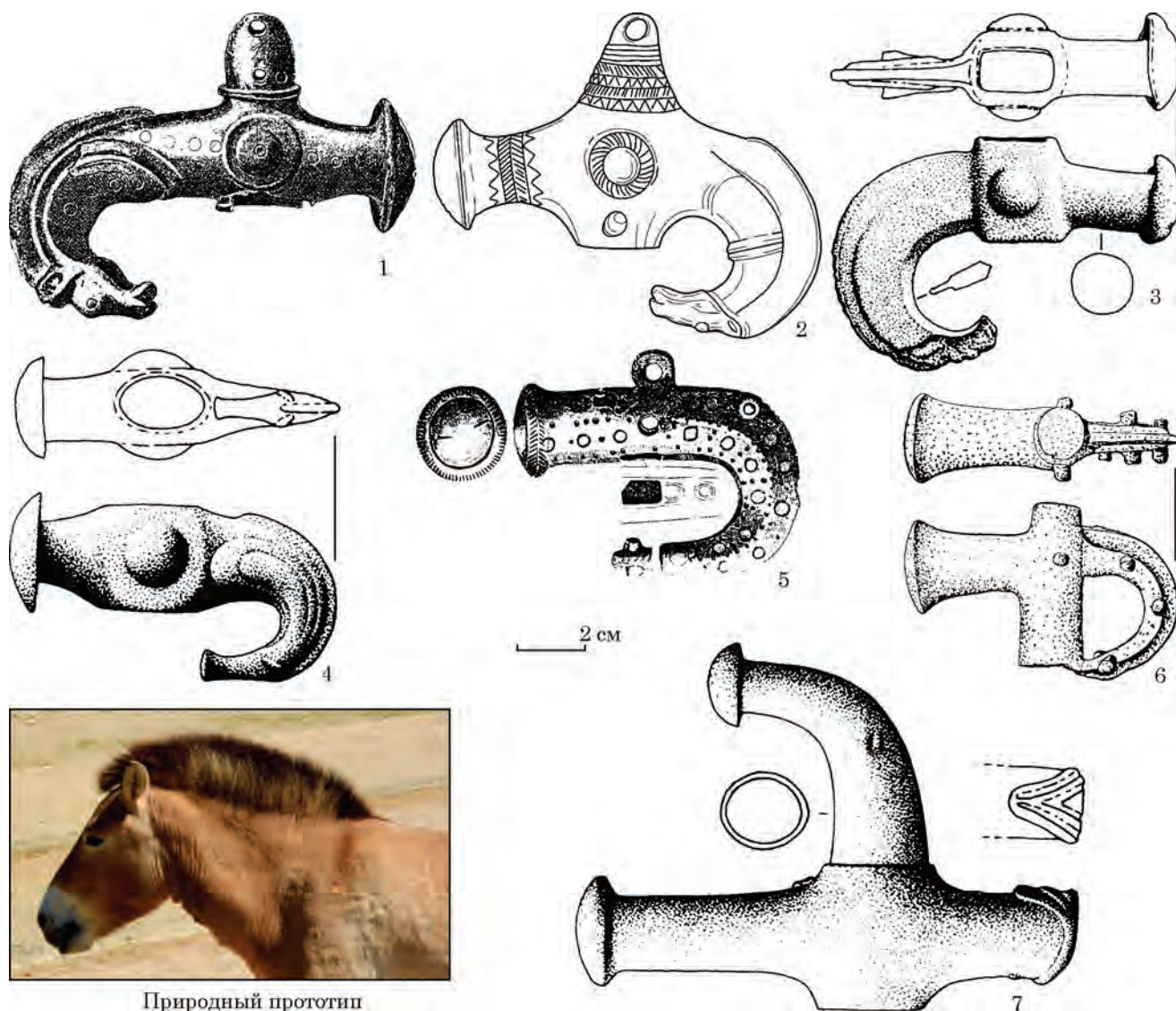

Рис. 2. Центральноевропейские бронзовые скипетры: 1 — канал Шарвиз; 2 — Турчианска Котловина (бывший комитат Туроч); 3 — Прюдь; 4 — Синмихай де Падуре; 5 — Батина; 6 — Пжедмежице; 7 — Бекеш-Ходьмаши (по: 1 — *Archeologiai Értesítő* 1889; 2 — Gallus, Horváth 1939; 3, 4, 7 — Kemenczei 2005; 5 — Frey 1905; 6 — Werner 1961)

с глазами в виде солярных знаков и клювами, заканчивающимися конской головой». Она отметила тоже гипотезу И. Вернера о возможной связи бронзовых скипетров, найденных в Центральной Европе «с проникновением на Дунай восточных кочевников». Затронула, кроме того, и тему кавказских аналогий таким скипетрам. В. А. Ильинская обратила внимание на бронзовый скипетр из захоронения 14 могильника «Мебельная фабрика» в Кисловодске (рис. 4), где он был найден вместе с биметаллическим кинжалом, относящимся к горизонту находок «Новочеркасского клада» (Крупнов 1960, табл. VIII: 4, XXXVII; Виноградов, Дударев, Рунич 1980, с. 185, рис. 2: 1—7). Она указывала, что «глаз на тулке» кисловодского экземпляра «имеет вид солярного знака», а «изогнутый наподобие клюва передний конец заканчивается головкой животного с вытянутой мордой и торчащим ухом» (Ильинская

1965, с. 207—208). В. А. Ильинская определила, в конечном итоге, эту форму как «изображение головки коня» (Ильинская 1965, с. 209).

Распространив свои рассуждения и на группу скифских скипетров, исследовательница коснулась вопроса их социального статуса. Она полагала, что эти предметы имели, скорее, символическое, чем практическое значение, и принадлежали классу: «скипетроносцев», упоминаемых письменными источниками в среде скифской и персидской знати. По ее мнению, более сложный символический характер скифских скипетров нашел отражение в разнообразии морфологических завершений их передней части. В большинстве случаев они имели форму, напоминающую голову лошади или хищной птицы, хотя известны и изображения головы барана. Тем не менее, она полагала, что наиболее характерной группой являются «топорики», которые имеют «клевец в виде голо-

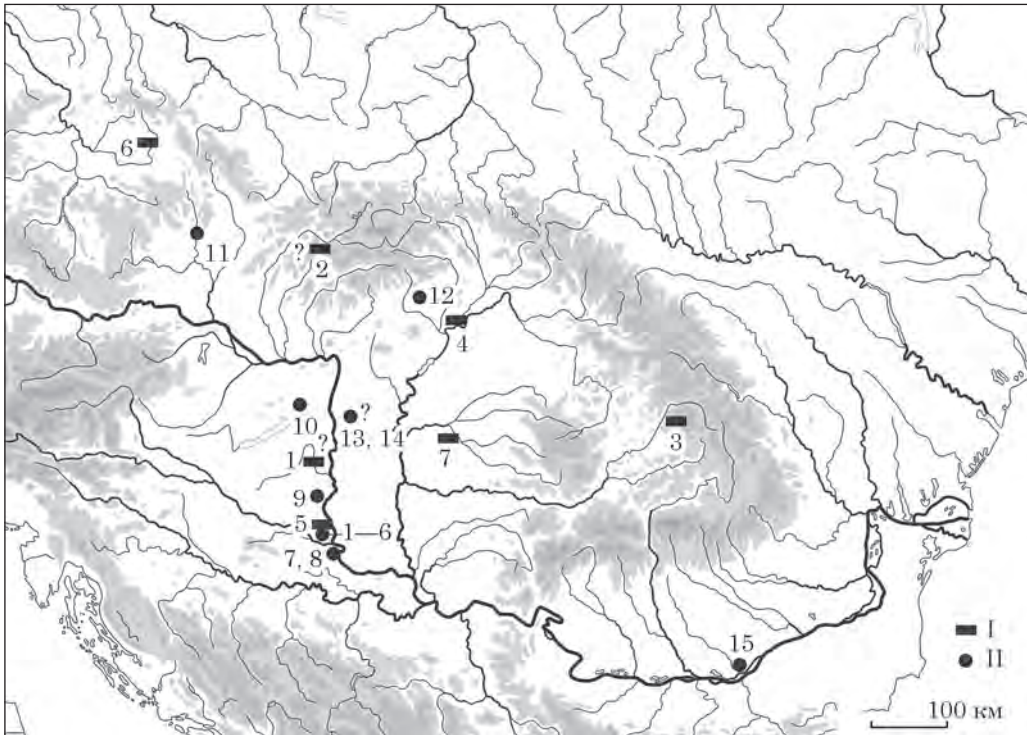

Рис. 3. Карпатський басейн і його оточення: 1 — бронзові скипетри; 2 — підвески / брелоки в формі коня

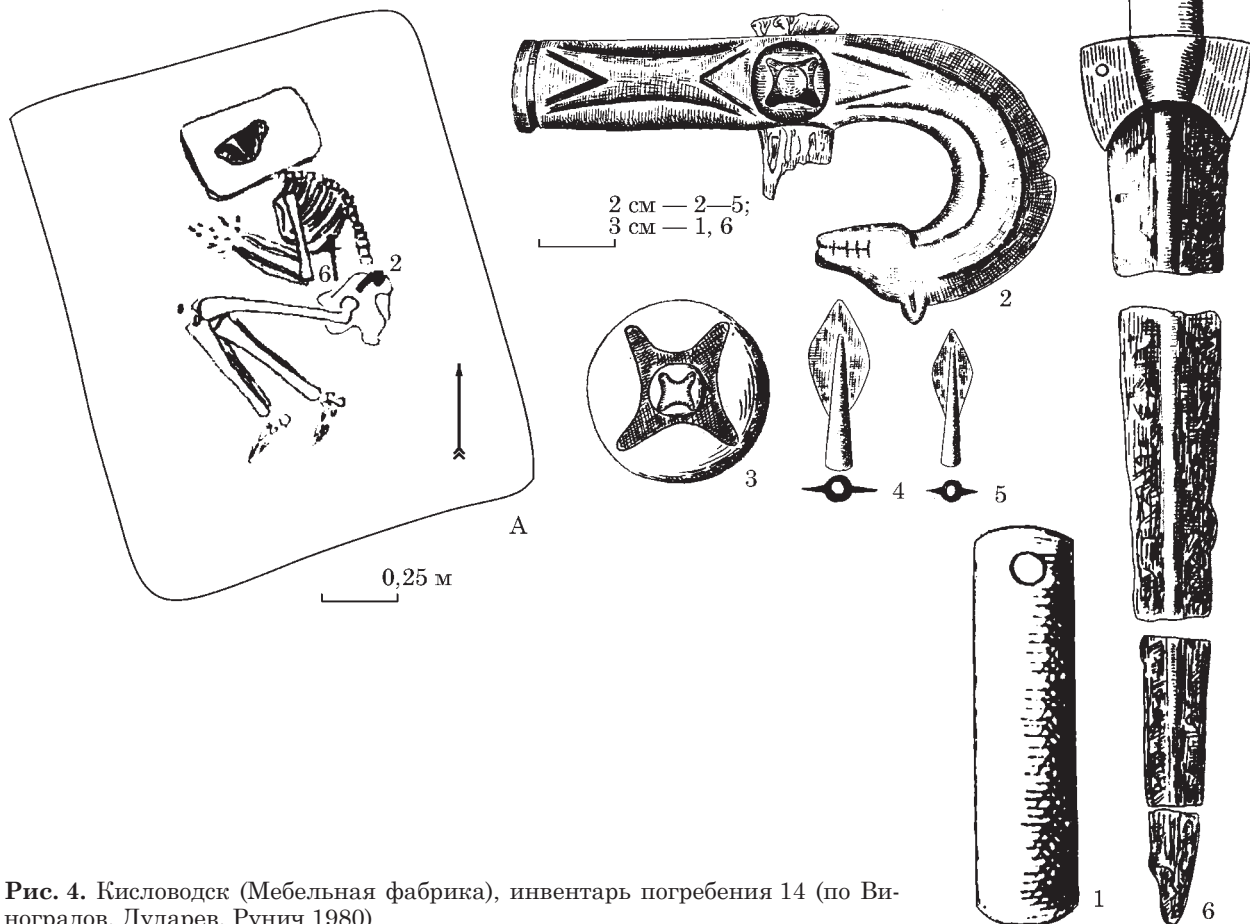

Рис. 4. Кисловодськ (Мебелна фабрика), інвентар поховання 14 (по Виноградов, Дударев, Руніч 1980)

вки хищной птицы» (Ильинская 1965, с. 208, рис. 3: 4—7). Эти изображения действительно выполнены в натуралистичной манере и напоминают голову орла (?) с массивным изогнутым клювом и довольно четко очерченным глазом, расположенным на линии отверстия для рукояти скипетра. В заключении автор констатировала, что скифские и доскифские «*топорки-скипетры*» относятся к группе предметов единой традиции. По ее словам, наиболее характерными для скифских скипетров является: изображения орла и лошади, которые: «*восходят к традициям скипетров предскифского времени, когда образы солнца, орла и коня объединялись*» (Ильинская 1965, с. 209—211).

Вследствие уникального характера и богатого историко-культурного и символического содержания, присущих бронзовым скипетрам из территории Центральной Европы, и, несмотря на их небольшое количество, начиная с 1960-х гг., они постоянно привлекали внимание исследователей (Hančar 1967, S. 113—134; Jacob-Friesen 1968, S. 66—73). Для своего времени интересны комментарии Франца Ганчара по поводу упомянутой выше находки в Кисловодске (Hančar 1967, S. 124), касающиеся культурно-хронологических связей бронзовых скипетров с биметаллическими кинжалами с прямым перекрестием и грибовидным навершием, известными на территории Восточной Европы и происходившими, по его мнению, от форм подобных изделий карасукской культуры¹. Стоит также обратить внимание на его замечания о символической связи между скипетрами и более древними каменными жезлами. С бронзовыми скипетрами их объединяет, по мнению исследователя, аналогичный социальный и религиозный контекст, как символов солярного культа (Hančar 1967, S. 129)

Однако изредка появлялись новые находки, которые пополняли базу источников и вносили новые аспекты в текущую дискуссию. В связи с этим, стоит обратить внимание на статью Гернота Якоб-Фризена, в которой, помимо публикации случайной находки скипетра из Синмихай де Падуре (Sînmihai de Pădure), в верховьях Марушы в Румынии (Jacob-Friesen 1968, Abb. 1), присутствуют некоторые интересные наблюдения. По мнению автора, определить зоологический вид животного, представленного на «клюве» опубликованного им скипетра, невозможно, в силу схематичности изображения, хотя предмет определенно связан с прообразами типа «*Pferdekopfkeulen*». Однако исследователь был убежден, что хронологические различия между натуралистичными или стилизованными изображениями не обозначают длительного «типологического развития»

1. Ф. Ганчар приписывал основную роль в распространении бронзовых скипетров носителям чернолесской культуры (Hančar 1967, S. 120—129).

(«*typologische*» *Entwicklung*)². Он полагал, что скипетр из Кисловодска украшен головой животного, принадлежащего к группе «собакоподобных» (Canidae). Г. Якоб-Фризен опровергает также мнение В. А. Ильинской о том, что форма некоторых скипетров воспроизводит силуэт головы хищной птицы с изображением глаза в виде выступа / выпуклости на уровне отверстия для рукояти (проуха), увенченный головой лошади на конце клюва. Он считает, что в данном случае боковые «глаза-выступы», как и на бронзовых чеканах, служили лишь для усиления конструкции скипетра, будучи лишь утолщением боковых сторон проуха в самом уязвимом месте предмета. В то же время они могли оказаться реминисценцией заклепок, фиксировавших первично навершия скипетров (также как бронзовых чеканов) на рукоятке (Jacob-Friesen 1968, S. 71). Вслед за другими исследователями, такими как И. Вернер, М. Гимбутас и Д. Газдапустаи, Г. Якоб-Фризен признает связь бронзовых скипетров из Центральной Европы с т. н. фрако-киммерийским горизонтом («*thrako-kimmerischen*» *Pferdegeschirrbronzen*). Появление этих предметов, по мнению исследователя, связано с восточными влияниями из кавказского региона (Jacob-Friesen 1968, S. 71—73). Интересно отметить, что в одновременно опубликованном крупном исследовании Дзюли Газдапустаи, посвященном культурным связям Кавказа с территориями бассейна Дуная в раннем железном веке (Gazdapusztai 1967, p. 307—333), бронзовые скипетры никоим образом не упоминались, хотя в то время уже была хорошо известна находка из Пршедмежице, которая, несомненно, связана с самым началом средневропейского периода НаС раннего железного века (Werner 1961, S. 384—385)³. Центральноевропейские и кавказские «конноголовые» («*horse-heads*») скипетры были, однако, упомянуты в исследовании Яна Боузека, посвященном отношениям между Кавказом и Центральной Европой в связи с т. н. «киммерийской проблемой» (Bouzek 1983, p. 211, fig. 19; 2, 6).

Средневропейские бронзовые скипетры также анализировались или упоминались в различных статьях и монографиях, посвящен-

2. Упомянутая в этой связи Г. Якоб-Фризеном (Jacob-Friesen 1968, S. 69—71) находка бронзовой булавы с изображением головок коня из клада в Свартарпе (Вестергетланд) (Svartarp, Västergötland), в западной Швеции, датируемого по скандинавской хронологии эпохой поздней бронзы (период VI — НаС), является местным гибридным изделием, стилистически не связанным с «карпатскими» или «кавказскими» находками.

3. Сейчас фаза НаС₁ на территории Верхнего и Среднего Дуная датируется временем 810/800/780—720 гг. до н. э. (Sperber 1987, S. 254—255; 2017, S. 299; Rychner 1995, S. 471; Pare 1998, Tab. 4, 5; Trachsel 2004, S. 316—319).

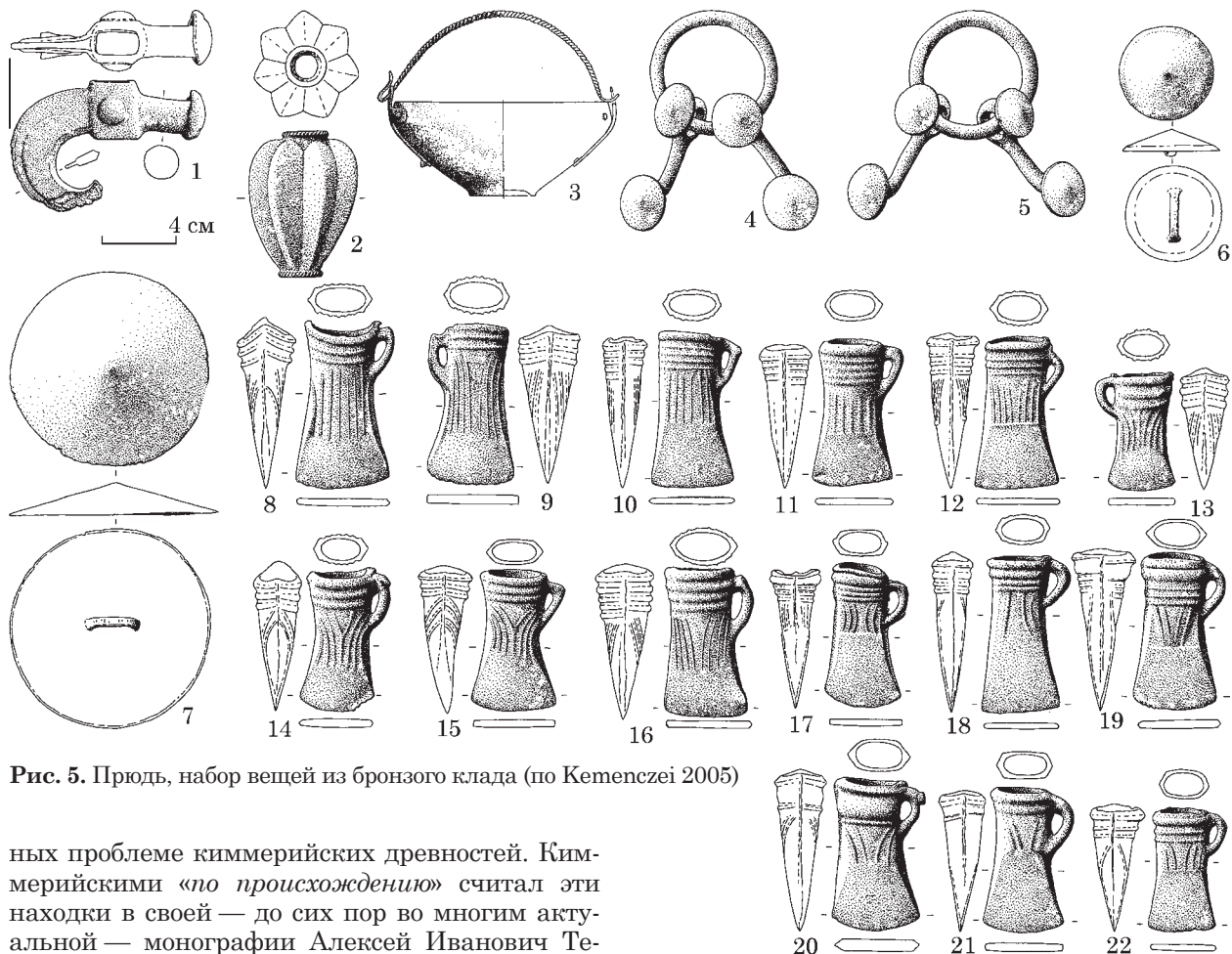

Рис. 5. Прюдь, набор вещей из бронзового клада (по Kemenczei 2005)

ных проблеме киммерийских древностей. Киммерийскими «по происхождению» считал эти находки в своей — до сих пор во многих актуальной — монографии Алексей Иванович Тереножкин (Тереножкин 1976, с. 142). Примечательно, что у А. И. Тереножкина бронзовые скипетры, в том числе и находка из Кисловодска, анализируются в контексте изделий, преимущественно изготовленных из камня: булавы, топоров, клевцов и боевых молотов, будто бы, символические и практические функции этих предметов представлялись сравнимыми с функциями скипетров. А. И. Тереножкин (Тереножкин 1976, с. 142), упоминает также новую находку «конноголового» скипетра из клада 1970 г. в местности Прюдь (Prügy) на северо-востоке Венгрии (Kemenczei 1971, p. 45, fig. 21).

Открытие клада в Прюдь (рис. 5), в котором, помимо бронзового скипетра, также были найдены предметы, служащие хронологическими маркерами средневропейского периода НаВ₂ (Kemenczei 1981, p. 29—41), остается важным и по сей день. Это второй случай в Центральной Европе, после находки в Пршедмежице, когда происходящий из комплекса скипетр имеет строгую хронологию. Ничто не противоречит первоначальному мнению Тибора Кеменцеи (Kemenczei 1981, p. 38), что перед нами одна из старейших находок «доскифского периода» в Альфельде (*A prügyi lelet a préskíta kor legidősebb emlékei közé tartozik az Alföldön*)¹. В

хронологический промежуток между позицией этого комплекса и погребением из Пршедмежице необходимо тогда уместить, по мнению Г. Якоб-Фризена (Jacob-Friesen 1968, S. 69), все «типологическое развитие» центрально-европейских скипетров. Если исходить из принятых сегодня хронологических границ периода

ет придерживаться первоначальной хронологии комплекса находок из Прюдь (Kemenczei 1981, p. 37, 38), сравнивая его с такими комплексами из Карпатского бассейна, как Романд (Románd) или Бикксентлашло (Bükkszentlászló), представляющими горизонт кладов, относящихся к IX в. до н. э., т. е. датируемых временем моложе горизонта Хайдубесермень (Hajdúböszörmény) X в. до н. э. Однако он указывает, что для четырех горизонтов кладов (*chronological groups*), выделенных на территории Карпатского бассейна в конце бронзового века и в начале железного века (X—VIII вв. до н. э.), невозможно определить точные временные интервалы (Kemenczei 1996, p. 271). В своих более поздних наблюдениях о бронзовых скипетрах с территории Карпатского бассейна Т. Кеменцеи (Kemenczei 2005, p. 55, 56) приписывает им более широкий культурный и хронологический контекст, вспоминая о находках IX—VIII вв. до н. э. (*späte Urnenfelder- / frühe Hallstattzeit*). По его словам, древнейшей их аналогией является скипетр из Кисловодска; могильник «Мебельная фабрика» (погребение 14), который можно датировать IX в. до н. э. (Kemenczei 2005, p. 55).

1. В последующих публикациях Т. Кеменцеи (Kemenczei 1996, p. 258—263; 2005, p. 48) продолжа-

НаВ₂, к северу от Альп датируемого с 960/950 по 900/890/880 гг. до н. э. (Sperber 1987, S. 254—255; 2017, S. 299; Rychner 1995, S. 471; Pare 1998, Tab. 4; 5; Trachsel 2004, S. 316—319)¹, и предположения, что комплекс из Прюдь связан, скорее, с более молодым отрезком периода НаВ₂ или с рубежом периода НаВ₂/НаВ₃ (Chochorowski 1993, p. 187), а также из бесспорной датировки погребения Пршедмежице самым началом фазы НаС₁ (810/800/780—720 гг. до н. э.), то — с точки зрения абсолютной хронологии — это временное расстояние укладывается в промежуток между началом IX в. и рубежом IX и VIII вв. до н. э.²

К IX в. до н. э. относит комплекс вещей из Прюдь и Карола Метцнер-Небельсик, которая сопоставляла его с комплексами из Физешу-Герли II (Fizeşu Gherli), Ветиш (Vetiş), Мошанец и Адашевци (Adaşevci), выделенных ею в отдельный горизонт кладов, обозначенный как «Stufe V» (Metzner-Nebelsick 2002, S. 67, Abb. 17). Оценивая появление бронзовых скипетров в Карпатском бассейне, К. Метцнер-Небельсик довольно скептически отнеслась к возможности решения этой проблемы в целом на основе данных хронологии, поскольку контекст в большинстве случайных находок остается неизвестным (Metzner-Nebelsick 2002, S. 464). Исследовательница затронула также тему отсутствия в Центральной Европе, местных традиций для зооморфных изображений в металлопластике эпохи поздней бронзы, о чем ранее уже высказывались и другие авто-

ры. По ее мнению, отсутствие таких традиций свидетельствует не в пользу средневропейских истоков «конского мотива» и скипетров в целом. Идея «жезла», увенчанного топором/чеканом или клевцом, тоже чужда местным сообществом культуры полей погребальных урн. Скипетр из клада в Прюдь, который в силу стилистических особенностей кажется более реалистичным, может оказаться, как она полагает, либо импортным, либо местным продуктом, имитирующим восточные образцы («*Dabei ist entweder an einen Import zu denken oder aber an die lokale Produktion nach östlichen Vorbild*»; Metzner-Nebelsick 2002, S. 466).

К. Метцнер-Небельсик рассматривала и альтернативную концепцию о независимом появлении такой формы в Карпатском бассейне в процессе восприятия восточных, кавказских стилистических мотивов, но это представлялось ей наименее вероятным («*Dies erscheint mir weniger wahrscheinlich zu sein*»; Metzner-Nebelsick 2002, S. 466). При этом она обратила внимание на имеющую большое значение для дискуссии находку из могильника Клады (погребение 35) на р. Фарс на Кубани (рис. 6), где бронзовый скипетр входил в состав погребального снаряжения конного воина (Лесков, Эрлих 1999, с. 22, 23, рис. 29, 30). По ее мнению, этот комплекс следует датировать IX в. до н. э. Однако К. Метцнер-Небельсик отмечает, что изображения лошади на скипетрах, которое появляется на Кавказе также в IX в. до н. э., оказывается в принципе тоже новым явлением (Metzner-Nebelsick 2002, S. 464). Здесь стоит упомянуть, что авторы публикации могильника «Фарс / Клады» датируют погребение 35 более поздним временем: первой половиной — третьей четвертью VIII в. до н. э. (Лесков, Эрлих 1999, с. 71), ссылаясь при этом на выявленную в последних работах Т. Кеменцеи (Kemeneczei 2005, S. 55, 56), тенденцию датировать клад из Прюдь и входивший в его состав скипетр, более широко, а именно IX—XIII вв. до н. э.³

Проблемы происхождения бронзовых скипетров затронули также в своих работах, известные исследователи доскифских культур Кавказа и Причерноморья, Сергей Леонидович Дударев и Сергей Владимирович Махортых. Оценивая гипотезу об их кавказском генезисе, в связи с присущей им зооморфной стилистикой, С. Л. Дударев признал, что: «*Действительно, манера украшать предметы, в том числе предметы культово-парадного назначения, како-*

1. Для юго-восточных альпийских районов и шире — западной части Карпатского Бассейна, период НаВ₂ определяется как короткая переходная фаза, датируемая примерно 950/920 гг. до н. э. (Pare 1998, Tab. 4, 5). В более широком понимании это соответствует младшему этапу фазы НаВ₂, согласно М. Трахселю, датируемой примерно 950—900 гг. до н. э. (Trachsel 2004, S. 316—319). Эта датировка не отличается существенно от более ранних попыток датировать НаВ₂ в северальпийской зоне, временем 950—880 гг. до н. э. (Sperber 1987, S. 254, 255) или новейших построек того же автора (960—900 гг. до н. э. — Sperber 2017, S. 299). Сопоставление хронологических границ центральноевропейского периода НаВ₂ с дендрохронологическими датами, полученными при анализе построек швейцарских озерных поселений, решающими для их подтверждения (Metzner-Nebelsick 2002, S. 46), сталкиваются с некоторыми трудностями. После фазы НаВ₁ на некоторых поселениях наблюдается период запустения, за которым следует развитие нового этапа, со стилистикой характерной уже для фазы НаВ₃ (Rychner 1995, S. 471; Metzner-Nebelsick 2002, S. 46). Возможно, оптимальным было бы рассматривать центральноевропейскую фазу НаВ₂ как короткое переходное явление, датируемое в соответствии с предложением В. Рыхнера (Rychner 1995, Abb. 24) в пределах 950—890 гг. до н. э.
2. Таким образом, это будет расстояние примерно ±90 лет, это обозначает где-то три поколения пользователей скипетрами.

3. Речь идет о мнении, свойственном преимущественно Владимиру Р. Эрлиху, автору главы о хронологии в цитируемой монографии, который, в рамках многолетней дискуссии, начавшейся после работы Георга Коссака (Kossack 1987, S. 24—86), позиционирует себя как сторонника «умеренной» датировки доскифского и раннего скифского периодов, не соглашаясь с их ранней хронологией (Лесков, Эрлих 1999, с. 69).

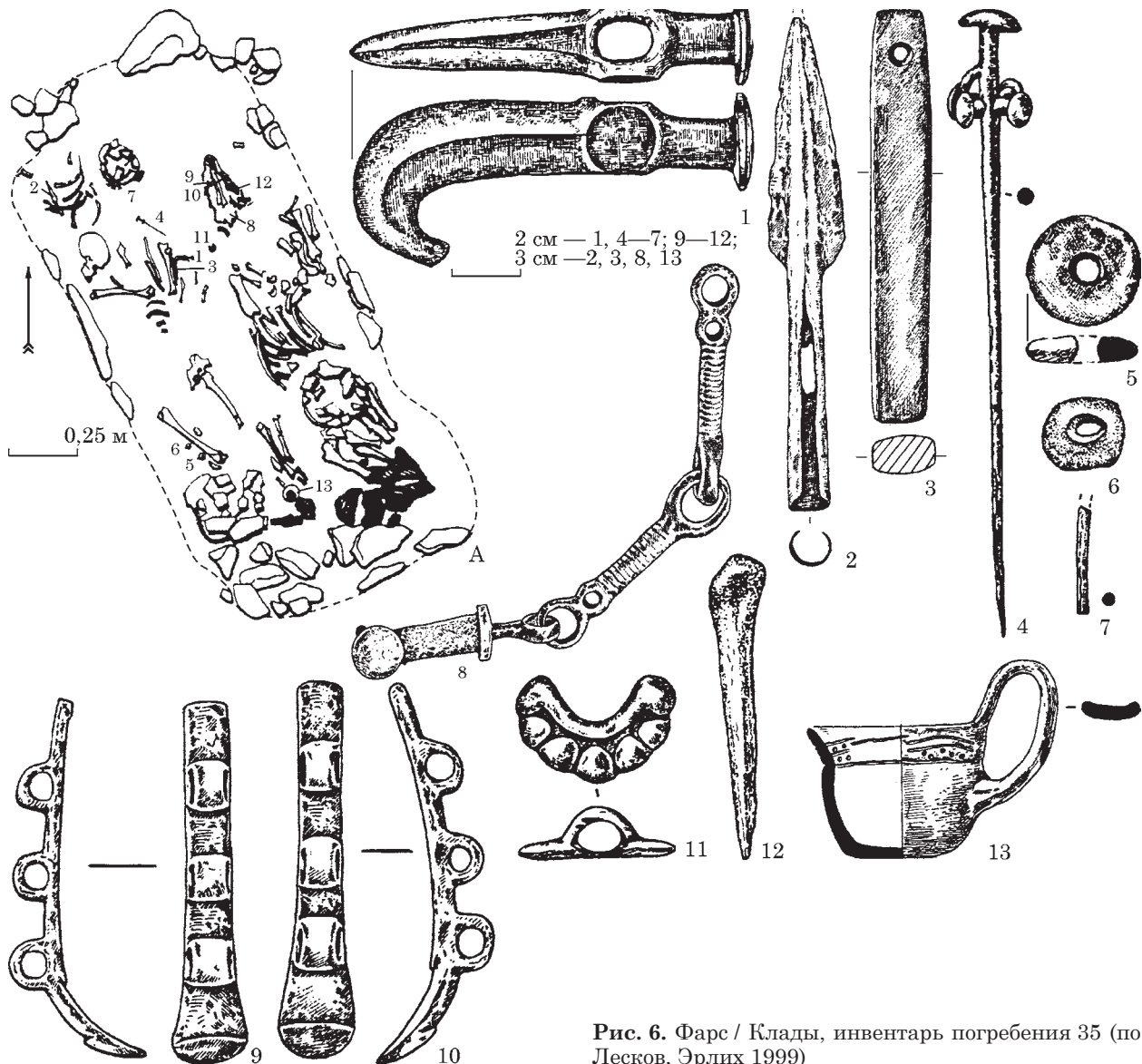

Рис. 6. Фарс / Клады, инвентарь погребения 35 (по Лесков, Эрлих 1999)

вое, безусловно, имеет секира из Кисловодска, головками животных, присуща кобанскому культурному миру» (Дударев 1991, с. 50). «Думается — писал он далее, — что оформление подунайских скипетров действительно связано с Кавказом» (Дударев 1991, с. 51). Однако он обратил внимание на раннюю хронологию клада из Прюдь, подчеркнув при этом, что проблема происхождения скипетров далека от своего решения. По его мнению, скипетр из Кисловодска: «является отражением уже обратного влияния подунавских культурных центров на кобанские племена, чему благоприятствовала киммерийская “передаточная среда”» (Дударев 1991, с. 51). В другой работе (Дударев 1999, с. 23), исследователь также отметил, что: «На Северном Кавказе же птичьи головные образцы крайне редки (Фарс 35), а их схема не “стыкуется” здесь с мотивом конской головы. Причину такого явления мы усматриваем в том, что на Кавказе в эпоху поздней бронзы — начала раннего железа существовала тради-

ция украшения подобных культово-парадных предметов головками плотоядных животных с синкретическими чертами (барсо-волк, собако-волк)..., что лучше отвечало воззрениям автохтонов. Поэтому следует предположить, что “ретрансляции” в Среднюю Европу манеры украшать предметы конской головой способствовали именно кочевники Восточной Европы».

В свою очередь С. В. Махортых, комментируя тот факт, что в Центральной Европе «нет формальных предпосылок для появления этих предметов» (т. е. скипетров), отмечает: «Вместе с тем, представленные на них детали оформления и их морфология чужды для традиционной кавказкой среды, но зато проявляются на предметах, входивших в круг древнейших киммерийского типа из Центральной и Восточной Европы, что заставляет искать истоки возникновения этих форм предметов в районах, локализирующихся западнее и севернее Предкавказья» (Махортых 2003,

с. 52). Следует, однако, отметить, что в среде «киммерийских» кочевников Причерноморья бронзовые скипетры вообще не были известны. Интересно, что кроме редких находок каменных клевцов и топоров (Тереножкин 1976, с. 141, 142, рис. 19: 9, 44), бронзовые топоры-чеканы — в том числе кобанского типа (Тереножкин 1976, рис. 8; Скорый 1999, рис. 24: 10—12), были здесь весьма редкими находками (Махортых 2005, с. 31—51). Как писал в свое время известный знаток лесостепных и степных кочевников Сергей Анатольевич Скорый: «Как и в Лесостепи, топоры кавказского происхождения еще ни разу не найдены ни в одном из киммерийских захоронений степного причерноморского ареала... Видимо, будет вполне правомерно говорить о том, что боевые топоры, как тип вооружения, вообще не играли какой-либо существенной роли в воинском деле киммерийцев» (Скорый 1999, с. 39). Нельзя также не отметить, что в металлопластике доскифских обществ Причерноморья не известны изображения головы лошади, которые характерны для среднеевропейских скипетров. Обсуждая проблему генезиса скипетров, я писал (Chochorowski 1993, p. 133), что в кочевой среде Великой Степи на пороге исторического периода, мотив конской головы (причем в натуралистической манере) отчетливо проявился только среди вещей кургана Аржан 1 в Туве (Грязнов 1980, рис. 15: 1—3). В культурной модели, представленной в этом комплексе — которая сформировалась в Средней Азии не позднее как на протяжении IX в. до н. э. (Чугунов, Парцингер, Наглер 2017, с. 179)¹ — присутствуют также такого рода элементы воинского снаряжения, как бронзовые клевцы (Грязнов 1980, рис. 11: 6), форма которых была характерна и для тагарской культуры среднего течения Енисея (Вадецкая 1986, табл. 6: 12; Parzinger 2006, Abb. 202: 11; 203: 7—14).

Самый большой вклад интеллектуальной вдумчивости в исследование «природы» бронзовых скипетров, как регионов Кавказа, так и Центральной Европы внес Владимир Роальдович Эрлих (Эрлих 1990, с. 247—250; 2004, с. 106—110; 2005, с. 151—162; 2007, с. 112—114). В его работах проблема стилистической интерпретации зооморфных изображений была связана с генезисом скипетров. Для определения характера этих памятников В. Р. Эрлих использует общее понятие — «птицеголовые скипетры», аргументируя, что это: «птицеголовые скипетры», а не «конноголовые», так как такой признак, как наличие конской го-

ловки на конце клюва, не является всеобщим даже для среднеевропейских образцов» (Эрлих 1990, с. 247). Окончание «головки» скипетра из Кисловодска он интерпретирует, подобно многим другим исследователям (Виноградов 1972, с. 155; Виноградов, Дударев, Рунич 1980, с. 185; Дударев 1991, с. 51; Махортых 1996, с. 115), как изображение «хищника» (Эрлих 1990, с. 247)². В. Р. Эрлих отвергает точку зрения Валентины Ивановны Козенковой (Козенкова 1975, с. 65) о кавказском происхождении «птицеголовых скипетров», подчеркивая, что: «для кобанских бронз доскифского времени вообще не характерен мотив головы хищной птицы» (Эрлих 1990, 248).

В поисках прототипов «птицеголовых скипетров» В. Р. Эрлих (Эрлих 1990, с. 248, 249; 2004, с. 106) сослался на некогда высказанное мнение Бернарда Хэнселя (Hänsel 1976, S. 40, 41) о морфологическом родстве скипетров Центральной Европы с парадными бронзовыми топориками (*Prunk- oder Paradeaxt*) типа Дражна де Жос (Drajna de Jos) из юго-восточной Румынии (Vulpe 1970, Taf. 67: 4). Эти топорики (рис. 7) известны также благодаря двум литейным формам, происходящим из клада в местности Побит Камък (Pobit Kamък) в северо-восточной Болгарии (Hänsel 1976, Taf. 1: 1, 2; Черных 1978, с. 254—256, табл. 69: 1, 2). Подобная находка обнаружена и в кладе из Лозово (Lozova) в центральной части Молдовы, связанным с поздней культурой Ноа и датированным XIII — началом XII в. до н. э. (Дергачев 1975, с. 13—18, рис. 4—6; 1986, с. 165—170, рис. 48, 24). Точно так же, XIII в. до н. э. (Reinecke BzD), датируется клад из Дражна де Жос, связанный с горизонтом кладов Уриу-Доманешти-Драгомирешти-Оупали (Uriu-Domănești-Dragomirești-Opályi; Petrescu-Dombovița 1977, p. 78, 79, Taf. 91: 3). Однако в последнее время появилась тенденция расширять хронологические рамки этого горизонта, как и периода Reinecke BzD, до второй половины XIV в. до н. э. (László 2006, p. 46—48), на основании дендрохронологической датировки известного остова финикийского корабля, затонувшего у мыса Ульу-бурун (Uluburun), вблизи полуострова Гелидония (Gelidonya), в юго-западной Турции (Pulak 1996, p. 12, 13). Характерная особенность этих топориков — «грибовидный» обушок и сильно закрученный каннелированный клюв-головка в передней части. Топорики из кладов в Побит Камък и села Лозово, на уровне втулки для рукояти имеют выпуклый, декоративный элемент. Это действительно напоминает стилизацию головы птицы с подогну-

1. Высказанная в свое время мысль (Chochorowski 1996, p. 248) на счет ранних, достигающих даже X в. до н. э., «корнях» аржанской модели культуры раннеисторических кочевников (может, даже — скифов), представляется сейчас более реальной, по мере накопления археологических источников (Чугунов 2013, с. 97—102; 2020, с. 58—60).

2. Помимо этой основной интерпретации, были также высказываны мнения, что изображенное животное относилось к группе «собакоподобных» (Jakob-Friesen 1968, S. 71) или напоминало голову лошади (Ильинская 1965, с. 209; Bukowski 1976, p. 79).

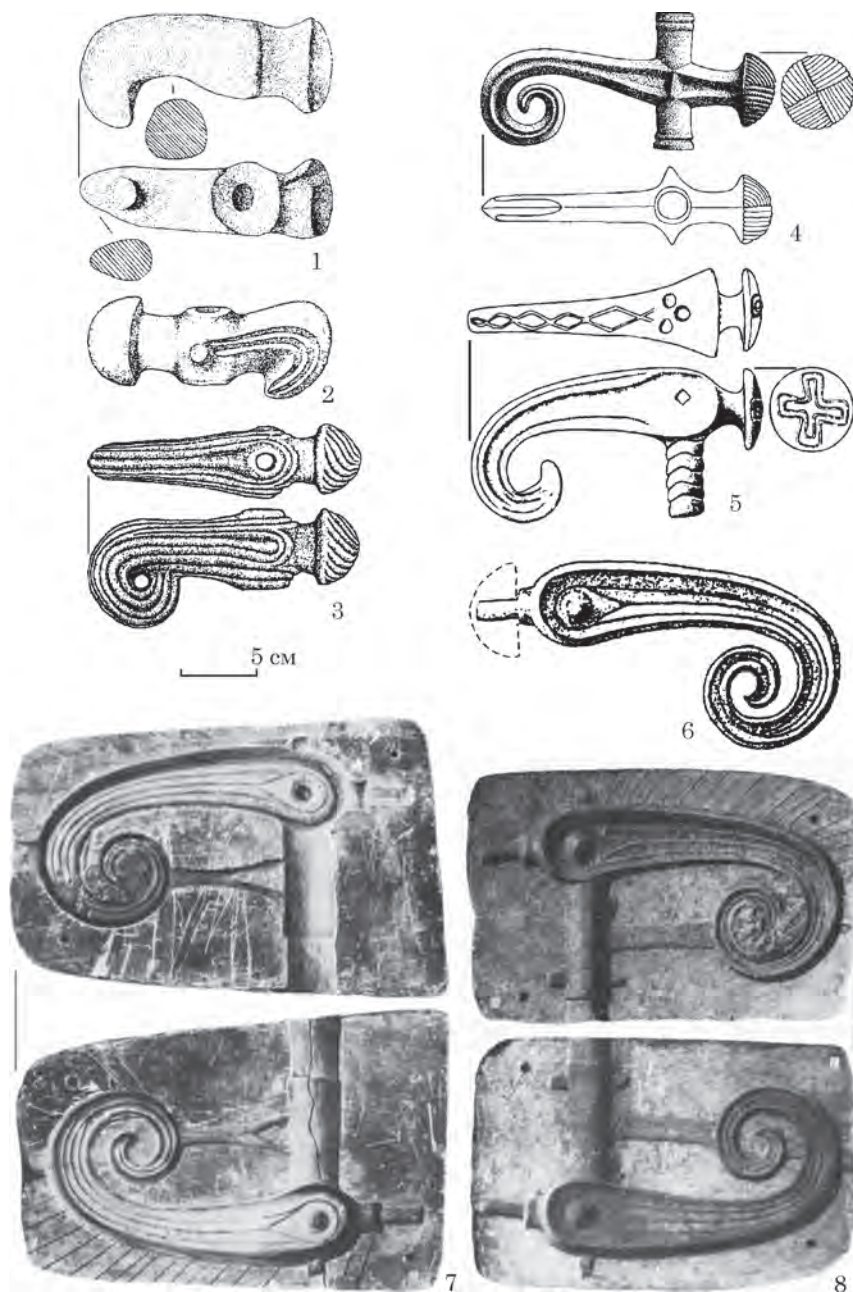

Рис. 7. Каменные и бронзовые «птицеголовые» топоры-обухи из Юго-Восточной Европы: 1 — Пантелимон де Сус; 2 — Люлин; 3 — Ульубурун; 4 — Дражна де Жос; 5 — Лозова; 6 — Побит Камык, вид топора на основе литейной формы; 7 — Побит Камык, Музей Разград; 8 — Побит Камык, Археологический музей, София (по: 1, 2 — Irimia 2008; 3 — Buchholz 1999; 4 — Vulpe 1970; 5 — Дергачев 1975 и László 2006; 6 — László 2006; 7 — Hänsel 1976; 8 — Черных 1978)

ричные солярные розетки в виде вписанного в круг ромба (Мебельная фабрика или вихревая розетка (комитат Туроч), округлая выпуклость — на скипетрах из Фарса, Прюдь и Сын-михай де Падуре, сквозное отверстие на скипетре из Батина, или симметричные налепы (Пжедмежиц). Объяснить наличие этого изобразительного элемента, имеющегося на всех без исключения скипетрах, можно только тем, что древние их обладатели видели в самом по себе скипетре отдельный зооморфный образ хищной птицы, понять который помогают скипетр из Фарса и топорик из протомеотских памятников как бронзовые, так и каменные» (Эрлих 2004, с. 107).

тым клювом, а выпуклое украшение на обеих сторонах, можно считать имитацией глаза. Образец из Дражна де Жос, напротив, имеет в этом месте профилированную поперечную выпуклость, явно служившую практически целям усиления его конструкции.

Эта предполагаемая имитация «глаза» на обеих сторонах топориков играет важную роль в дискуссии, поскольку как В. А. Ильинская, так и В. Р. Эрлих придают этой стилизации особый смысл. Как пишет В. Р. Эрлих: «о том, что все эти скипетры объединяет единый зооморфный образ обособленной головы хищной птицы, свидетельствует признак, имеющийся на всех без исключения скипетрах этой серии — это «глаз» животного, переданный различными способами, находящийся на проухе топора-скипетра. Это могут быть симмет-

ДИЛЕММЫ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗООМОРФНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА БРОНЗОВЫХ СКИПЕТРАХ

В подтверждение этого тезиса В. Р. Эрлих обращается к серии бронзовых «протомеотских» топоров с асимметричным лезвием (рис. 8), имеющим с обеих сторон отверстия для рукоятки, декоративные утолщения и выпуклости, которые также могут имитировать «глаз» (Эрлих 2004, рис. 1: 9, 10, 17). Особенно интригующим является, однако, обращение им внимания и на протомеотские каменные топорик с асимметричным, «висящим» лезвием, иногда даже в виде изогнутой, «клювоподобной» головки (рис. 9). Действительно, эти формы могут

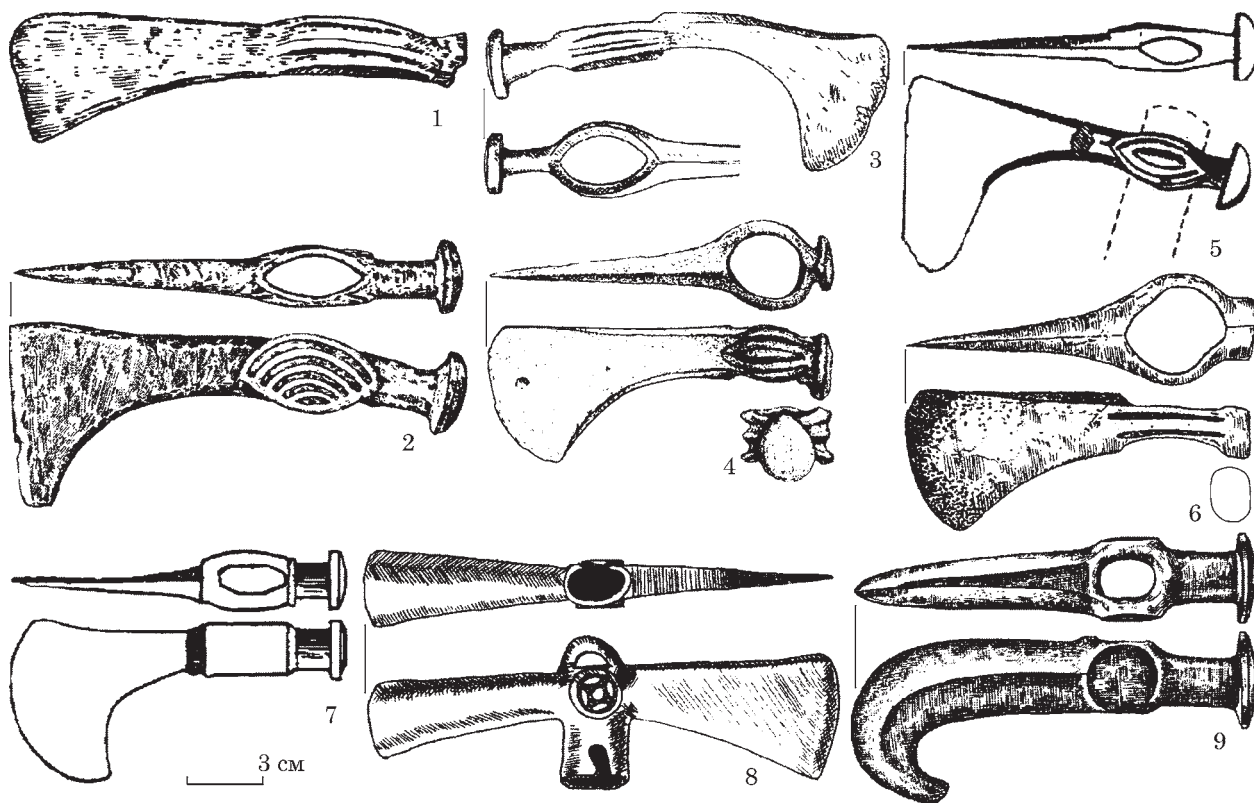

Рис. 8. Бронзовые топоры с территории Предкавказья: 1 — Майкоп (окрестности города); 2 — Абадзехская станица; 3 — Каменномогская станица; 4 — Шапсугская станица; 5 — Кочипэ; 6 — Бесленеевская станица; 7 — Абадзехская станица; 8 — Кубанский могильник, погребение 50; 9 — Фарс / Клады, погребение 35 (по Эрлих 2007)

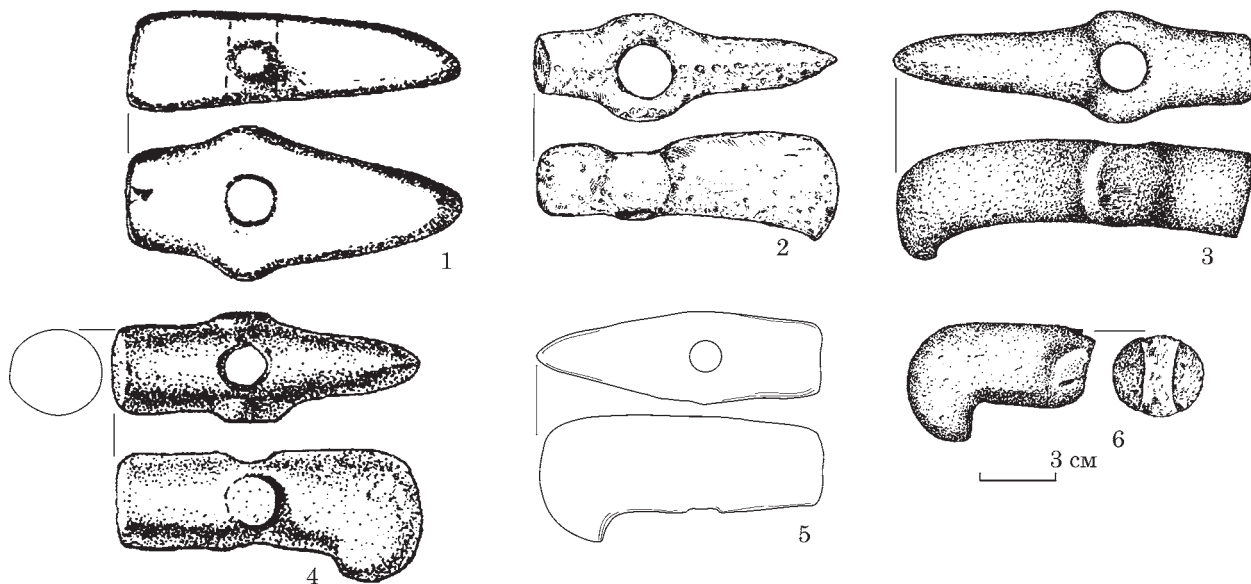

Рис. 9. Каменные топоры с территории Предкавказья: 1 — Зандак, погребение 51; 2 — Краснодарское водохранилище, левый берег; 3, 6 — аул Тауйхабль, окрестности; 4 — Султан-Гора I, погребение 7; 5 — Кубанский могильник, погребение 5 (по Эрлих 2005 и 2007)

напомянуть изогнутый клюв и голову птицы. С полной уверенностью их можно также считать прототипами бронзовых скипетров с загнутой вниз передней частью (головкой). Однако эти топоры имеют утолщения по обеим сторонам проуха явно практического характера. Несомненно, они должны были служить укрепле-

нию изделия в самом слабом месте; разломы в этой части зафиксированы неоднократно (Эрлих 2004, рис. 1: 15). Тщательно обработанная круглая или овальная, иногда даже «пуговицеобразная» форма этой выпуклости оказывается обычным результатом особенностей технологии обработки камня.

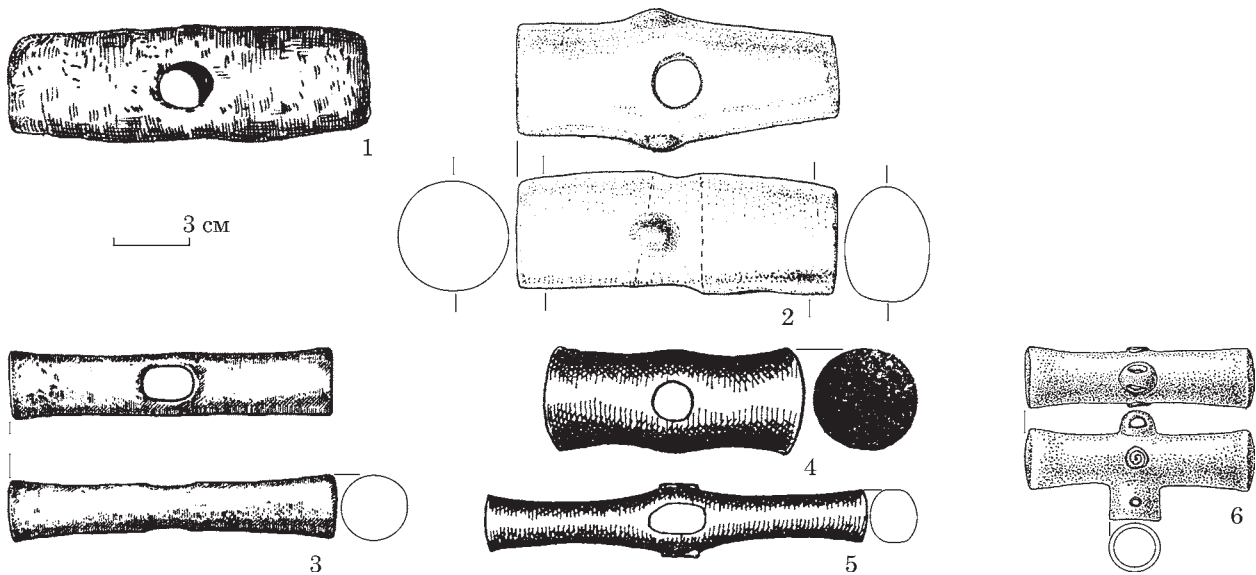

Рис. 10. Каменные и бронзовые молотки с территории Предкавказья: 1 — Кубанский могильник; 2 — Краснодарское водохранилище, левый берег, Казазово?; 3 — Фарс / Клады, погребение 9; 4, 5 — Кисловодск, Мебельная фабрика, погребения 6 и 28; 6 — Казазово (по: 1—3, 6 — Эрлих 2007; 4, 5 — Виноградов, Дударев, Рунич 1980)

Этот своеобразный пережиток, как по практическим (усиление конструкции), так и по эстетическим (декоративная форма скипетров), причинам, мог быть сохранен в технологии бронзового литья, более приспособленного для изготовления сложной, даже «фантазийной» формы изделия. Утолщения, овалы, выпуклости и т. д. по обеим сторонам отверстия (проуха), особенно на бронзовых топориках и скипетрах, возможно, восходили в виде реминисценции к их каменным прототипам. На этот технологический аспект морфологии бронзовых скипетров обращал уже внимание в свое время Г. Якоб-Фризен (Jacob-Friesen 1968, S. 71). Хорошим аргументом в этом плане является наличие подобных утолщений, декоративных мотивов или выпуклостей на топориках-чеканках и особенно на цилиндрических каменных и бронзовых «боевых молотках» (рис. 10), совершенно не напоминающих птичью голову (Эрлих 2004, рис. 1: 17—19). В. Р. Эрлих утверждает, что «этот выступ-“глаз” придавал жезлу *pars pro toto* признак зверя, “оживлял” его, увеличивал его магическую “силу» (Эрлих 2004, с. 109). Однако эта особенность имела более широкий охват и не ограничивалась только бронзовыми «птицеговыми» скипетрами или топорами и молотками, выполняющими символическую функцию «жезлов». Это, несомненно, технологическая черта прослеживается и на каменных эквивалентах таким изделиям. Конечно, сама форма топора (даже каменного), с изогнутой «головой», могла вызвать ассоциацию и эстетическое отождествление с «головой хищной птицы». Однако представляется более вероятным, что создание такой формы связано со спецификой технологического процесса и его продолжительностью, даже после преодоления сырьевого барьера: камень — бронза.

Таким образом, не похоже, что мы имеем дело с сознательным и преднамеренным изображением символа или идеи «птицы», материализованных в том или ином материале. Скорее, эта символика был приписана технологической форме, возникшей в процессе изготовления изделия. В этом случае первична «материя», а «идея» — вторична.

Интересно, что сходное явление прослеживается и в юго-восточной Европе, в зоне присутствия вышеупомянутых скипетров типа Дражна де Жос. Среди находок, связанных с культурной средой памятников Ноа-Коследжени-Сабатиновка (Noa-Coslogeni-Sabatinovka) и в зоне их влияния, направленном в сторону Эгейского моря, известны каменные скипетры с «грибовидным» обушком и загнутой вниз головкой (рис. 7: 1, 2), напоминающие клюв или голову хищной птицы (орла?, сипа?) (Irimia 2008, p. 80). Один из них, с гладкой поверхностью без декора, происходит из местности Пантелимон де Сус (Pantelimon de Sus) близ Бухареста, другой, украшенный по бокам изогнутого «клюва» каннелюрами — из местности Люлин (Ljulín) близ Ямбола, в юго-восточной Болгарии (Irimia 2008, fig. 2; 3: 2). У находки из Люлина также есть выпуклости, расположенные с обеих сторон по центру, на уровне проуха, которые вместе с бороздками, подчеркивающими линию «клюва», как бы имитируют общей формой «голову» хищной птицы. Михаил Иримия (Irimia 2008, p. 87, 88) сопоставляет эти находки с рифленным топориком-скипетром, найденным в остане корабля у мыса Ульу-бурун (рис. 7: 3). Его происхождение также связывается с восточной частью Балканского полуострова или с Северным Причерноморьем (Buchholz 1999, S. 74; László 2006, p. 44—49). Однако скипетр, найденный на корабле, покрыт каннелюрами по всей повер-

хности (включая «грибовидный» обушок), что, скорее, создает впечатление обработки, нацеленной на повышение эстетической ценности и эксклюзивности изделия. Благодаря способу декорирования этого скипетра, и тому, что его «головка» изогнута в форме замкнутого кольца, он считается имитацией бронзовых скипетров-обушков типа Дражна де Жос, Лозова и Побит Камък (Buchholz 1999, S. 68—78; László 2006, p. 44). У всех этих экземпляров, несмотря на очень малый диаметр проуха, центральная часть явно утолщена, что, несомненно, является технической необходимостью. Не вдаваясь в дискуссию, какие из них были прототипами, а какие — имитациями (каменные для бронзовых или наоборот), необходимо признать, что их взаимосвязь не вызывает сомнений, как и взаимосвязь протоэоцских, каменных и бронзовых топориков / чеканов / скипетров на Кавказе (Эрлих 2007, с. 114).

Так как скипетры типа Дражна де Жос и их каменные аналоги типа Люлин относятся к периоду между серединой XIV и концом XIII в. до н. э. (Reinecke VzD), то самые ранние из средневропейских бронзовых скипетров относятся к фазе HaV₂, датируемой с 960/950 по 900/890/880 гг. до н. э. (Sperber 1987, S. 254, 255; 2017, S. 299; Rychner 1995, S. 471; Pare 1998, Tab. 4, 5; Trachsel 2004, S. 316—319), т. е. второй половиной X в. до н. э. Таким образом, хронологический разрыв между временами бытования этих предметов составляет примерно 200—300 лет, не говоря уже о динамике исторических процессов, разделяющих эти два периода. Содержанием этих процессов был, среди прочего, кризис и крах всей культурной модели Ноа-Косльоджени-Сабатиновка, а также глубокие цивилизационные, социальные, этнические и другие изменения во всей юго-восточной Европе и в Восточном Средиземноморье, связанные с активностью т. н. «Народов Моря» (Sanders 1978; Ключко 1990, с. 10—17; Klochko 1993, p. 74—77; Śliwa 2004, p. 43—53; Ciszewska 2011, p. 427—433; Pietrzyk 2011, p. 5—18; Отрощенко 2018, с. 7, 8). Как однозначно полагают знатоки обсуждаемой проблематики (Metzner-Nebelsick 2002, S. 465), является очевидным, что бронзовые скипетры типа Дражна де Жос никаким образом не могут рассматриваться как прототипы «конноголовых» скипетров из территории Карпатского бассейна и, по-видимому, также Кавказа. Если, однако, на Кавказе стоит предположить вероятность создания местных форм бронзовых скипетров на основе бронзовых (и возможно каменных), «птицеголовых» (?) топориков, то в случае с Карпатским бассейном, нужно искать какое-либо иное внешнее воздействие, совершенно чуждое местной культуре полей погребальных урн. Следовательно, возникает вопрос, могла ли это быть — как принято считать — «кавказская» инспирация?

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ РАЗБОР ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИХ И КАВКАСКИХ БРОНЗОВЫХ СКИПЕТРОВ

Эта проблема требует, прежде всего, стилистического анализа скипетров как Центральной Европы, так и Кавказа с учетом их сходства и различия, заметных в художественной манере изображения (иконизации) зооморфных представлений. Очень важным является указанный В. А. Ильинской и замеченный также В. Р. Эрлихом синкретизм этих представлений. Как пишет В. Р. Эрлих: *«мы можем рассматривать птицеголовые скипетры с дополнительным образом, как случаи зооморфного превращения клюва хищной птицы в шею и голову лошади (Средняя Европа), и шею, и голову хищника (“Мебельная фабрика”)*» (Эрлих 2007, с. 113). Несомненно, что в случае двух скипетров известных из территории Карпатского бассейна, а именно экземпляра из канала Шарвиз и находки из территории Турчанской котловины на севере Словакии (рис. 2: 1, 2), мы имеем дело с натуралистическим, четко выражающим видовые биологические черты, изображением головы лошади на изогнутой шее. Этого рода изображения должны быть, как это ясно высказал Анатолий Робертович Кантарович (Кантарович 2016, с. 4, 5), вдохновлены *«природным прототипом»*, то есть реально существующей «моделью», черты которой «художник-металлург» отразил в объеме, определенным технологией бронзового литья и собственными художественными умениями и навыками. Это — эффект воссоздания в бронзе зрительного ощущения, связанного с непосредственным наблюдением типичных черт конкретного животного или его образа, сохраненного в личном сознании. Реалистичность «образной» манеры подтверждается наличием на «шее» обоих упомянутых изображений, элементов «упряжки»: поясов или поводьев, подстегнутых под шейю лошади. Это особенно заметно при графическом изображении *en face* головы на скипетре, найденном в канале Шарвиз (рис. 11). Однако здесь отсутствуют какие-либо (!) элементы, которые бы в столь же натуралистической манере изображали голову или клюв птицы. Я, конечно же, воздерживаюсь здесь от общей ассоциации формы скипетра с головой птицы (Ильинская 1965, с. 207, 208), поскольку это не имеет ничего общего с реализмом изображения, что, несомненно, было настоящим намерением художника-изготовителя.

Существенным элементом моделирования головы лошади, на который я уже обращал внимание (Chochorowski 1993, p. 131, 132), является имитация короткой «стоячей» гривы, четко обозначенной на хребте дугообразно подогнутой шеи. Как известно, это одна из характерных черт лошади Пржевальского (Поляков 1881, с. 1—23), тарпана и других родственных

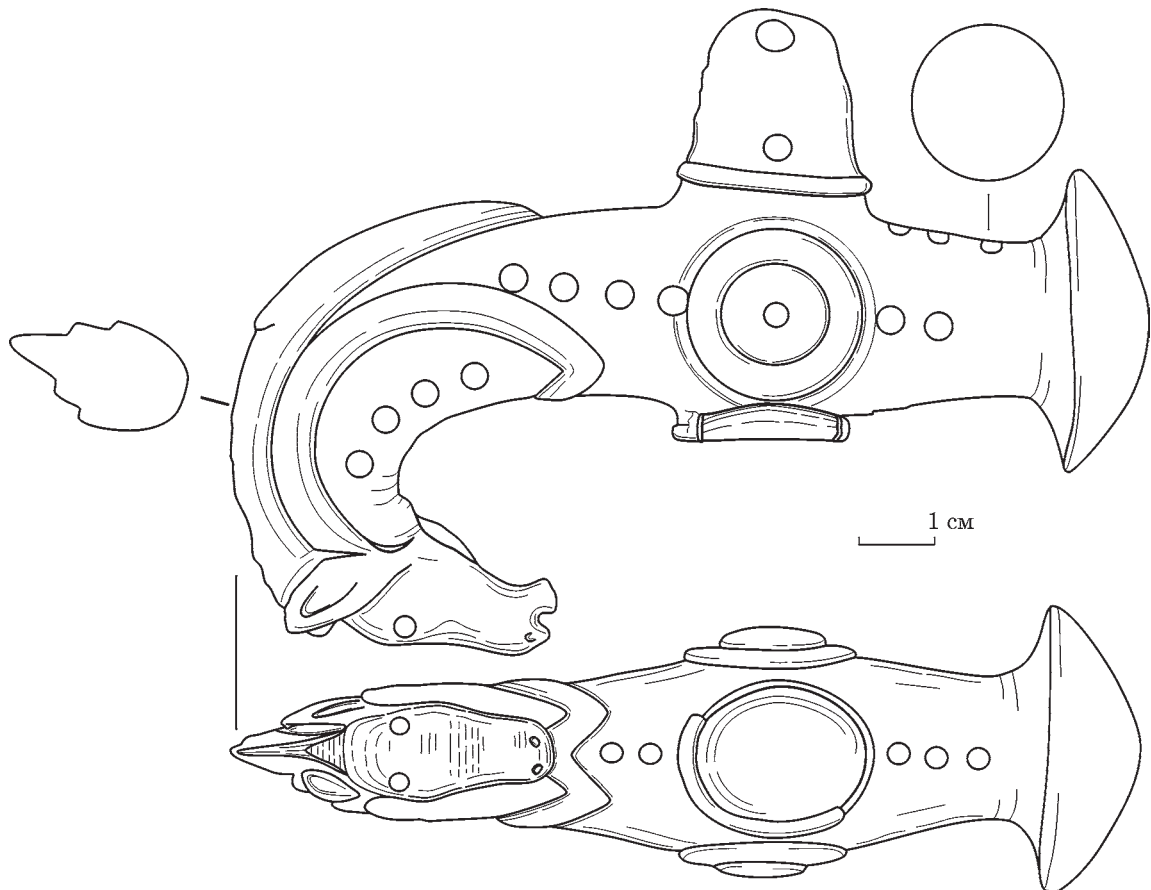

Рис. 11. Скипетр из канала Шарвиз, контурный чертеж, рис. автора

Рис. 12. Чертомлыцкая амфора; сцена спутывания ног коня скифским всадником (по L'art Scythe 1986)

им пород (Grabowski 1982, p. 10—13), которые широко разводились кочевниками Великой Степи. Одним из наиболее ярких свидетельств использования лошадей этого вида в скифской среде, среди прочего, является фриз на серебряной амфоре из кургана Чертомлык (Ковалевская 1977, с. 112, 113; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 120—122, 184—185). Здесь четко зафиксировано использование лошадей со «стоячей» короткой и вероятно, подстриженной гривой (рис. 12). О распространении этого обычая среди кочевников писал уже давно известный знаток конного дела и археологии всадничества, Александр Владимирович Симоненко, под-

черкивая важность этой особенности как признака уже объезженной лошади (Симоненко, 1987, с. 141). В среде степных сообществ обычай стрижки гривы отличал подготовленных к верховой езде особей. В древней (в том числе ассирийской) иконографии эта особенность считается характерным признаком, отличающим изображения верховых конных лучников (Витт 1952, с. 198). Несомненно, металлурги, проживавшие на территории Карпатского бассейна в тех обществах, представители которых в IX в. до н. э. пользовались бронзовыми скипетрами, изображали верховых лошадей с короткими стоячими, специально ухоженными гривами, типичными для пород, традиционно используемых степными кочевниками. Тот факт, что в раннем железном веке разведение лошадей вида тарпанов (т. н. «восточной группы») стало популярным на Венгерской равнине (Bökönyű 1954, с. 104-109), подтверждается археологическими открытиями, в т. ч. захоронениями коней в Сентеш-Векерзуг (Szentés-Vekerzug; Párducz 1952, Pl. XLII: 1, 2; L: 1, 2), а также историческими данными о народе сизиннов, населявших эту территорию (Chochorowski 1987, p. 189—195; Хохоровски 2017, с. 233—238).

Показательный характер имеет также разнообразие форм, особенно моделирования головы лошади, характерно и для других скипетров из Карпатского Бассейна и прилегающих

территорий. Экземпляры из Прюдь и Синмихай де Падуре (рис. 2: 3, 4), весьма похожие друг на друга, характеризуются упрощением и своего рода сокращением видовых характеристик изображения головы, но с явным акцентом на наличие «гривы» на хребте массивно очерченной шеи. Однако, как и у экземпляров из Шарвиза и Турчанской котловины, здесь четко обозначены «торчащие» уши. У скипетров из Батины и Пжедмежице (рис. 2: 5, 6) отчетливость очертаний головы и шеи оказалась практически изжитой; сохранилась лишь реликтовая модель «гривы». У экземпляра из Батины «грива» была отмечена только угловым, острым выступом гребня подогнутой шеи от проуха до конца головки с ушками (?), отмеченными с обеих сторон в виде выпуклостей. Если, вслед за Т. Кеменцеи (Kemenczei 2005, S. 139, Taf. 43: A), в эту группу изделий включить также случайную находку из Бекеш-Ходьмаши (Békés-Nagyvási), то здесь можно увидеть практически полное исчезновение зооморфного мотива, при сохранении общей морфологии скипетра с «тупо» оконченной головкой (рис. 2: 7). Если не считать «грибовидного» обушка и загнутой втулки с подобным завершением, сходство с натуралистическими экземплярами прослеживается только в присутствии изображения элементов «упряжи» в виде «поясов» (?) у основании шеи (?)¹.

Проведенный анализ свидетельствует, что набор бронзовых скипетров с территории Карпатского бассейна представляет собой самостоятельный феномен, демонстрирующий внутреннюю изменчивость, проистекающую из логических принципов «последовательности» или «типологической линии». Здесь мы имеем дело с эволюцией одного и того же образца (материализованной идеи) в очередных стадиях: 1) **визуализации / иконизации** «природного прототипа», т. е. головы лошади (находки из канала Шарвиз и Турчанской котловины), 2) различных уровни **стилизации и унификации** (Синмихай де Падуре и Прюдь), 3) **геометризации** (Батина и Пжедмежице),

1. Внешний вид этого скипетра говорит о том, что он не сохранился полностью. Возможно, у этого экземпляра была отломана «головка», а поверхность излома вторично сглажена (?). С другой стороны, это тоже под вопросом, учитывая размер находки по сравнению с другими образцами. Однако известно (Kemenczei 2002, S. 139), что какое-то время он хранился в частной коллекции: Венгерский национальный музей в Будапеште приобрел его в 1912 г. Следовательно, его могли использовать вторично и, возможно, даже внешне «улучшить» из-за эстетических или функциональных потребностей. В любом случае, крайне интригующе впечатление создает валикообразный угловатый узор (пояс или поводья «упряжки») (?), напоминающий основание какого-то недостающего сегмента этой формы, который откололся (?); возможно, изогнутой шеи и головы (?).

4) **деградации** первичного мотива (Бекеш-Ходьмаши). В результате, в финале процесса, уже форма скипетра сама по себе отражала исходную идею и ее символику в такой же степени, как и «натуралистические» образцы. Причиной ухода от манеры натуралистического представления «природного прототипа» головы лошади, была, вероятно, тривиализация этого мотива, который на начальном этапе был новым, интригующим с точки зрения культурных поведений и высоко-престижным феноменом. Со временем он стал обычным «повседневным» явлением и потерял свою «коммуникативную свежесть» в общественном рассказе. Владелец скипетра подчеркивал свой статус самым фактом его наличия, даже без необходимости демонстрировать иконографический знак, символизирующий его социальную роль и функцию.

Стилистическая вариативность скипетров могла иметь хронологическое измерение и совершаться в реальном историческом времени, примерно в рамках IX в. до н. э., т. е. от конца фазы NaV₂ (клад из Прюдь) до рубежа NaV₃/NaC (находка з Пжедмежице). Следует учитывать, что, в соответствии с концепцией типологической последовательности, образцы «натуралистической» иконизации, из канала Шарвиз и Турчанской котловины, должны быть несколько старше находки в Прюдь, а «деградированная» форма скипетра из Бекеш-Ходьмаши — младше находки с Пжедмежице. Эти различия, однако, не обязательно должны выражать только изменения во времени и могли являться результатом, например, непонимания сути символического послания, содержащегося в изображении головы лошади, среди изготовителей, действующих вне определенного «общественно-культурного ядра»², в котором этот образец (в натуралистической форме) играл значительную роль в общественной и символической коммуникациях. Однако не похоже, что эта дилемма имеет здесь какое-либо существенное интерпретационное значение. Ибо это не меняет факта, что бронзовые скипетры из Карпатского бассейна и его окружении, являются своеобразным «знаком времени», отражающим специфику культурных и социальных изменений, которые произошли на этой территории в основном в IX в. до н. э.

Сопоставление бронзовых скипетров с территории Карпатского бассейна, с небольшой серией из трех находок из северо-западного Предкавказья (рис. 13: 2—4), не способно сильно обогатить наши знания о взаимоотношениях этих двух регионов. К указанным выше экземплярам из Кисловодска и могильника

2. Понятие «общественно-культурного ядра», я употребляю согласно концепции «культурного ядра» Дж. Х. Стьюарда (Steward 1972, p. 9—42, 79—98), как феномен, описывающий специфику и неповторимость индивидуальных культурных моделей.

Рис. 13. Сравнение «натуралистического» скипетра из канала Шарвиз с экземплярами с территории Предкавказья: 1 — Шарвиз; 2 — Кисловодск, Мебельная фабрика, погребение 14 (вторично украшенный); 3 — Апшеронский район; 4 — Фарс / Клады, погребение 35 (по: 1 — Kemenczei 1998; 2 — Крупнов 1960; 3, 4 — Эрлих 2007)

Фарс / Клады следует добавить также опубликованную В. Р. Эрлихом случайную находку из Апшеронского района Краснодарского края (Эрлих 2005, с. 161, рис. 5: 4). По мнению В. Р. Эрлиха, «У этого экземпляра, близко по общему контуру к скипетру из клада Прюдь, на конце имеется некое **синкретичное изображение лошади с зубами хищника**. Таким образом, можно предположить, что мастер-кавказец, безусловно, знакомый со средневропейскими культовыми жезлами с протомой лошади на клюве, счел необходимым наделить это зооморфное изображение и признаками хищника — острыми зубами» (Эрлих 2007, с. 114). Как уже неоднократно

упоминалось, зооморфное окончание скипетра из Кисловодска чаще всего ассоциировалась с головой хищника. С другой стороны, у «птице-голового» скипетра из погребения могильника Фарс / Клады, как пишет упомянутый исследователь «**полностью отсутствуют элементы образа лошади**» (Эрлих 2004, с. 107).

Среди особенностей зооморфного изображения скипетра из Кисловодска наиболее яркой является, однако, массивная имитация коротко подстриженной (?) стоящей гривы и «торчащих» ушей (рис. 14). Символом питающегося мясом хищника являются клыки, а не длинный ряд из шести премоляров и коренных зубов, характерных для зубной системы лошади

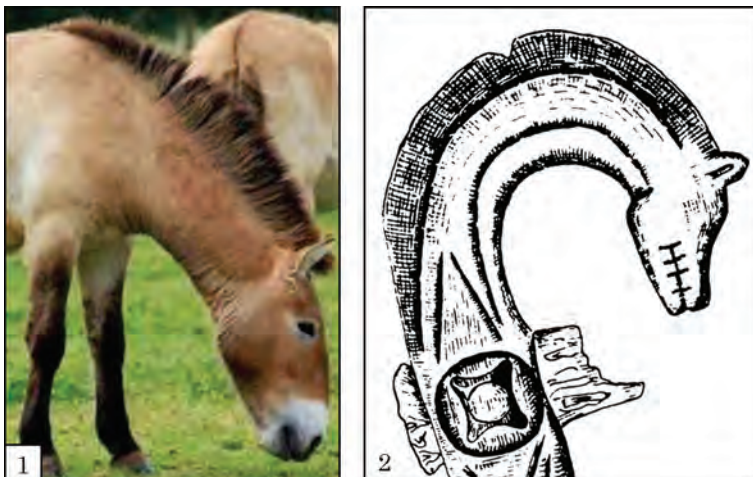
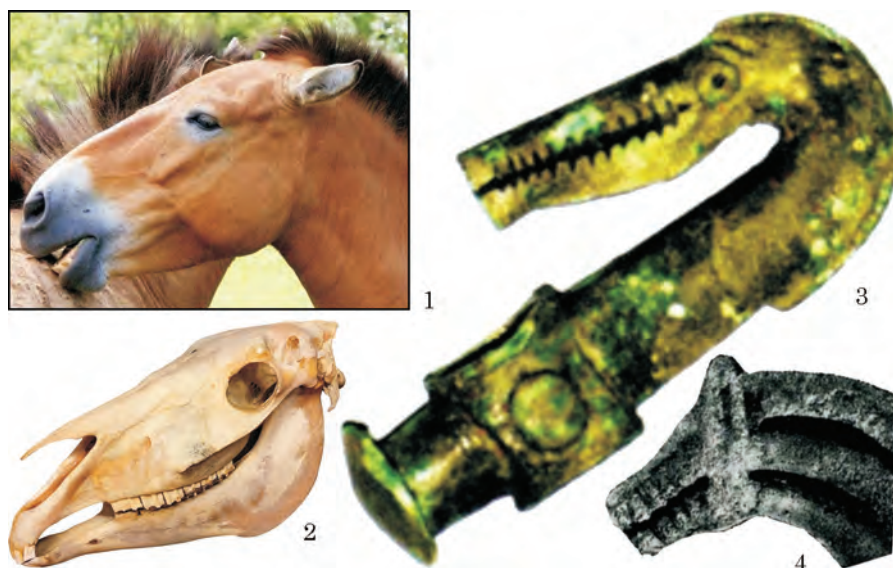

Рис. 14. Навершие («головка») скипетра из Кисловодска и его возможный «натуральный прототип»

Рис. 15. Скипетры из Апшеронского района и Кисловодска и их возможные «натуральные прототипы»

(рис. 15). Во всяком случае, грива и «торчащие» уши выразительно изображены и на схематически смоделированном навершии скипетра из Апшеронского района (рис. 13: 3). Несомненно, К. Метцнер-Небелсик права в том (Metzner-Nebelsic 2002, p. 467), что скипетр из могильника Фарс / Клады больше всего напоминает экземпляры из Батина и Пжедмежице, которые среди среднеевропейских изделий является примером геометризации первичного узора («природного прототипа»). Сопоставление кавказских скипетров с находкой из канала Шарвиз (рис. 13), т. е. с примером наиболее натуралистичного изображения головы лошади на изогнутой шее, позволяет считать их поздними по отношению с типологически самыми ранними экземплярами из Центральной Европы. Наиболее близким к «натуралистическим» формам является образец из Кисловодска, следующий этап — стилизации, представлен скипетром из Апшеронского района, а типологически самым поздним, является «геометризованный» экземпляр с могильника Фарс / Клады. «Грива», как и у скипетра из Батины, обозначена здесь только угловым острым пробором задней части подогнутой шеи, идущим от проуха до окончания головки. Четкая стилистическая дифференциация кавказских скипетров может, хотя не обязательно, означать тоже существенные различия в их датировке.

Очень сложно, однако, установить какие-либо существенные стилистические связи между кавказскими скипетрами и серией среднеевропейских находок. Масштаб различий может означать, что скипетры производились в обоих регионах, в какой-то степени независимо друг от друга. «Солярный знак» на скипетре из Кисловодска (Ильинская 1965, с. 208, 209, рис. 2), несомненно, связывает его с кавказским и, шире, восточноевропейским составом магических символов (Тереножкин 1976, рис. 92, 93; Рябкова 2008, с. 324—327). По сути, каждый

предмет из обеих серий демонстрирует индивидуальные особенности и указывает «авторское» изобретение в способе моделирования, особенно имеющего решительное значение для их символики — зооморфного окончания. Наибольшее сходство прослеживается в общей морфологии этих памятников: в «грибовидной» форме обушка (здесь выделяется экземпляр из Кисловодска), в форме проуха или в сильном изгибе головки-клевец. Можно лишь сформулировать общий тезис о том, что степень диверсификации скипетров увеличивается с «удалением» от исходного образца («природного прототипа»). Поэтому сложно судить, какой из них мог быть прототипом (шаблоном) для другого экземпляра. Общей и, как бы, внешней, является, несомненно, идея зооморфного изображения и его символика. Однако здесь обратим внимание на наблюдение В. Р. Эрлиха по поводу находки в могильнике Фарс / Клады: «Следует отметить, что скипетр из Фарса стоит типологически ближе всего к своим отдаленным прототипам. В Средней Европе — фарсовскому близки скипетр из клада Прюдь, и... скипетр из Синмихай де Падуре в Румынии... Однако они имеют дополнительный зооморфный образ в виде конской головы. Таким образом, фарсовский скипетр в эволюционном ряду занимает более раннюю позицию» (Эрлих 2004, с. 106). Такое мнение, несомненно, обусловлено убеждением в превосходстве (первичности) «птицеголового» образца в общей морфологии скипетров.

СКИПЕТРЫ — УНИВЕРСАЛИЗМ ФОРМЫ, ФУНКЦИИ И СИМВОЛИКИ

Уделяя внимание общей морфологии бронзовых скипетров, нельзя игнорировать некоторые особенности, свидетельствующие о вневременной универсальности этого рода памятников. Их присутствие, как показатель престижа и

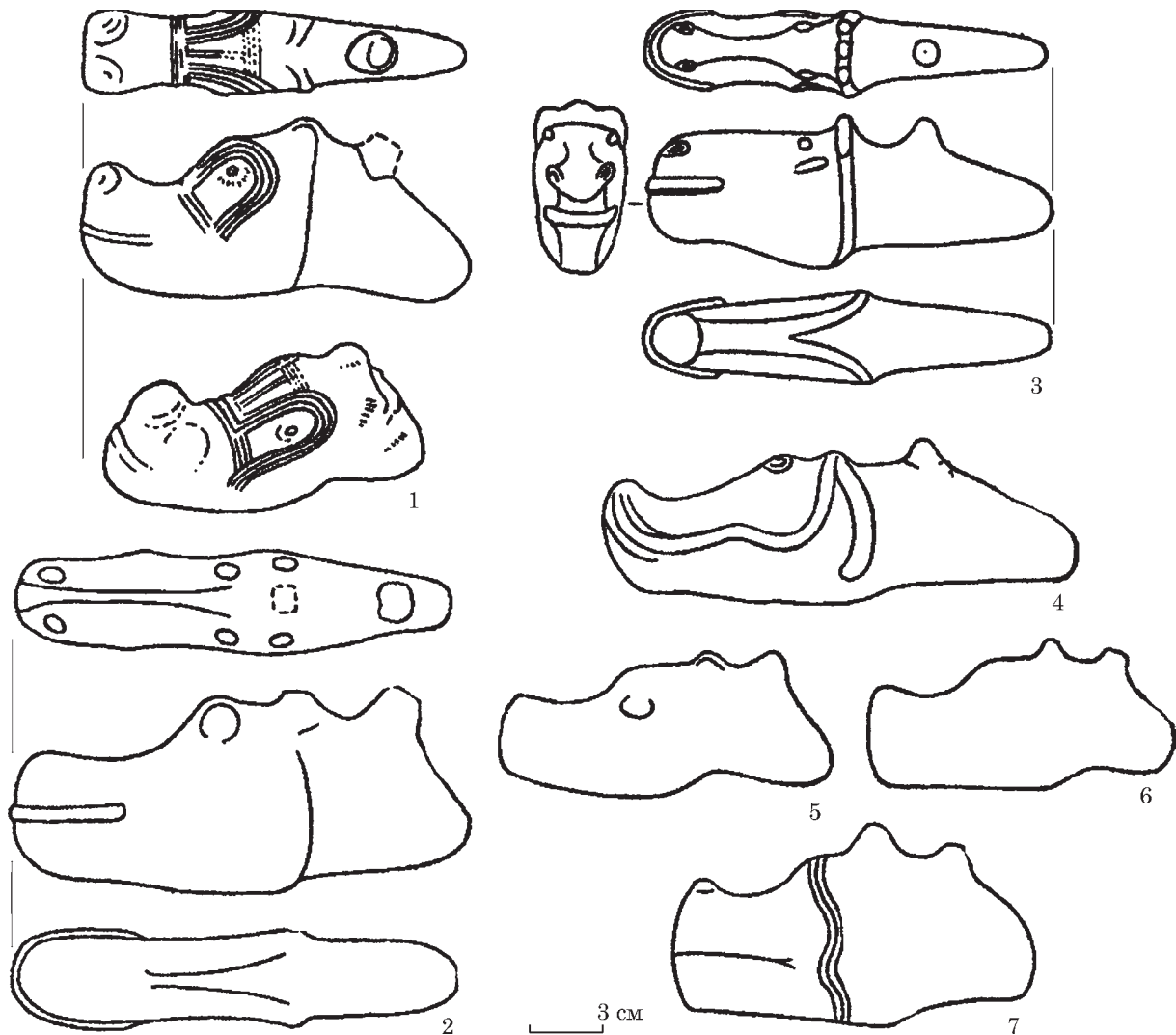

Рис. 16. Энеолитические наконечники-скипетры в виде стилизованных конских голов: 1 — Касимча; 2 — Терекли-Мектеб; 3 — Суворово; 4 — Суводол; 5 — Феделишень; 6 — Режево; 7 — Селькуца (по Даниленко, Шмаглій 1972)

высокого социального положения — явление, которое проявляется в разные периоды, хотя и не постоянно, в том числе на огромных пространствах между Центральной и Передней Азией, и Центральной Европой¹. Даже в пе-

1. Характерно, что именно на начальном этапе распространения всадничества, после приручения лошади к верховой езде, и возрастания ее культурной роли, среди прочего — в технике ведения войны, а также — роли пастушества, в районах Великой Степи в IV тыс. до н. э. появляются каменные скипетры с изображением головы лошади (Даниленко, Шмаглій 1972, с. 3—20). Это, несомненно, выражение своеобразного увлечения достоинствами этих животных (благодаря которым появилась возможность для увеличения мобильности, существенной для обитания в степных пространствах), и признания им культурной значимости, возведенной в ранг иконографического символа. В дополнение к классическим каменным скипетрам, топорам-скипетрам и жезлам, на этих территориях существовали также каменные колонкообразные предметы, т. н. «Zepter / Stössel-Zepter», или фаллические «Miniatursäulen» (Bo-

риод господства каменного сырья, в энеолите и в начале бронзового века им придавались, подобно, как и жезлам и топорам с аналогич-

roffka, Sava 1998, S. 17—113). Однако, вероятней всего, они были в большей степени связаны со stricte сакральной сферой поведения, служившей источником престижа и определявшей социальные роли (Boroffka, Sava 1998, S. 66—77). Об этом свидетельствуют, среди прочего, элементы солнечных изображений в их орнаментике (Boroffka, Sava 1998, S. 46). Однако стоит обратить еще внимание на комментарий цитируемых авторов, что: «по нашему мнению, каменные скипетры вместе с другими перечисленными элементами показывают существование не только культурно-хронологических связей на огромном пространстве, а и духовную общность, которая по своему значению превосходила систему обычного торгового обмена... В целом все типы хронологически укладываются во временный горизонт, который на востоке начинается приблизительно в 1800 г. до н. э. и заканчивается около 1400 г. до н. э., а на западе охватывает период между 1600—1200 гг. до н. э.» (Boroffka, Sava 1998, S. 113, русское резюме).

ными функциями¹, весьма эффектные декоративные формы, иногда с элементами зооморфного стиля, включавшего в себя конские головы (Даниленко, Шмаглій 1972, рис. 1—3; Шарафутдінова 1980, рис. 4, 5; Kloczko 2001, fig. 20: 6—8). Еще во времена господства бронзы в качестве сырья, каменные топоры, жезлы и скипетры сохраняли все-таки, даже в сильно различающихся культурных средах Восточной и Центральной Европы, свое значение символов особого социального статуса (напр.: Klochko 2002, p. 26—30; Koško 2002, fig. 17; Muhle 2008). Это подчеркивает вес необходимых для легитимации власти знамений преемственности и архаичности, которые наследуются (реалистично или символически) высоким социальным положением. Характерно, что особенно в культурных формациях, так или иначе связанных со средой Великой Степи с более или менее существенным значением пастбищного хозяйства в структуре общественно-культурного поведения, статус каменных символов престижа сохранялся долгое время, вплоть до конца бронзового века. Это может свидетельствовать об особенном значении таких символов в общественном нарративе / рассказе, регулирующем формирование социальных ролей.

Однако в юго-восточной Европе эта традиция была в значительной степени сорвана в период культурного и общественно-политического кризиса, который затронул, среди прочих, и сообщества комплекса памятников Ноа-Коследжени-Сабатиновка. Изменение культурной ситуации, имевшее место в XIII—XII вв. до н. э. в Карпато-Дунайской зоне и ранее (с XVI в. до н. э.) на территории Карпатского бассейна, несомненно, под подавляющим влиянием этно-культурных группировок из пограничья Центральной и Западной Европы (Przybyła 2010, p. 87—104; Torbay 2015, p. 29—70; Jung 2018, p. 251), привело к формированию иной модели «престижных поведений». Решающую роль начали играть в ней другие детерминанты социального статуса, прежде всего бронзовые а со временем — и железные мечи (напр.: Kristiansen 1984, p. 187—208; Gerdson 1986; Kemenczei 1991; Falkenstein 2007, S. 37—40; Bunnefeld 2018, p. 198—212; Molloy 2018, p. 202—205). Кроме того, в культурах полей погребальных урн в Центральной Европе, появившихся в это время, хозяйственная и во-

енная роль лошади, наблюдаемая особенно в контексте отсутствия явления «всаднической субкультуры»², была в целом маргинальной³. Таким образом, появление на территории Карпатского бассейна бронзовых скипетров с изображением головы лошади в культурной среде поздних культур полей погребальных урн, оказывается совершенно новой традицией. Использование бронзы для изготовления скипетров способствовало формированию визуально

2. Речь идет о более широком спектре культурных поведений, включающих, наряду с расцветом, например, состава конского оборудования (упряжки и пр.) и техник взнуздывания, симптомы общественного «увлечения» и существенной роли коней не только в церемониальных событиях но, прежде всего, в повседневной жизни.

3. Похоже, что и в Центральной, и в Северной Европе, в эпоху бронзы, роль лошади проявлялась более в ритуальной (сакральной) и престижной, чем в практической (в том числе боевой) сфере. Об этом говорят, среди прочего, богатые (хотя редкие) наборы украшений конской сбруи для тягловых коней, являвшиеся маркерами элитной субкультуры (Kristiansen 1998, p. 181, fig. 82, 96). С другой стороны, существуют иконографические свидетельства, например, в виде скандинавских петроглифов, изображающих конных воинов, возможно, даже организованных в боевые порядки (Falkenstein 2007, Abb. 10). Независимо от того, считаем ли мы их изображением реального конфликта или ритуальной «дуэлью» (Falkenstein 2007, S. 51, 52), тот факт, что воины используют копья и щиты, доказывает «военный контекст» в аранжировке этих сцен. Сомнительная датировка этих петроглифов усложняет однако их использование как свидетельств в обсуждении конкретных культурно-исторических процессов. О каких-то проявлениях «увлечения» символикой коня в позднебронзовом веке Южной Скандинавии свидетельствует находка бронзового скипетра (?), увенчанного изображением конских головок, из упомянутого уже клада в Свартрапе. На эту находку обратил внимание в своей статье уже Г. Якоб-Фресен (Jacob-Friesen 1968, S. 69—71, Abb. 3), который датировал ее VI периодом скандинавского бронзового века (= HaC—D) (Jacob-Friesen 1968, p. 70), но, кажется, что она может быть связана с несколько более ранними временами, т. е. V периодом бронзового века, по О. Монтелиусу (Thrane 2007, S. 443). Это соответствовало бы хронологическим пределам бронзовых скипетров Карпатского региона. Интересно, что изображения голов лошадей на «скипетре» из Свартрапа характеризуются довольно натуралистической моделировкой с четко обозначенной стоячей гривой и торчащими ушами. В дополнение к этим замечаниям, стоит также добавить, что незначительный процент конских остатков в остеологических материалах поселений поздний бронзы и раннего железа, как в Скандинавии, так и в Центральной Европе (Kristiansen 1998, fig. 54, 55), не обязательно свидетельствует о незначительности их присутствия в реальной структуре скотоводства. Неизвестно в какой степени этот вид рассматривался как составная часть ресурсов потребления.

1. Иногда это — образцы, весьма эффектно украшенные по всей поверхности глубоким рельефным орнаментом (Шарафутдінова 1980, рис. 4, 5; Kloczko 2001, fig. 44: 1—3, 5; Koško 2002, fig. 19: 1—6). Примечательно, что как украшенные, так и не декорированные каменные топоры, часто значительного веса и размера, имеют отверстия для рукоятки относительно небольшого диаметра, что, якобы, свидетельствует об их более престижной, чем о практической (боевой) роли.

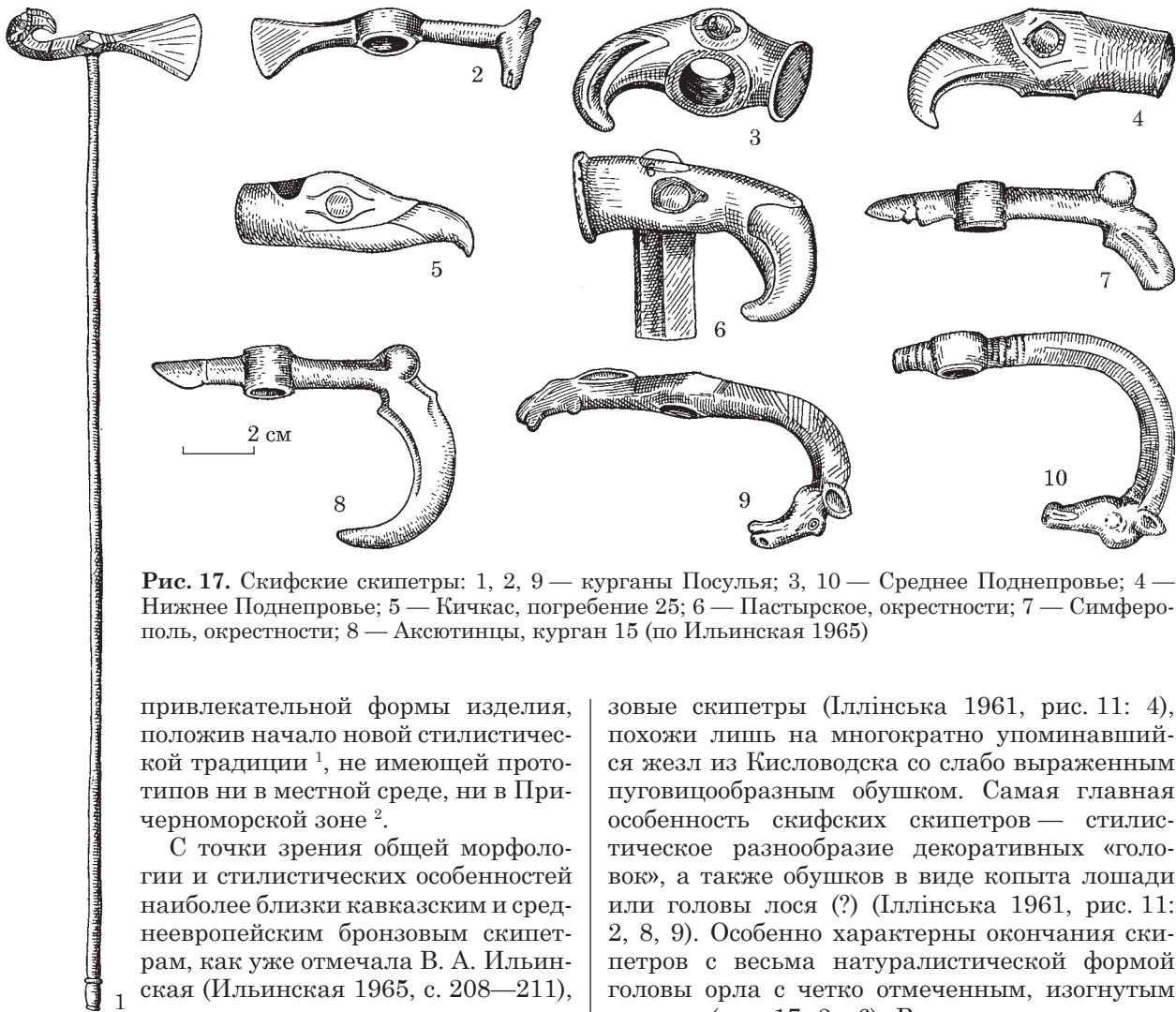

Рис. 17. Скифські скипетри: 1, 2, 9 — кургани Посулья; 3, 10 — Середнє Подніпров'є; 4 — Нижнє Подніпров'є; 5 — Кичкас, погребення 25; 6 — Пастырське, околиці; 7 — Симферополь, околиці; 8 — Аксиутинці, курган 15 (по Ильинская 1965)

привлекательной формы изделия, положив начало новой стилистической традиции¹, не имеющей прототипов ни в местной среде, ни в Причерноморской зоне².

С точки зрения общей морфологии и стилистических особенностей наиболее близки кавказским и среднеевропейским бронзовым скипетрам, как уже отмечала В. А. Ильинская (Ильинская 1965, с. 208—211), находки встречаемые в материалах скифской культуры (рис. 17). Это

небольшая группа бронзовых изделий³, происходящих, если контекст их обнаружения известен, из погребальных комплексов (Іллінська 1961, с. 44; Ильинская 1968, с. 155). Они похожи своей зоо- или орнитоморфной формой «головки» на доскифские скипетры. Однако их общая морфология иная. Они более стройные, «изящные» на вид, и, что самое главное, у них нет грибовидного обушка (Іллінська 1961, рис. 11; 1—9), который придает доскифским скипетрам массивную, молотковидную форму. В этом отношении некоторые скифские брон-

зовые скипетры (Іллінська 1961, рис. 11: 4), похожи лишь на многократно упоминавшийся жезл из Кисловодска со слабо выраженным пуговицеобразным обушком. Самая главная особенность скифских скипетров — стилистическое разнообразие декоративных «головок», а также обушков в виде копыта лошади или головы лося (?) (Іллінська 1961, рис. 11: 2, 8, 9). Особенно характерны окончания скипетров с весьма натуралистической формой головы орла с четко отмеченным, изогнутым клювом (рис. 17: 3—6). В то же время предполагаемый мотив головы лошади (?) (Іллінська 1961, рис. 11: 2, 4) не демонстрирует однозначных видовых характеристик (например, заметная грива, явно доминирующая над ухом, как у доскифских скипетров) и может быть с равным успехом интерпретирован как животное из группы оленей, например, лань (?). Несколько иной характер имеют скипетры-чеканы с топовидным лезвием (рис. 17: 1, 2), у одного из которых на обушке, по мнению В. А. Ильинской, изображена голова лошади (с весьма невыразительными чертами!)⁴, а у другого — барана (Іллінська 1961, с. 46, рис. 11: 1, 3).

Небольшие размеры скифских скипетров (длина от 6,5 до 8,6 см; Іллінська 1961, с. 44) свидетельствует, по мнению В. А. Ильинской, «что подобные топоры не могли иметь практического применения, а являлись особыми знаками скифских военачальников, возможно, из числа тех, которые названы в декрете в честь Протогена «скипетроносцами»» (Иль-

1. Это более широкое явление, которое в интересующей нас культурной среде проявилось не только в украшении скипетров, но и в других изделиях из бронзы, например, в ювелирных.

2. Интересно, что в стилистике некоторых индикаторов престижа, например, бронзовых жезлов из Причерноморья, прослеживаются связи с их каменными прототипами (Klochko 2002, р. 30), что означает переживание более ранних традиций в этом регионе.

3. В. А. Ильинская (Ильинская 1968, с. 155) писала об 11 находках, 5 из которых связана с посульской лесостепной группой памятников.

4. Однако, А. Р. Канторович интерпретирует эти изображения как головы лошади (Канторович 2016, тип 6).

инская 1968, с. 156). Это убеждение о парадной, а не практической (боевой) функции скифских скипетров является повсеместным. Как отметила Анна Ивановна Мелюкова «для этой цели бронзовые секиры слишком малы и легки» (Мелюкова 1964, с. 68). Несомненно, подобную церемониальную роль играл скипетр с тонкой бронзовой рукояткой длиной 45 см, относящийся к комплексу находок посульской группы (Ллінська 1961, рис. 11: 1). У него топорovidное лезвие и необычно изогнутый вверх обухок с бараньей головкой. Практически идентичный скипетр, но с клевцовидным шипом (т. е. в виде наджака), держит в правой руке сидящий на «троне» скифский воин (вождь?) с сайдаком на поясе и ритонном в левой руке, изображенный на золотой накладке из кургана 2 (1905 г.) группы посульской у села Аксютинцы (Наңсар 1967, Abb. 6; Ллінська 1961, рис. 10; Ильинская 1968, табл. XXII: 6). Рукоять представленного здесь скипетра ненамного длиннее предплечья, держащего его воина (рис. 18). Многочисленные иконографические источники, в главном греческой торевтики (Ллінська 1961, рис. 9) позволяют оценить приблизительную длину рукояти скифских топоров-чеканов пропорционально росту их пользователей. Говорится примерно об 1/3 высоты (Мелюкова 1964, с. 68), или приблизительно длины руки взрослого человека (Ллінська 1961, с. 42, 43).

Длина рукояти, несомненно, является одним из важных элементов оценки эффективности боевого ударно-рубящего (или пробивно-крушительного) оружия в виде топоров-чеканов или клевцов-наджаков и типологически связанных с ними скипетров. Проблема настолько сложна, поскольку — как уже упоминалось — топоры-чеканы, как бронзовые, так и каменные, также могли выполнять (и, несомненно, выполняли) престижные и церемониальные функции, даже если они не имели особо деко-

Рис. 18. Изображение скифа со скипетром в руке на золотой бляшке из Аксютинцы, курган 2/1905 (по Наңсар 1967)

ративной формы (Полідович, Циміданов 1995, рис. 1, 2). Можно тогда смело предположить, за исключением крайних случаев, как упомянутый выше миниатюрный скипетр с бронзовой ручкой, универсальный характер функций этой категории воинского снаряжения. Однако непосредственных данных, происходящих из археологических объектов, которые позволили бы оценить длину рукояти различных типов ударно-рубящего оружия рассматриваемого времени, совершенно мало. Одно из немногих исключений — доскифское захоронение в кургане возле хутора Верхнеподпольный на левом берегу Дона (рис. 19), где деревянная рукоять каменного топора имела длину 30 см (Тереножкин 1976, с. 37, 38, рис. 10: 11—13). Значительные размеры топора (длина 14 см) и диаметр

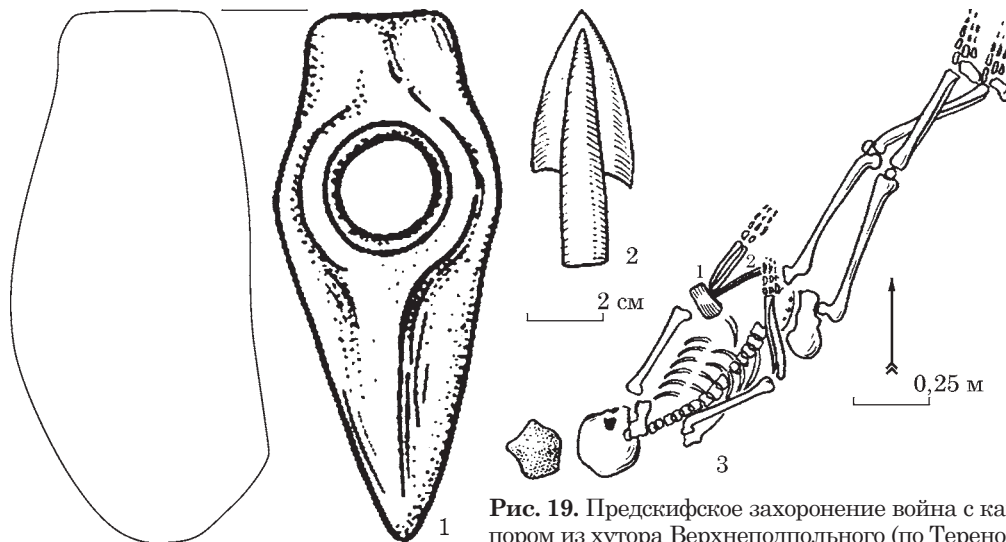

Рис. 19. Предскифское захоронение воина с каменным топором из хутора Верхнеподпольного (по Тереножкин 1976)

Рис. 20. Степные изваяния с изображениями топоров-чеканов либо клевцов / обухов / скипетров: 1 — Керносовка; 2 — Чобручи; 3 — Чингатаг; 4 — Кызбурун; 5 — Зубовский хутор, стела I; 6 — Усть-Лабинская станица, стела II; 7 — Таганрогский музей; 8 — Кожемяки (по: 1 — Щепинский 1985; 2 — Новицкий 1990; 3 — Грязнов 1980; 4—8 — Ольховский 2005)

проуха (3,0—3,6 см)¹ с очевидностью позволяют квалифицировать его как полностью пригодное к употреблению оружие (Тереножкін, 1976, с. 141). В то же время данные иконографии позволяют оценить длину топоров-чеканов (по крайней мере, скифских) примерно в 50—60 см. Вероятно, реальная длина топорниц этой категории ударно-рубящего оружия варьировала в пределах 30—60 см. Анализ пропорций размеров различных категорий оружия (топоров, скипетров, дубин, жезлов, кинжалов, сайдаков), представленных на более выразительных образцах монументальной каменной скульптуры — степных изваяниях от энеолита до скифского периода (рис. 20), также не приносит однозначных данных². Однако, иногда складывается впечатление, что демонстрация на каменных изваяниях топоров-чеканов-скипетров, по отношению к другим элементам снаряжения воина — даже наиболее значительны, в том числе с точки зрения размеров (Новицкий 1990, 4, рис. 23: 10). Бывает даже, что их изображения явно длиннее, чем, например, кинжалов (Ольховский, Евдокимов 1994, рис. 1: 1; 6: 8; 20: 33; 41: 74; 45: 78; 48: 81; 51: 86; 72: 120; 76: 127; 77: 128; 87: 149; Ольховский 2005, рис. 74: 2; 76; 79:1), или достигают размеров горита с луком (Членова 1984, рис. 4)³.

Нет сомнений, однако в том, что бронзовые «доскифские», кавказские и центральноевропейские скипетры были частью личного, «подручного» снаряжения. Они, как и другие категории ударно-рубящего оружия (топоры-чеканы, наджаки), обычно использовались воинами кочевых обществ от Тувы до Карпатского бассейна. Этот вид оружия был, наравне со стрельбой из лука, одним из древнейших элементов

«степной тождественности» в области боевых практик степных воинов-пастухов, уходя корнями в эпоху энеолита⁴. Помимо многочисленных погребальных наборов из воинских захоронений, это демонстрируют также изображения на упомянутых выше изваяниях, которые являются свидетельством героизации архетипа воина (Тереножкін 1978, рис. 1: 1, 4; 9: 2; Членова 1984, рис. 1—5; Новицкий 1990, рис. 23: 5, 8, 10; Ольховский 2005, рис. 13А: 1—4, 6, 16; 18: 1, 19—22)⁵. Ушки для подвешивания на некоторых среднеевропейских скипетрах указывают на то, что их крепили на поясе, вероятно, с правой стороны, как и в случае с топорами-чеканами, изображаемыми на киммерийских и скифских изваяниях (Іллінська 1961, с. 40; Мелюкова 1964, с. 66). Однако не исключено, что их также носили заправленными за пояс, как это видно на энеолитических стелах, например, на «идоле» с Керносовки (Щепинский 1985, рис. 92; Новицкий 1990, рис. 23: 10). Это относится особенно к скипетрам без проушин для подвешивания, в этом отношении продолжавших, возможно, древние традиции ношения каменных топоров.

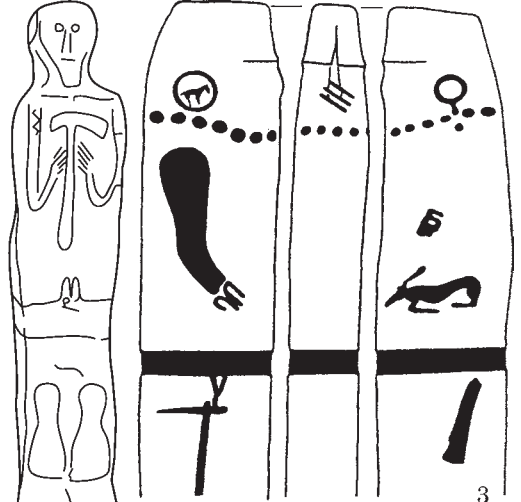
Несомненный универсализм формы и функции парадных скипетров-обухов разных видов, играющих церемониальную и престижную роль символов достоинства, социального статуса и власти и т. д., а также составляющих часть личного снаряжения воинов, заставляет задуматься о еще одном обстоятельстве, свя-

1. Диаметры проухов у скипетров Карпатского региона весьма различны и в значительной степени пропорциональны их размеру, например, у жезла из Синмихай де Падуре — 2,4 × 1,6 см, а из Шарвиза — 2,3 × 1,8 см. Диаметр отверстия скипетра из Пжедмержице совсем небольшой — 1,5 см.
2. Конечно, схематичность этих изображений заставляет нас критически относиться к представленным на изваяниях предметам, в том числе и к реконструируемым размерам различных категорий оружия. Тем не менее, оценка пропорций предметов, изображенных на одной и той же скульптуре, может быть информативной.
3. Следует, однако, помнить, что раннескифские кинжалы, как правило, были не очень длинными. Согласно классической работе по скифским мечам и кинжалам А. И. Мелюковой, скифские кинжалы достигали максимальной длины около 40 см, а мечи — 80 см; мечи длиной более 70 см в Скифии, однако, были редкостью (Мелюкова 1964, с. 46, 60).

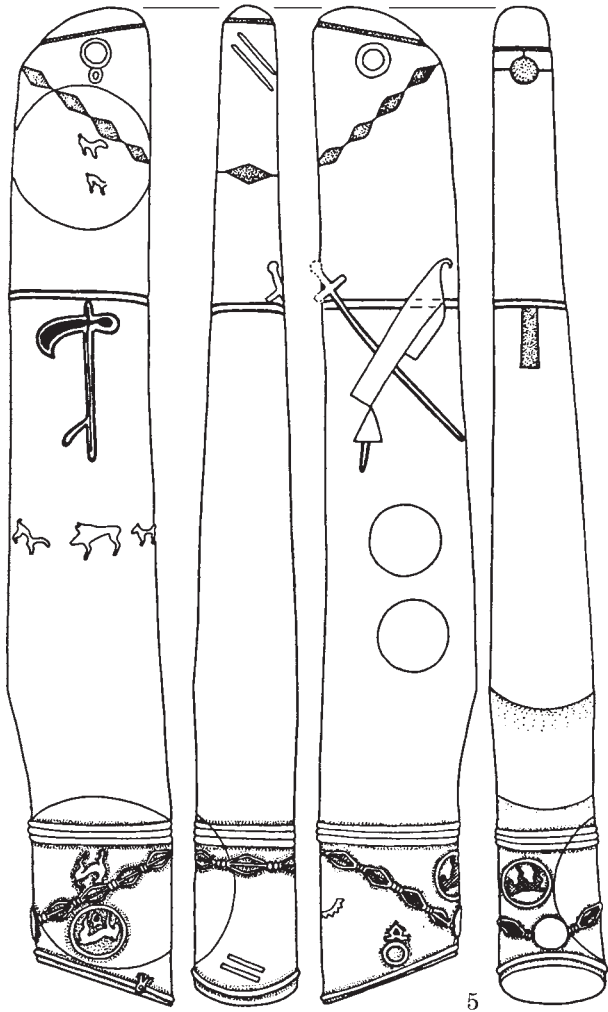
4. Несмотря на отсутствие детальных исследований, похоже, что в обществах раннеисторических кочевников (киммерийцев, скифов), различные категории ударно-рубящего оружия входили в боевое снаряжение как пеших, так и конных воинов. О широком использовании топоров-чеканов и наджаков пешими скифскими воинами свидетельствуют многочисленные иконографические доказательства (Іллінська 1961, рис. 9: 5, 9; Chochorowski, Gawlik 1997, fig. 3—5). Интересно, однако, что в V—IV вв. до н. э. ударно-рубящие оружие входило, в подавляющем большинстве случаев, в боевой набор тяжеловооруженных конных воинов, отличавшихся, несомненно, высоким социальным статусом (Шелехань 2012, с. 9). В силу престижного характера бронзовых «доскифских» скипетров, которые являлись показателями высокого социального статуса, представляется, что они также были элементом снаряжения конных воинов. Прямым аргументом в пользу такого предположения является контекст находки в Пжедмежице (рис. 1) или в захоронении 35 могильника Фарс / Клады на Кавказе (рис. 6).
5. Сакральное значение топора-чекана становится очевидно в контексте скифской мифологии, особенно «основательского мифа», и церемониальной магии (Мелюкова 1964, с. 65).

1

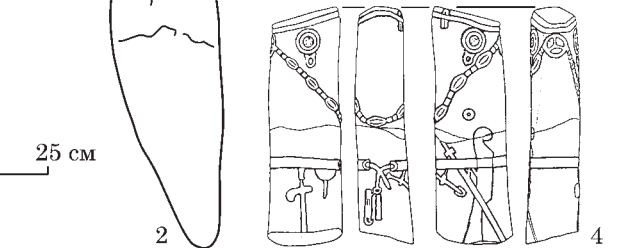

3

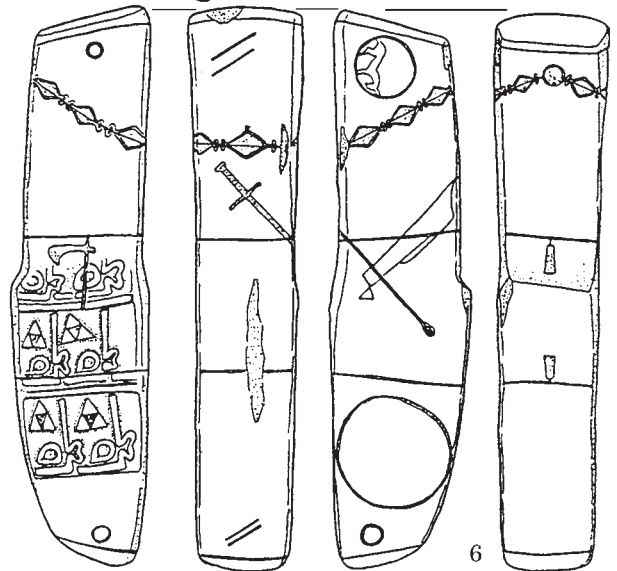
5

25 cm

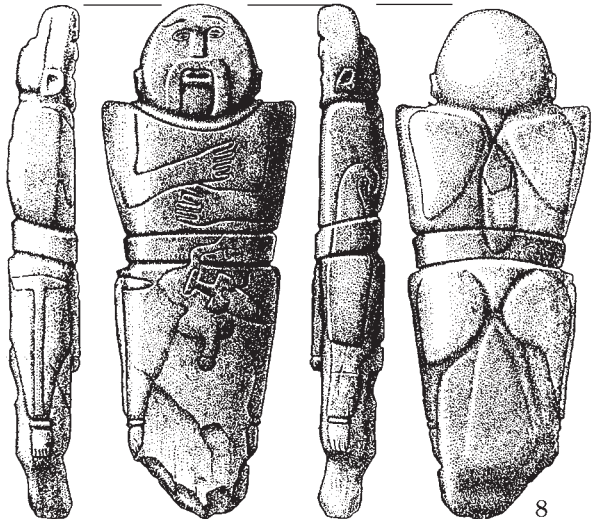

2

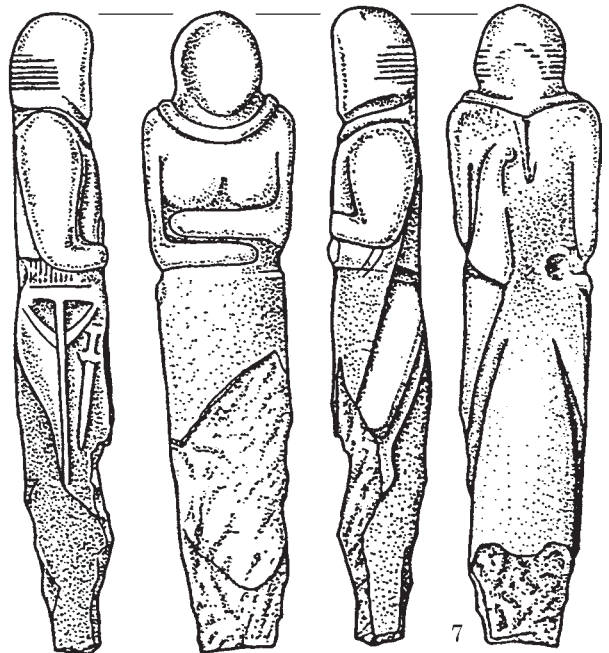
4

6

8

7

Рис. 21. «Польский всадник» (*De Poolse ruiter*) из картины Рембрандта (Frick Collection, New York)

Рис. 22. «Польский всадник» из картины Рембрандта, деталь с топором-обухом в руке всадника

занном с их вневременным культурным статусом. Даже еще в новые времена, особенно в XVI—XVIII вв., металлические чеканы-обушки, иногда в декоративной форме, были, например, элементом личного снаряжения в отрядах легкой конницы, особенно у военачальников. Хорошим примером является так называемые «лисовчики», польская легкая конница, созданная Александром Лисовским в первые десятилетия XVII в. и организованная с точки зрения вооружения (включая лук) и способов ведения боевых действий (например, молниеносные марши без сопровождающего лагеря, т. н. «комуником») на подобие конных отрядов татар и казаков (Wisner 2013, p. 152). В европейской иконографии, среди прочих, это зафиксировал и Рембрандт ван Рейн на картине

Рис. 23. «Венгерский или хорватский дворянин» (*Ungaro, o'crovatto nobile*; по Vecellio 1590)

1655 г. «Польский всадник» (*De Poolse ruiter*)¹. На нем изображен кавалерист, полностью вооруженный, с большим луком и колчаном, полным стрел, который держит в левой руке топорчечан с сильно изогнутым лезвием (рис. 21, 22). По мнению специалистов, достоверность в изображении наряда, экипировки и подборе оружия доказывает, что художник пользовался аутентичной живой моделью.

В XVI—XVIII вв. обухи-наджаки были обычным показателем функций и достоинства военачальников («наместников») польских кавалерийских частей («знамен» — польск. *chorągwi*). Мемуарист Е. Китович, освещая ход военных парадов, писал: «Когда знаме (подразделение — Я. Х.) шло не демонстрируя оружия, то наместник (командующий — Я. Х.) держал наджак, т. е. обух в руке» (Kitowicz 1985, p. 165).

В Центральной Европе, например, у венгерской, хорватской или польской знати (*nobiles*) наджаки и обухи были показателем социального положения, приведенным до уровня «личного вооружения» (рис. 23, 24). Согласно Е. Ки-

1. В настоящее время картина находится в коллекции Frick Collection в Нью-Йорке ([https://pl.wikipedia.org/wiki/Plik:Rembrandt_-_De_Poolse_ruiter,_c.1655_\(Frick_Collection\).jpg](https://pl.wikipedia.org/wiki/Plik:Rembrandt_-_De_Poolse_ruiter,_c.1655_(Frick_Collection).jpg)).

Рис. 24. Фрагмент картины Вильгельма Аугуста Стрыовского (1834—1917) «Польские дворяне в Гданске» (*Szlachta polska w Gdańsku*), Национальный музей в Гданске

Рис. 26. Татранские горные проводники; горцы («górale»), фото около 1877 г.

Рис. 25. Гуцульские латунные обухи («Келефы»): 1 — по Wierzbicki, Obst 1882; 2 — Этнографический музей им. Северына Удзиели в Кракове

товичу: «*шыляхтич, когда выходил из дому, прикреплял к боку саблю, брал в руку обух¹, который, помимо этого наименования, назывался также наджаком или чеканом*» (Kitowicz 1985, p. 249)². Помимо этих

1. По описанию Я. Китовича, топориче такого «обуха» имело длину «от талии человека до земли» (т. е. ±1 м) и диаметр в «один дюйм», т. е. по системе польских мер 1764 г. — 2,48 см. (Kitowicz 1985, p. 249).
2. Многие случаи злоупотребления чеканов-наджаков с острым шипом для разрешения «текущих споров» между дворянством, в том числе во время судебных съездов и сеймиков (Kitowicz 1985, p. 249), привело к принятию Сеймом Жечпосполитой в 1620 г. закона, запрещающего ношение чеканов в общественных местах (*in loco publico*), за нарушение которого было предусмотрено наказание в виде штрафа в размере двухсот гривен (Gloger 1985, p. 286). Мучительная эффективность

замечений, стоит добавить, что металлические обухи или топоричи-чеканы (но с тупым лезвием) стали также одним из важных элементов персонального снаряжения мужчин в народных общинах с сильными пастушескими традициями, например, у украинских гуцулов (рис. 25) или польских гуралей (рис. 26).

СИМВОЛИКА «КОННЕГОЛОВЫХ» СКИПЕТРОВ И ПРОЦЕССЫ КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ КАРПАТСКОГО БАСЕЙНА В КОНЦЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Связь бронзовых среднеевропейских скипетров со стандартами боевого снаряжения степных пастухов-воинов, достигающими генетически энеолита и в то же время их «экзотика» по отношению к местным культурным традициям, позволяет связать их происхождение с обществами Великой Степи. В этом смысле они являются одним из индикаторов общественно-культурных процессов, происходивших на территориях южной части Центральной Европы на рубеже бронзового и раннего железного веков. В конце бронзового века, на протяжении фаз NaB_2 — NaB_3 , которые к северу от Альп датируются с 960/950 по 810/800/780 гг. до н. э. (Sperber 1987, S. 254, 255; 2017, S. 299; Rychner 1995, S. 471; Pare 1998, Tab. 4, 5; Trachsel 2004, S. 316—319), в восточной части Карпатского бассейна произошел глубокий кризис поселенческих и культурных структур, которые непрерывно развивались в этом регионе в течение

этого вида «персонального оружия» снижалась за счет завершения острого шипа наджаков в форме кольца, что уменьшало вероятность смертельного удара. Как уже отмечалось, именно этот вид чеканов- наджаков получил название «обух».

нескольких сотен лет¹. Он охватывал в основном поселенческие структуры культуры Гава (Gáva), которые размещались на равнинных территориях Великой Венгерской низменности. В регионах, экологически наиболее близких к понтийской зоне Восточной Европы (Альфельд), в пределах т. н. Понтийско-Паннонской геоботанической формации (Medwecka-Kornaš 1972, fig. 2), поселения гавской культуры исчезают полностью. На возвышенностях Трансильвании и в предгорьях Карпат, особенно в бассейне верхнего течения р. Тиса, поселенческие структуры сосредоточились в высокой зоне ландшафта, рядом с поселениями оборонительного характера, иногда расположенными в высоких и труднодоступных местах (Bálan 2013, p. 267—312; Chochorowski 2015, p. 245—266). Одновременно, на протяжении фазы NaB_{2-3} , наблюдается кризис т. н. венгерско-трансильванского бронзо-металлургического центра (Petrescu-Dombovița 1977, p. 125—129, 140—146; Soroceanu 2008, S. 283—285, Taf. 75), деятельность которого в более ранний период охватывала как в количественном, так стилистическом смысле, производство и распределение бронзовых изделий в большей части Центральной Европы (Blajer 2013, p. 101—108)².

Существенным признаком этих процессов, указывающим как на их источники, так и на природу, является появление в Центральной Европе, в фазе NaB_2 , находок восточноевропейского происхождения (т. н. «киммерийский горизонт»), характерных, прежде всего, для черногоровской (степной) культурной среды. Их ареал в Центральной Европе во многом совпадает с границами Понтийско-Паннонской геоботанической формации (Chochorowski 1993, табл. 13). К ведущим формам относятся биметаллические или бронзовые кинжалы с прямым перекрестием и стержневой рукоятью типа Головятино — Лябниц (Leibnitz), кинжалы с ажурной рукоятью «кавказского» типа Березовка — Гамув (Gamów), а также бронзовые удила со стремечковидными и одноколычатыми окончаниями и псалии черногоровского, камышевахского и цимбальского типов. Характерно их появление в составе инвентаря захоронений всадников-воинов, культурно чуждых местной среде (Печ-Якабхедь / Pécs-Jakabhegy, Штильфрид / Stillfried).

Эти явления, скорее всего, были вызваны передвижением на территорию Карпатского Бассейна, вначале небольших мобильных групп кочевников, продвигавшихся и глубже в другие

регионы Центральной Европы (Chochorowski 1993, p. 267-272)³. Вероятно, только потом здесь появились более крупные группы выходцев из Кавказско-Понтийской зоны, занимавшие, в основном, территории, более пригодные для кочевого и полукочевого скотоводческого хозяйства. Однозначно свидетельствует об этом факт, что поселения гавской культуры были полностью вытеснены из квазистепных областей венгерской «пусты», которая является естественной экологической нишей для степных пастушеских сообществ⁴. В культурно-экономической сфере одним из наиболее веских последствий хозяйственной активности пришельцев из степей, стало создание в квазистепных районах Альфельда первой в Центральной Европе зоны массового выпаса и селективного разведения лошадей, выведенных из степных тарпанов (Bökönyi 1954, p. 93—114; 1968, p. 3—71; Chochorowski 1987, p. 189—192; Kmetova 2013, p. 252—254). Эти явления сопровождаются развитием местных форм конской узды и специфических приемов взнуздания лошадей, основанных, однако, на восточных образцах. Наиболее характерной их чертой было появление псалиев типа Дунакемлед (Dunakömlöd) (рис. 27: 1—10). Эта форма является оригинальным продуктом местного бронзолитейного дела, возникшим на территории Карпатского Бассейна на основе образцов цимбальского типа (Chochorowski 1993, p. 69, 70, fig. 3).

Псалии типа Дунакемлед являются одним из главных индикаторов, определяющих очередную по хронологии этап развития в Центральной Европе конской узды восточноевропейского происхождения, связанный уже с фазой NaB_3 (Chochorowski 1995, p. 269). Они встречаются в характерных пределах, в глав-

1. По крайней мере, с начала фазы Na_1 (около 1200 г. до н. э.; Przybyła 2009, fig. 4; Sperber 2017, S. 299).

2. На протяжении фаз NaB_{2-3} , количество бронзовых кладов на территории Трансильвании резко уменьшается: фаза NaB_1 — 54 клада, NaB_2 — 10, NaB_3 — 6 (Metzner-Nebelsick 2002, S. 62—67; Blajer 2013, p. 101, 102).

3. Допускается иногда (Schüle 1969, S. 55—57), что с учетом характера поселенческой структуры и военного потенциала средневропейских сообществ того времени, даже небольшие группы конных воинов-кочевников, обладавшие боевым преимуществом, могли перемещаться без серьезных препятствий на большие расстояния. Неожиданно появляясь на чужих территориях, они могли вызывать страх и чувство беспомощности, оказывая значительное влияние на социокультурное поведение, что укладывается в категорию «культурного шока» (Хохоровски 2011, с. 319—336; Chochorowski 2019, p. 67—132).

4. Вследствие этих процессов (самое позднее на рубеже IX—VIII вв. до н. э.) на Большой Венгерской низменности появляется новая культурная группировка. Самым важным ее элементом, при практическом отсутствии следов постоянных поселений, оказываются могильники с ингумацией типа Мезочат (Mezőcsát) и Фюзешабонь (Füzesabony), с погребениями на спине или, реже, скорченными на боку (Patek 1993, S. 19—46; Romsauer 1999, S. 167—174). Здесь мы имеем дело с полным прекращением погребальных традиций, присущих местной позднебронзовой среде, которая практиковала исключительно обряд кремации.

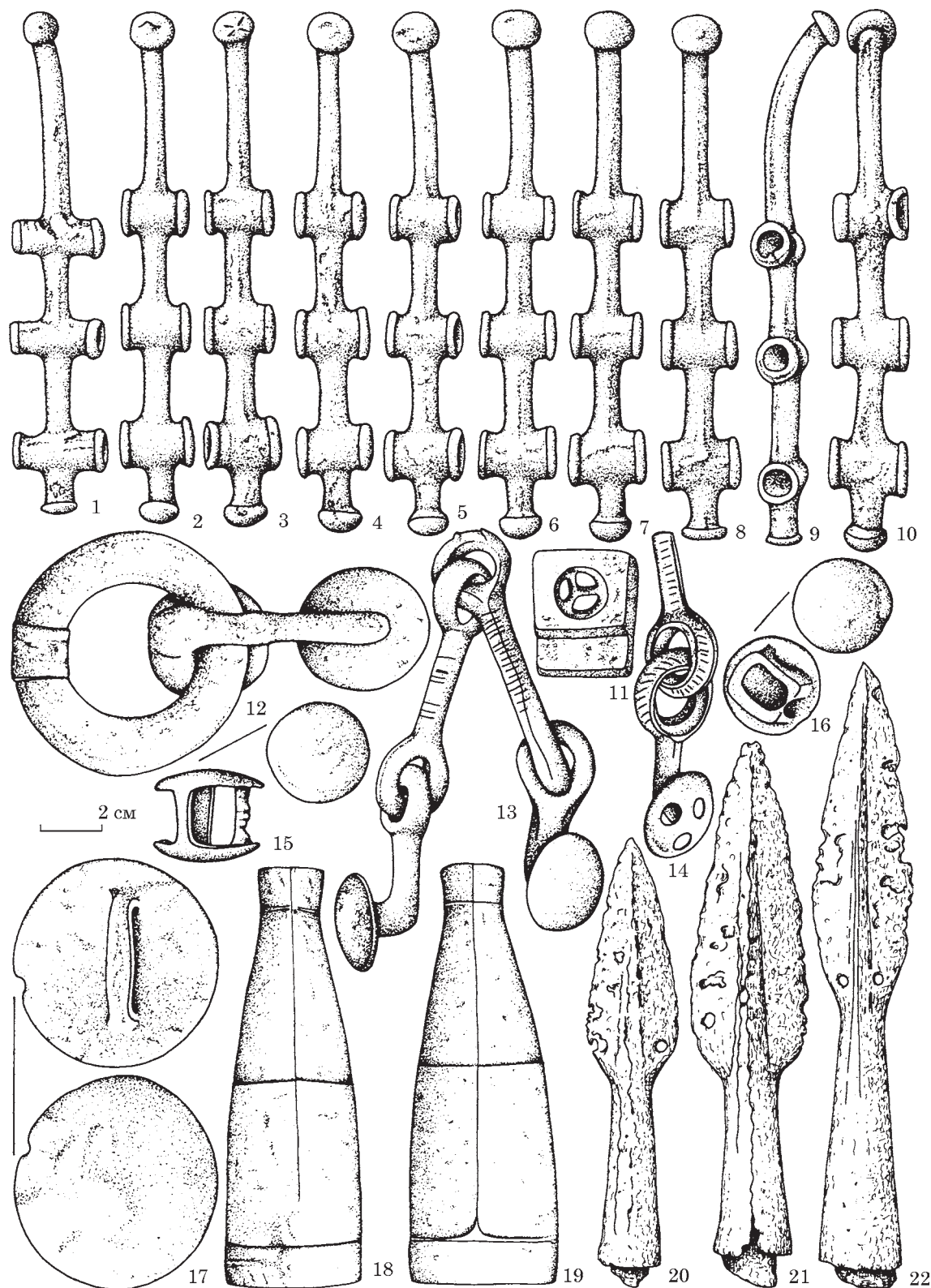

Рис. 27. Клад бронзовых и железных вещей из Дунакемлед (по Gallus, Horváth 1939)

ном — в окружении Венгерской низменности (Chochorowski 1993, тара 8), как в погребениях, так и, прежде всего, в вотивныхкладах¹,

1. Символика этих кладов кажется очень сложной, но нельзя исключать из-за присутствия в них

в которых преобладают уже местные подражания — формы, восходящие к прототипам вос-

также оружия, что в главном они представляют эквивалент погребального снаряжения элитных захоронений воинов-всадников.

точноевропейского происхождения¹. В основном это бронзовые элементы конской упряжки, которые в новой культурной среде приобрели высокий «магический» статус, исходящий, несомненно, из значительной роли коневодства в хозяйственной и повседневной жизни этих сообществ. Представляют они собой характерный момент в развитии бронзолитейного дела, в — подавленным степным населением — окружении Великой Венгерской низменности. Их особенность проявляется в сохранении черноморовских традиций в модифицированном виде и творческая переработка кавказских прототипов (Chochorowski 1993, p. 273, 274)². Наличие в этой среде вотивных кладов состоявших в основном из элементов конской сбруи, а также — хотя и реже — оружия, свидетельствует, в свою очередь, о феномене героизации архетипа конного пастуха-воина.

В глобальном масштабе создание специализированных структур скотоводческого хозяйства на Великой Венгерской низменности, со значительной ролью лошадей, а также стад крупного рогатого скота и овец³, было полным новшеством, оказавшим значительное влияние на общественно-культурные процессы в южной части Центральной Европы⁴. Именно

в этой среде появились бронзовые скипетры, увенчанные изображением головы лошади, изначально представленной в «портретной» натуралистической манере. Они одновременно выражали два аспекта происходивших процессов. С одной стороны, в символической форме канонизированного изображения головы лошади, выявляли состояние культурного «увлечения» полезностей животного⁵ и значительность общественно-экономических последствий этого новшества. Действительность этого рода, обычно, «повседневна» у скотоводческих обществ Великой Степи — здесь экзотическая, несомненно, создавала особое влияние на менталитет местного оседлого населения с традициями земледелия и стационарного животноводства, которое принимало участие в процессах этой трансформации. Второй аспект явления, это функция скипетров, как знаков престижа и высокого социального положения, показателей — в характерном для степного мира виде — существования четкой системы признаков социальной иерархии. Скипетр на поясе и — при необходимости — в руке, указывал на ранг предводителя с высоким социальным и материальным положением, как «владельца и повелителя коней», в виде «*Herrn der Pferde*», согласно К. Метцнер-Небелсик (Metzner-Nebelsick 2002, p. 467), что, вероятно, также соответствовало положению скифского «скипетроносца», упомянутого в декрете в честь Протогена (Лллінська 1961, с. 46, 47; Ильинская 1968, с. 156; Jacob-Frisen 1968, S. 73), т. е. военачальника.

Феномен культурного «увлечения» лошадьми и их разведением, создавший — в среде пользователей «конноголовых» скипетров и узды с псалиями типа Дунакемлед — иконографические изображения, возведенные в ранг магического символа, подтверждается также на территории Карпатского бассейна находками подвесок в виде лошади (рис. 28). В основном это случайные находки, поэтому их хронологическая позиция может вызывать сомнения. Тем не менее, наличие такой подвески в погребальном «комплексе» из Батина (возможно урновым), опубликованном К. Метцнер-Небелсик (Metzner-Nebelsick 2002, S. 623, 624, Kat. 2), в котором известна и шпилька с вазообразной головкой, датирующаяся периодом HaB (рис. 29), может свидетельствовать о такой связи. К ана-

1. Ядро этой группировки в Карпатском Бассейне представлено тремя памятниками: кладом из Бихаругра (Biharugra), комитат Бекеш (Gallus, Horváth 1939, p. 16, 18—20, 50, 90—92, Pl. XII—XVI; XVII: 1—4; XVIII—XIX; Kemenczei 2005, S. 131, 132, Taf. 13: C; 14; 15; 16: A), кладом из Диньеш (Dinnyés), комитат Fejér (Gallus, Horváth 1939, p. 16, 88, 89, Pl. IX; Kemenczei 2005, S. 132, 133, Taf. 18; 19: A) и кладом из Дунакемлед (Dunakömlöd), комитат Толна (Gallus, Horváth 1939, p. 28, 29, 51, 92, 93, Pl. XX; XXI; Kemenczei 2005, S. 133, Taf. XIX: B: 20). Единственный клад этого рода, который был найден вне территории Карпатского Бассейна, это находка из Голиградов на верхнем Днестре (Żurowski 1948—1949, p. 163, 203; tab. XXXVII: 1, 2; XXXVIII; XXXIX). Недавно был опубликован еще один клад этого типа, который относится к памятником чернолесской культуры, найденный в левобережной части Среднего Поднепровья (Террасовая Лесостепь), близ с. Леяки Киевского р-на, в бассейне р. Трубеж (Скорый, Костенко, Боряк 2016, с. 107, 108).
2. Как пример можно указать на одноколычатые удила с пуговицообразными подвесками для повода (Chochorowski 1993, p. 51—53, fig. 1: 9—13).
3. Характерной чертой погребального ритуала по обряду ингумации на могильниках типа Мезочат, было помещение в могилы, приношений в виде мясной пищи, в основном — огузков и туш мелкого и крупного рогатого скота.
4. Значение специализированного коневодства достигла своеобразного пика в рамках векерзугской культуры (Кметова 2013, p. 247—258; 2014). Коней, которых разводили на Альфельде, ценили как быстрых рысаков для гонок на колесницах (бигах), как в гальштатской среде, так и в адриатических венетгов, и даже в Спарте (Harmatta 1968, p. 153—157; Хохоровски 2017, с. 238, 239).

5. Существенным фактором общественно-культурного «увлечения» физическими преимуществами лошадей, были, несомненно, их мобильность и выносливость, что привело к их массовому использованию как для упряжи, так и для верховой езды, особенно для повышения боевой эффективности. Конные воины становятся с этого времени, обычным явлением в гальштатской среде, о чем свидетельствуют многочисленные изображения вооруженных всадников в памятниках круга «искусства ситул» (Lucke, Frey 1962, Taf. 14, 17, 54, 55, 63, 64).

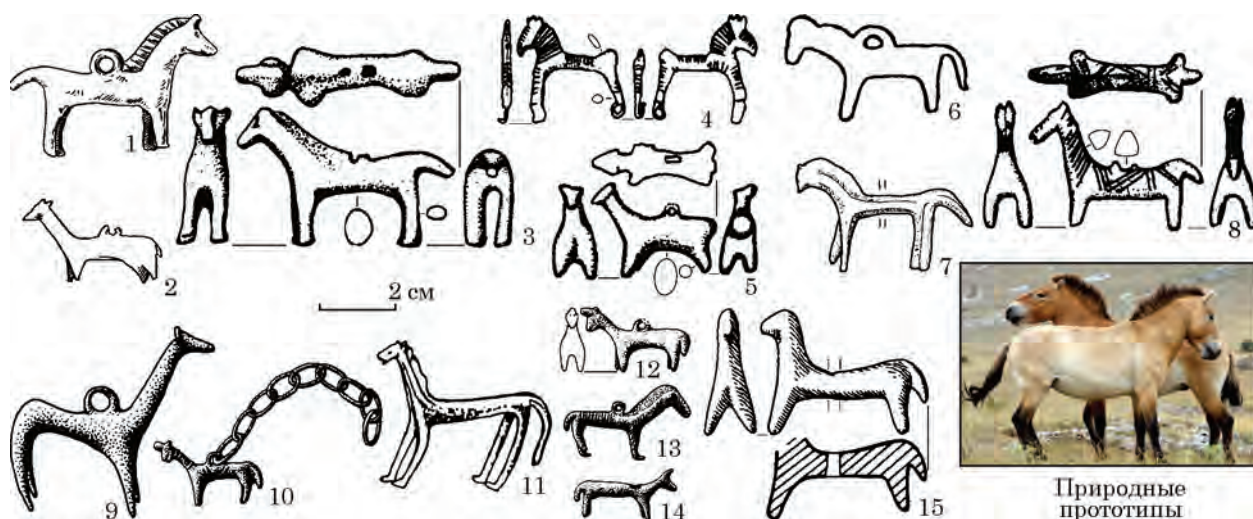

Рис. 28. Бронзовые подвески / брелоки в виде коня: 1—6 — Батина; 7, 8 — Далй; 9 — Себени; 10 — Секеш-фехервар; 11 — Брно-Обжаны, погребение 6; 12 — Скерешово; 13, 14 — Венгрия, беспаспортные находки; 15 — Бужору (по: 1, 2 — Hoernes 1917; 3—8, 15 — Metzner-Nebelsick 2002; 9, 10, 12—14 — Kemenczei 2005; 11 — Podborský 2006)

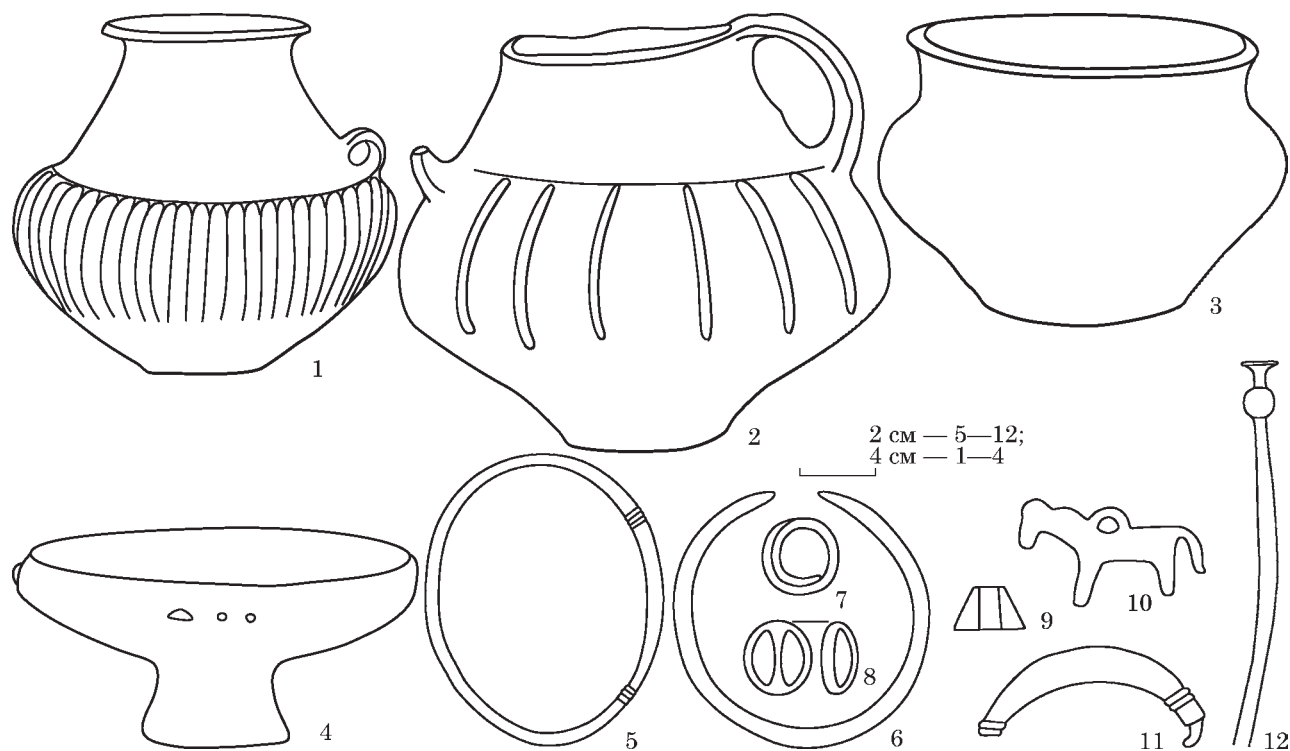

Рис. 29. Батина, предположительный инвентарь погребения (?) фазы НаВ (по Metzner-Nebelsick 2002)

логичному выводу может также привести и наличие подобной подвески-брелока в инвентаре кургана культуры Басараби в местности Бужору (Vujoru) (рис. 30), на юге Румынии (Moscailu, Beda 1991, S. 197—218; Metzner-Nebelsick 2002, S. 334, 335, Abb. 156). Хотя это погребение расположено за пределами Карпатского бассейна, присутствие в его инвентаре украшений узды, стилистически относящихся к находкам «киммерийского горизонта» в Центральной Европе, также подчеркивает эту связь. Подвески в виде лошади имеют петельку для подвешивания

или отверстие для ремешка. Вероятно, их носили на шее как своего рода вотивные амулеты или нанизывали на ремешок как брелок. Некоторые из этих подвесок-брелоков в виде лошади, независимо от их небольшого размера, имеют четко смоделированную короткую стоячую гриву и торчащие уши (рис. 28: 1, 3, 7, 11, 13), характерные для внешнего вида их «природных прототипов».

Изображением головы лошади на массивной шее заканчивается каждый из четырех псалиев, составлявших единый комплект (рис. 31:

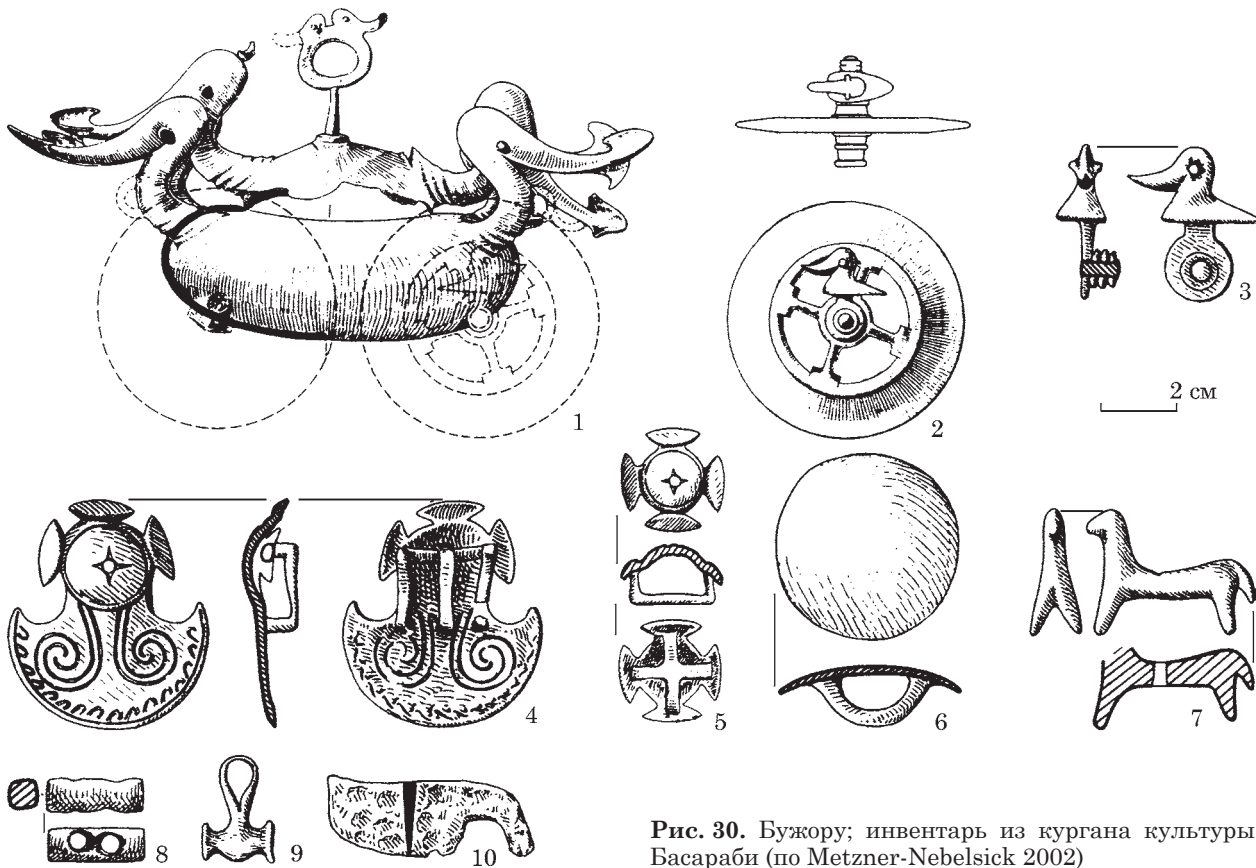

Рис. 30. Бужору; инвентарь из кургана культуры Басараби (по Metzner-Nebelsick 2002)

10), а также украшение узды из т. н. «клада» в Стилфрид (Willvonseder 1932, Taf. I: 2, 4—6; Kaus 1989, Taf. 1: 11; 2: 8—11). Головкой коня украшены и концы золотых браслетов (рис. 31: 10), относящиеся, согласно Т. Кеменцеи (Kemenczei 1995, Abb. 2: b, c), к горизонту кладов Михалков — Бешенисег-Фокору — Даль (Mihalkiv — Besenyszög-Fokoru — Dalj; Chochorowski 1993, p. 238). Несомненно, силуэт лошади представляет также собой спинка застежки-фибулы из Батина (рис. 31: 9; Hoernes 1917, Abb. 8) ¹. Форму лошади со стоящей гривой и торчащими ушами имеют псалии итальянских удил типа Вегулоня (рис. 31: 6—8; von Hase 1969, Taf. 5: 55; 6: 56, 57). Они являются в Этрурии свидетельством влияния с территории Карпатского региона, основой которых было распространение — через адриатические территории венетов севернее *Caput Adriæ* — пород скаковых лошадей, выведенных на Альфельде (Bökönyi 1983, p. 335, 336) ². Вместе с ними сюда

проникли тоже металлические элементы упряжи и способы взнуздания (Chochorowski 1993, p. 77). находка псалиев этого типа (рис. 31: 5), известна также из бывшего комитата Золиом (Zólyom — ныне район Банска-Бистрица в центральной Словакии), в северной части Карпатского бассейна (Kemenczei 2005, Taf. 56: H).

Рядом с изображениями коней, в зооморфной пластике как бронзовой, так и глиняной, известной в изучаемой культурной среде, существуют здесь также изображения других скотоводческих животных, например, рогатого быка (Metzner-Nebelsick 2002, Taf. 14: 14; Kemenczei 1995, Abb. 2: a), а также барана с подогнутыми рогами (рис. 32). Если мотив быка имеет в центральноевропейской иконографии этого периода более универсальный характер (Patek

ходным пунктом селективного разведения быстрых рысаков, выращиваемых также энеатами. Эхо этого явления докатывается до времен Страбона [V: I, 4], который упоминает, что у энеатов была «слабость к разведению коней», которые [V: I, 9] «более отличаются быстротой, нежели красотой». Результатом этих контактов было, среди прочего, распространение вплоть до северной Италии, низко- и среднерослых пород лошадей, происходящих от тарпана (Teržan 1995, S. 93; Dular 2007, S. 737—752; Kmetová 2014, p. 214—218, 255—257), которые через территории энеатов и фактории Адрия и Спина, у устья р. По, попадали в Грецию, где с VII в. до н. э. пользовались репутацией быстрых и победоносных на скачках рысаков (Harmatta 1968, p. 153—157).

1. Этот вид мелких «конеобразных» фибул распространяется на протяжении гальштатского периода (Metzner-Nebelsick 2007, S. 707—735).

2. Хорошо подтвержденными являются тесные контакты населения Венгерской низменности (особенно векерзугской культуры) с территориями окружения юго-восточных Альп, достигающими земель, населенных в древности энеатами (венетами), к северу от Адриатического моря и даже северной Италии (Chochorowski 1985a, S. 247—254, Taf. 5; Teržan 1998, S. 521—536). Не подлежит сомнению, что Венгерская низменность была ис-

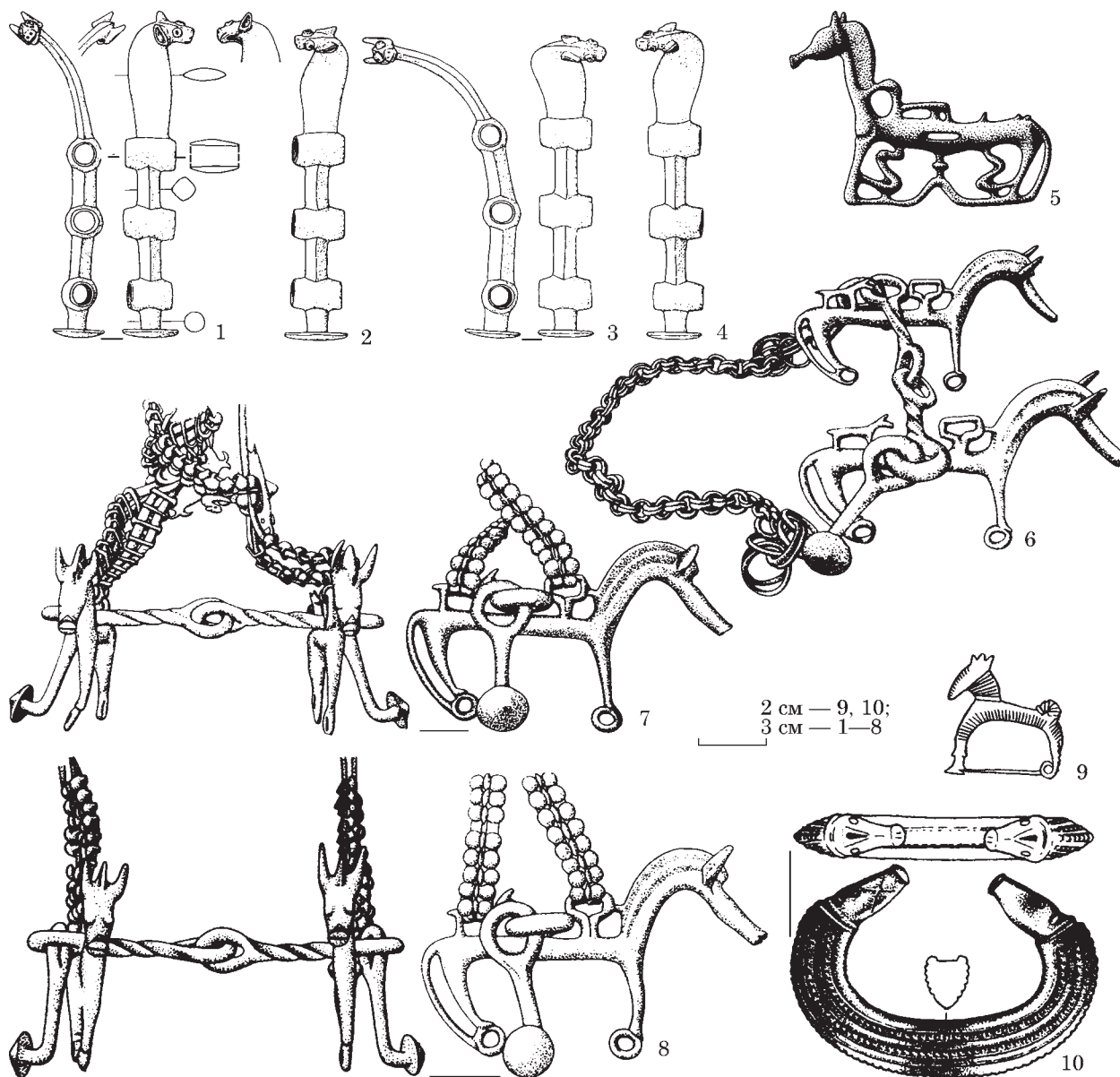

Рис. 31. Мотив коня (конской головы) в бронзолитейном производстве переходного времени от эпохи бронзы к железному веку в Карпатском бассейне и его окружении: 1—4 — Шгиллфрид; 5 — окрестности Банска Быстрица, бывший комитат Золиом; 6 — Ветулония; 7, 8 — Италия, беспаспортные находки; 9 — Батина; 10 — Трансильвания, беспаспортная находка (по: 1—4 — Kaus 1989; 5, 10 — Kemenczei 2005; 6—8 — von Nase 1969; 9 — Hoernes 1917)

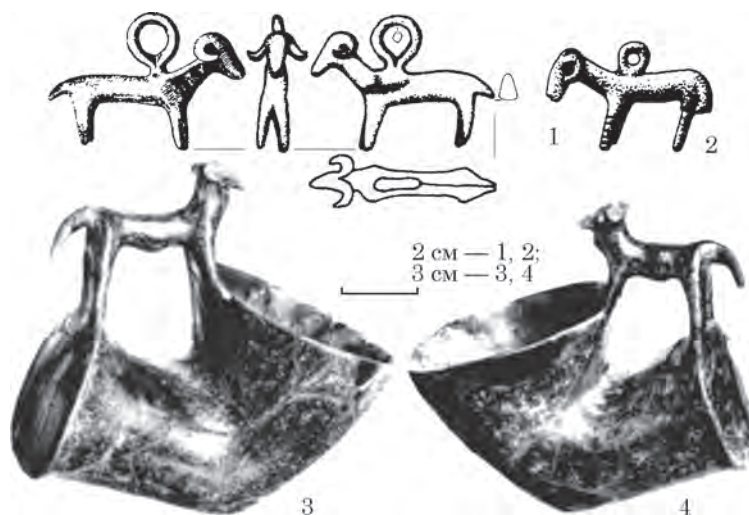

Рис. 32. Мотив барана в бронзолитейном и гончарном производстве переходного времени от эпохи бронзы к железному веку в Карпатском бассейне: 1 — Батина; 2 — Венгрия, беспаспортная находка; 3, 4 — Даль (1, 3, 4 — по Metzner-Nebelsick 2002)

1993, Abb. 65: 1—3; 74: 1—3; Podborský 2006, p. 319, Abb. 94; 95; 103; Pl. 86: 25—29; 88: 3), то изображения барана относятся — в пределах Карпатского бассейна — к менее популярным. Их присутствие в составе иконических символов магического мышления, укоренившегося в менталитете населения низовых территорий среднего течения Дуная в раннем железном веке, также отражало реалии повседневной жизни. Неслучайно, характерной чертой погребального обряда на некрополях типа Мезочат, было присутствие в захоронениях приношений мясных блюд, в основном огузков и туш говядины и баранины (Patek 1974, S. 342; 1993, Abb. 18—25). Все это указывает на заселение Венгерской низменности этническим суперстратом, тождественность которого была насыщена различными поведением, типичным для степных, пастушеских общественно-культурных формаций.

Для полноты этой картины следует тоже упомянуть переданные Геродотом (V: 9) этнографические сведения о народе сигиннов, которые — согласно «*Аргонавтике*» Аполлона Родосского (ок. 295—215 гг. до н. э.) — заселяли, скорее всего, «*Лаврийскую равнину*», т. е. равнины среднего течения Дуная (Хохоровски 2017, с. 234, 235). Это касается, в частности, породы лошадей, выращиваемой сигиннами: «*Кони у сигиннов, как говорят, покрыты по всему телу косматой шерстью в пять пальцев длины. [Кони эти] маленькие, низкорослые и слишком слабосильные, чтобы возить на себе человека. Запряженные же в повозку, они бегут очень резво. Поэтому люди в этой стране ездят на колесницах*» (Геродот V: 9). Повествование Геродота достоверно и в отношении факта разведения сигиннами лошадей, с чертами типичными для тарпанов, а также особенной роли телег или колесниц (?), используемых, по всей видимости, не только для перевозок (Bököny 1954, p. 104—109). Конские погребения с повозками, известные в этой среде из могильника Сентеш-Векерзуг (Párducz 1952, Pl. XLII: 1, 2; L: 1, 2), подчеркивают символическое значение этого рода средства передвижения в общественно-ритуальных поведении, возводя их до уровня культурного идентификатора. В четвертой песне «*Аргонавтики*» Аполлона Родосского (IV: 316—327), поэт вспоминает тоже местных пастухов, которые при виде судна Аргонавтов в страхе «*покинули безмерные стада*». «*Бесчисленные стада*» сигиннов выпасанные на равнинах среднего течения Дуная, как элемент этно-географических знаний древних писателей первой половины IV в. до н. э., т. е. со времен уже растущего давления кельтов на северные Балканы, можно образно рассматривать как завершение исторического эпизода, символическое начало которого отмечается «*конноголовыми*» скипетрами из канала Шарвиз и Турчанской котловины.

Таким образом, бронзовые скипетры на территории Карпатского бассейна — это полностью автономное явление, появившееся здесь где-то во второй половине или конце X в. до н. э., как своего рода маркер нового общественно-культурного строя / порядка. Его чертами являлись: пастушеская модель скотоводческого хозяйства с существенной ролью селективного разведения лошадей степных пород, значение которого достигло европейской системы товарооборота (Sherratt 1993, fig. 12), а также иерархические социальные структуры с выразительными признаками статуса. Эти черты проистекали из культурной тождественности сообществ Великой Степи, сформированной в специфических условиях жизни и — достигающего иногда энеолита — накопления жизненного опыта. Их введение (своеобразное «имплантирование») в культурный потенциал Карпатского бассейна, произошло в результате продвижения во второй половине X в. до н. э., воинственных групп степных пастухов-воинов, искавших экологические ниши, удобные для пастушеского хозяйства. Со временем они интегрировались с местным населением, привнося в процесс интеграции свой собственный состав признаков общественно-культурного поведения. Особенно отразили свой взнос, в области скотоводства с учетом на высокого уровня коневодства, и уникальных умений как в сфере верховой езды, так в управлении лошадьми в колесничной запряжке (Chochorowski 1987, p. 190—194). Именно эти достижения стали значительным новшеством в европейском спектре экономических стратегий и за короткое время (где-то два поколения), предоставили степнякам возможность полностью интегрироваться и адаптировать в местной среде значительную часть своего «цивилизационного пакета»¹.

1. В случае настолько экономически благотворной и культурно привлекательной (особенно с точки зрения военного дела) инновации, процессы адаптации могли протекать очень быстрым ходом. Хорошим — хотя и взятым из совершенно другой общественно-культурной реальности — примером совершенно быстрой адаптации лошади и овладения соответствующими навыками (разведение, верховая езда и т. д.), является распространение лошадей среди индейцев американских Великих Равнин в XVII в. Первые упоминания о «захвате» лошадей у испанцев, первоначально индейцами племени юте (Ute), из Юго-Запада (Нью-Мексико, Колорадо; Palonka 2019, тара 9.4), относятся к 30-м гг. XVII в. Уже в 1659 г. известны упоминания о конных воинах навахо (Navaho) и юте, нападавших на испанцев, а в 60-х гг. того же столетия подобные нападения происходили и со стороны апачей (Apache). Практически, весь процесс военной адаптации лошадей совершился в течение жизни одного, максимум двух поколений воинов (Haines 1938, p. 112—117; 1964, p. 1—5). С 80—90-х гг. XVII в., после восстания индейцев пуэбло (Pueblo) против испанцев в 1680 г., произошло уже массовое распространение лошадей с Юго-

Рис. 33. Изображения «гальштатских» конных и пеших воинов на поясной оковке из Ваче (по Kromer 1986)

Это непосредственное «столкновение» феномена степных культурных традиций с цивилизационными достижениями¹ и общественными структурами населения культуры полей погребальных урн в среднем течении Дуная, оказалось — в историческом расчете — стимулом существенных изменений. Наиболее серьезным последствием вторжения восточноевропейских кочевников на территории Карпатского бассейна в период HaV₂ (960/950—900/890/880 до н. э.), оказался кризис, произошедший в структурах культуры полей погребальных урн в бассейне среднего течения Дуная и поток процессов, в результате которых возник новый культурный порядок — «модель Гальштата» (Chochorowski 1993, p. 213—218). Ее основной особенностью, помимо повсеместного распространения металлургии железа и восприятия многих достижений средиземноморской цивилизации, было формирование сильных политических элит, господство которых гарантировалось структурами вооруженных формирований и распространение в широком масштабе — хозяйственной, военной и символической (престижной)

Запада на территорию Великих Равнин (Cassells 1983, p. 190—196; Keyser, Klassen 2001, map 2.1; Nämäläinen 2003, p. 833—862). Таким образом, полный процесс, от «захвата» лошадей индейцами Юго-Запада до их распространения на территории Великих Равнин, длился около 60—70 лет, т. е. примерно двух—трех поколений воинов. Существенную роль в этой практике сыграли индейцы юте, практикующие ранее жизнь охотников-собираателей, которые равернули разведение и распределение лошадей на Великих Равнинах. Стоит добавить, что одним из важнейших элементов боевого снаряжения индейских конных воинов был топор (томагавк; McNab 2010, p. 101). За предоставление ценных информации и помощь в поиске специализированной литературы благодарю д. г. н. Радослава Палонка из Отделения археологии Нового Света Института археологии Ягеллонского университета в Кракове.

1. В том числе, примерно, стабильные поселенческие структуры с экономическими центрами — городищами, эгалитарный социальный строй, высокий уровень бронзолитейного производства и пр.

роли лошади (рис. 33). Нет сомнений в том, что образцы этих атрибутов общественно-культурной модели гальштатской протоцивилизации, как и многие элементы аристократической субкультуры Гальштата, в значительной степени были позаимствованы из культурных традиций раннеисторических кочевников Великой Степи. Гальштатский конный воин (вождь?), погребенный в могильнике гальштатской (платеницкой) культуры в Пжедмежице, вместе с длинным (еще бронзовым) мечом, удилами с псалиями типа Дунакемлед и бронзовым скипетром (Werner 1961, S. 384, 385, Abb. 1; Vokolek 1999, p. 112—125), даже если он не происходил из среды воинов-пастухов с Подунавских равнин, представляет ярчайший пример такого синкретизма.

Типичный для мира гальштатской культуры феномен «культурного увлечения» лошадьми, даже своего рода субкультура, документированный массовым присутствием в археологическом наследии наборов железных частей упряжи (Kossack 1954, S. 111—178; Patek 1995, S. 135—148; Koch 2010, S. 139—150), также можно рассматривать как доказательство этого диагноза. В типологическом и стилистическом смысле, гальштатская упряжь, как и гальштатский вид взнуздывания коней, восходят к традициям кочевников Великой Венгерской низменности. Об этом свидетельствует, среди прочего, клад из Фюгеда (Fügöd) близ Мишкольца, который состоит, с одной стороны, из классических элементов узды «киммерийского горизонта» (рис. 34: 1—19), в том числе бронзовых псалиев типа Дунакемлед, удила с пуговицеобразными подвесками, а также набора бронзовых фаларов и декоративных блях — парадных украшений конской упряжи. С другой стороны, он включает (рис. 34: 20—29): железные псалии гальштатского типа²,

2. По своей форме они похожи на весьма распространенные в ранней фазе гальштатской культуры железные псалии с прямоугольными отверстиями для ремешков типа Платенице (Plätenice; Píć 1902—1903, tabl. III: 4).

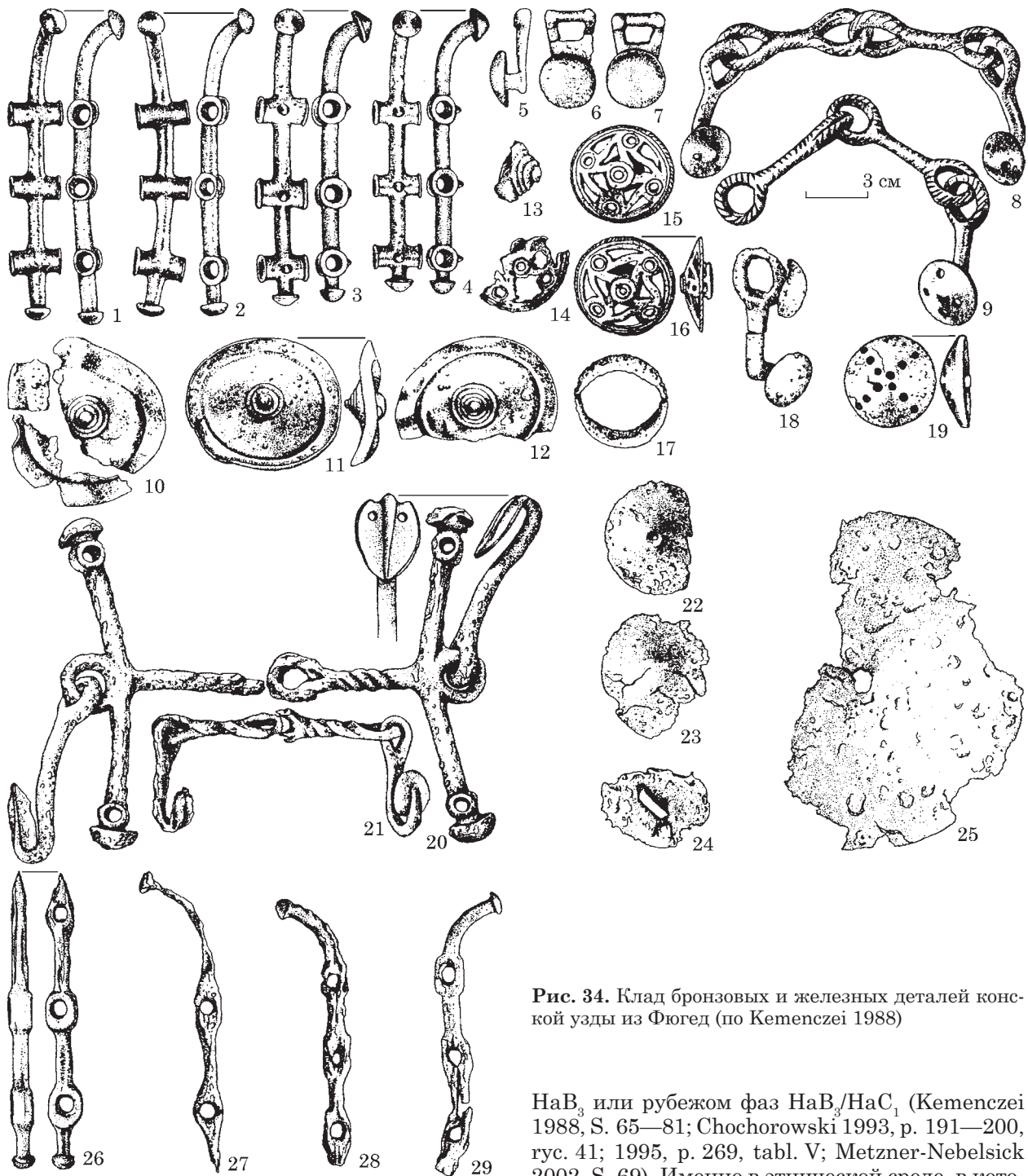

Рис. 34. Клад бронзовых и железных деталей конской узды из Фюгед (по Kemenczei 1988)

формально происходяще из типа Дунакемлед, железные (галыштатские) удила с крючковидными подвесками, а также специфический гибрид — удила с жесткими псалями, по форме относящимися к типу Камышеваха, но выполненными из железа и снабженные крючковидными подвесками, характерными для способа взнуздывания в галыштатской среде, и, наконец, железные же большие и мелкие фалары (Chochorowski 2009, p. 92, 93). Среди находок «киммерийского горизонта» комплекс из Фюгеда представляет более поздний горизонт кладов, уже связанный с младшим этапом фазы

HaV₃ или рубежом фаз HaV₃/HaC₁ (Kemenczei 1988, S. 65—81; Chochorowski 1993, p. 191—200, рис. 41; 1995, p. 269, tabl. V; Metzner-Nebelsick 2002, S. 69). Именно в этнической среде, в которой депонировался этот клад, произошел переход в сырьевой базе от бронзы к железу — что имело определенное значение тоже для функциональности узды — при сохранении, однако, преемственности в формально-стилистических аспектах (Chochorowski 2009, p. 92, 93, fig. 3).

В настоящее время невозможно окончательно ответить на вопрос, касающийся соотношений карпатских и кавказских бронзовых скипетров, главным образом, из-за отсутствия информации о детальной хронологии отдельных находок (Metzner-Nebelsick 2002, S. 466). Правда, нельзя исключать их взаимосвязи, хотя определить исходную точку практически невозмож-

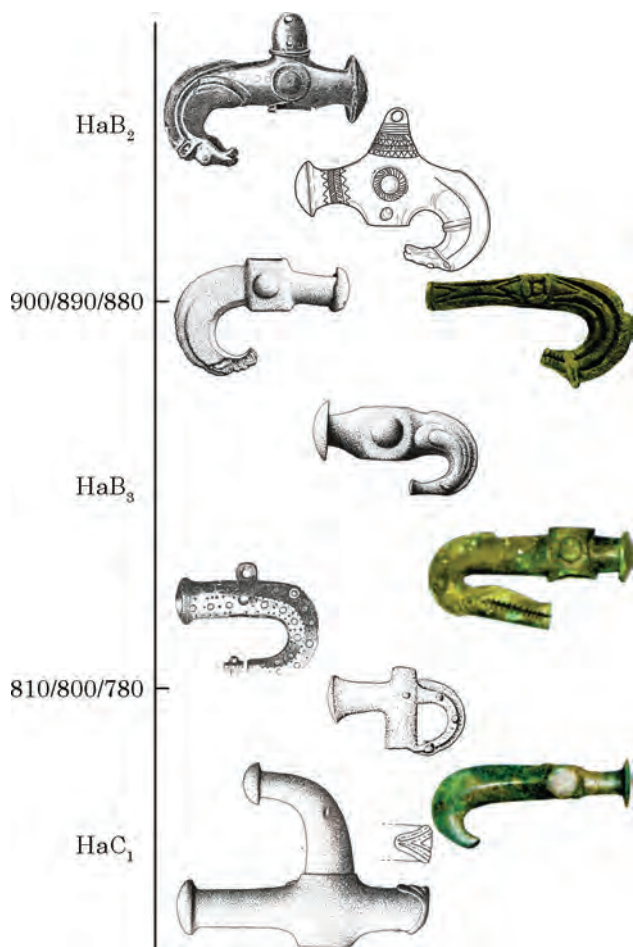

Рис. 35. Типолого-хронологическая схема стилистических взаимоотношений карпатских и кавказских «конноголовых» скипетров

но¹. Очевидно, прав В. Р. Эрлих, считавший, что в случае существования связей между этими регионами, положительное значение имели контакты элит (Эрлих 2007, с. 192)². На совре-

1. Среднеевропейских скипетров больше, чем кавказских, но статистика в случае культурных связей может быть весьма ненадежным аргументом. Лучшим примером этого рода межкультурных связей, хронологически близких к «доскифским» скипетрами, является распространение так называемых скифских крестовидных блях. Они, несомненно, были связаны своим происхождением со скифской средой Причерноморья или Лесостепи (?) (Ольговский 1995, с. 25—31; Ильюков 2016, с. 80—84), откуда происходит 8 экз. Однако наибольшую популярность (более 20 экз.), вследствие независимого типологического развития, они получили, прежде всего, в квази-скифской среде Карпатского бассейна (Chochorowski 1985, p. 95—99, Abb; Полідович 2000, с. 35—48; Hellmuth 2007, S. 66—84).
2. Kontakтами элит нельзя, однако, разъяснить территориального масштаба и глубокого характера общественно-культурных (поселенческих, хозяйственных и пр.) изменений в Карпатском бассейне в промежутке 960/950—810/800/780 гг. до н. э. (NaV₂—NaV₃). Источники этих процессов имеют внешний характер и заключаются в динамике исторических процессов Великой Степи.

менном этапе исследований более вероятным все-таки кажется мнение, что самые древние скипетры с натуралистическим видом изображения головы коня (Шарвиз, Туроч) появились в Карпатском бассейне (рис. 35)³. Однако ответить на вопрос: были ли карпатские скипетры образцами для кавказских — почти невозможно. Это могли быть в какой-то степени и конвергентные явления. Предполагаемые каменные прототипы кавказских топориков (скипетров?) и широко распространенная символика образа лошади в этой культурной среде, наверное, создавали условия для самостоятельного развития идеи бронзовых «конноголовых» скипетров на Кавказе. Общим, изначальным фактором в обоих случаях, являлось, однако, влияние пастушеских сообществ Великой Степи.

3. Место определенного скипетра на этой диаграмме не определяет в никакой мере его абсолютной датировки. Это только схема стилистических соотношений, помещенных в рамках хронологических фаз NaV₂—NaV₃—NaC₁.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев, А. Ю., Мурзин, В. Ю., Ролле, Р. 1991. *Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н. э.)*. Киев: Наукова думка.
- Вадецкая, Э. Б. 1986. *Археологические памятники в степях Среднего Енисея*. Ленинград: Наука.
- Виноградов, В. Б. 1972. *Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время*. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство.
- Виноградов, В. Б., Дударев, С. Л., Рунич, А. П. 1980. *Киммерийско-кавказские связи*. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, с. 184-199.
- Витт, В. О. 1952. Лошади пазырыкских курганов. *Советская археология*, 16, с. 165-207.
- Грязнов, М. П. 1980. *Аржан. Царский курган раннескифского времени*. Ленинград: Наука.
- Даниленко, В. М., Шмаглей, М. М. 1972. Про один поворотный момент в історії енеолітичного населення Південноє Європи. *Археологія*, 6, с. 3-20.
- Дергачев, В. А. 1975. *Бронзовые предметы XIII—VIII вв. до н. э. из Днестровско-Прутского междуречья*. Кишинев: Штиинца.
- Дергачев, В. А. 1986. *Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Анализ и характеристика культурных групп)*. Кишинев: Штиинца.
- Дударев, С. Л. 1991. *Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром*. Грозный: ЧИГУ.
- Дударев, С. Л. 1999. *Северный Кавказ и ранние кочевники в предскифскую эпоху (IX — первая половина VII в. до н. э.)*. Автореферат диссертации д. и. н. Москва: МГУ.
- Іллінська, В. А. 1961. Скіфські сокири. *Археологія*, 12, с. 27-52.
- Іллінська, В. А. 1973. Бронзові наконечники так званого жаботинського і новочеркаського типів. *Археологія*, 12, с. 13-26.
- Ильинская, В. А. 1965. *Культовые жезлы скифского и предскифского времени*. В: Крупнов, Е. И. (ред.). *Новое в советской археологии*. Москва: Наука, с. 206-210.
- Ильинская, В. А. 1968. *Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья)*. Киев: Наукова думка.
- Ильюков, Л. С. 2016. Крестовидные бляхи раннего железного века из степей Восточной Европы. В: Балаханцев, А. С., Кулланда, С. В. (ред.). *Кавказ и степь*

- на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа. *Материалы международной научной конференции посвященной памяти Марии Николаевны Погребовой*. Москва: ИВ РАН, с. 80-84.
- Канторович, А. П. 2016. Образ лошади в восточноевропейском скифском зверином стиле. В: Балахванцев, А. С., Кулланда, С. В. (ред.). *Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа. Материалы международной научной конференции посвященной памяти Марии Николаевны Погребовой*. Москва: ИВ РАН, с. 89-114.
- Клочко, В. I. 1990. «Народи Моря» та Північне Причорномор'я. *Археологія*, 1, с. 10-17.
- Ковалевская, В. Б. 1977. *Конь и всадник. Пути и судьбы*. Москва: Наука.
- Козенкова, В. И. 1975. Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром (Некоторые археологические параллели). В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифский мир*. Киев: Наукова думка, с. 52-73.
- Крупнов, Е. И. 1960. *Древняя история Северного Кавказа*. Москва: АН СССР.
- Лесков, А. М., Эрлих, В. Р. 1999. *Могильник Фарс / Клады*. Москва: Государственный музей Востока.
- Махортых, С. В. 1996. К проблеме хронологии раннескифской культуры. В: XIX «Крупновские чтения»: Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. Москва: РАН, с. 114-116.
- Махортых, С. В. 2003. *Культурные контакты Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху*. Киев: Шлях.
- Махортых, С. В. 2005. *Киммерийцы Северного Причерноморья*. Киев: Шлях.
- Мелюкова, А. И. 1964. *Вооружение скифов*. Археология СССР. Свод археологических источников, Д 1-4. Москва: Наука.
- Новицкий, Е. Ю. 1990. *Монументальная скульптура древнейших земледельцев и скотоводов Северо-Западного Причерноморья*. Одесса: Управление культуры Одесского облисполкома.
- Ольговский, С. Я. 1995. Походження хрестоподібних блях скіфського часу. *Археологія*, 2, с. 25-31.
- Ольховский, В. С. 2005. *Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа*. Москва: Наука.
- Ольховский, В. С., Евдокимов, Г. Л. 1994. *Скифские изваяния VII—III вв. до н. э.* Москва: РАН.
- Отрошенко, В. В. 2018. Троя в дикурсі українсько археології. *Археологія*, 1, с. 5-10.
- Полідович, Ю. Б. 2000. Скіфські хрестоподібні бляхи. *Археологія*, 1, с. 35-48.
- Полідович, Ю. Б., Циміданов, В. В. 1995. Кам'яна сокира в пам'ятках зрубної культурно-історичної спільності. *Археологія*, 2, с. 52-62.
- Поляков, И. С. 1881. Лошадь Пржевальского (*Equus Przewalskii* n. sp.). *Известия Императорского Русского географического общества*, 17, 1, с. 1-23.
- Рябкова, Т. В. 2008. Ромбические знаки на предметах раннескифского времени. В: Юбилейные XXV «Крупновские» чтения по археологии Северного Кавказа: Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Владикавказ, с. 324-327.
- Симоненко, А. В. 1987. О семантике среднего фриза чертомлыцкой амфоры. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с. 140-144.
- Скорый, С. А. 1999. *Киммерийцы в Украинской Лесостепи*. Киев; Полтава: Археология.
- Скорый, С., Костенко, Ю., Боряк, В. 2016. Клады черноморской культуры на севере Приднепровской Террасовой Лесостепи. *Revista Arheologică*, 12, 1—2, с. 106-127.
- Тереножкин, А. И. 1976. *Киммерийцы*. Киев: Наукова думка.
- Тереножкин, О. I. 1978. Киммерийські стели. *Археологія*, 27, с. 12-22.
- Хохоровски, Я. 2011. Экологический «стресс» в Западной Сибири и культурный «шок» в Карпатской котловине в конце бронзового века. В: Молодин, В. И., Хансен, С. (ред.). *Материалы международного симпозиума «Terra Scythica»*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, с. 319-336.
- Хохоровски, Я. 2017. Кавказ и Карпатский Бассейн в раннем железном веке (проблема происхождения сигиннов). *Археологія і давня історія України*, 2 (23), с. 228-244.
- Черных, Е. Н. 1978. *Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии*. София: БАН.
- Членова, Н. Л. 1984. *Оленные камни как исторический источник*. Новосибирск: Наука.
- Чугунов, К. В. 2013. Актуальные проблемы хронологии памятников эпохи ранних кочевников Центральной Азии и Сибири. *Вестник Томского Государственного Университета. История*, 3 (23), с. 97-102.
- Чугунов, К. В. 2020. Курган Аржан 5: Взгляд с птичьего полета. В: Рукавишникова, И. В., Радюш, О. А. (ред.). *Древние памятники, культуры и прогресс. Сборник, посвященный Д. В. Рукавишникову*. Москва: ИА РАН, с. 54-61.
- Чугунов, К. В., Парцингер, Г., Наглер, А. 2017. *Царский курган скифского времени Аржан 2 в Туве*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Шарафутдінова, І. М. 1980. Орнаментовані сокири-молотки з катакомбних поховань на Інгулі. *Археологія*, 33, с. 60-70.
- Шелехань, О. В. 2012. Бойові сокири скіфського типу з Північного Причорномор'я. *Археологія*, 2, с. 3-13.
- Щепинский, А. А. 1985. Кеми-Обинская культура. В: Артеменко, И. И. (ред.). *Археология Украинской ССР*. 1. Киев: Наукова думка, с. 331-336.
- Эрлих, В. Р. 1990. К проблеме происхождения птицеголовых скипетров предскифского времени. *Советская археология*, 1, с. 247-250.
- Эрлих, В. Р. 2004. О «птицеголовости» некоторых предскифских топориков-скипетров. В: Скорый, С. А. (ред.). *Від Киммерії до Сарматії*. Київ: Корвін-Пресс, с. 106-110.
- Эрлих, В. Р. 2005. «Птицеголовые» скипетры предскифского времени: новые аргументы и дискуссии. *Материальная культура Востока*, 4, с. 151-162.
- Эрлих, В. Р. 2007. *Северо-Западный Кавказ в начале железного века*. Москва: Наука.
- Bălan, G. 2013. Așezările fortificate din aria culturii Gâva din România. In: Ailincăi, S.-C., Târlea, A., Micu, C. (eds.). *Din preistoria Dunării de Jos. 50 de ani de la începutul cercetărilor arheologice la Babadag (1962—2012)*. Brăila: Istros, p. 267-312.
- Blaizer, W. 2013. *Młodsza epoka brązu na ziemiach polskich w świetle badań nad skarbami*. Kraków: Historia Jagellonica.
- Boroffka, N., Sava, E. 1998. Zu den steinernen «Zeptern / Stössel-Zeptern», «Miniatursäulen» und «Phalli» der Bronzezeit Eurasiens. *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, 30, S. 17-111.
- Bouzek, J. 1983. Caucasus and Europe and the Cimmerian problem. *Sborník Národního muzea v Praze*, 37, 4, p. 177-231.
- Bökönyi, S. 1954. Les chevaux scythiques de Szentes-Vekerzug II (Étude sur le matériel osseux des fouilles de 1952—1953). *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 4, p. 93-114.
- Bökönyi, S. 1968. Mecklenburg collection, part 1: data on Iron Age horses of central and eastern Europe. *American School of Prehistoric Research, Peabody Museum, Harvard University, Bulletin*, 25, p. 3-71.
- Bökönyi, S. 1983. Trade of domestic animals between Pannonia and Italy. *Savaria. A Vas Megyei Múzeumok Értésítője*, 16, p. 335-339.
- Buchholz, H. G. 1999. Ein aussergewöhnliches Steinzepter im östlichen Mittelmeer. *Prähistorische Zeitschrift*, 74, 1, S. 68-78.

- Bunnefeld, J.-H. 2018. The chief and his Sword? Some thoughts on the swordbearer's rank in the Early Nordic Bronze Age. In: Horn, Ch., Kristiansen, K. (eds.). *Warfare in Bronze Age Society*. Cambridge: Cambridge University, p. 198-212.
- Bukowski, Z. 1976. *Elementy wschodnie w kulturze lużyckiej u schyłku epoki brązu*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum.
- Cassells, E. S. 1983. *The Archaeology of Colorado*. Boulder: Johanson.
- Chochorowski, J. 1985a. Die Rolle der Vekezug-Kultur (VK) im Rahmen der skythischen Einflüsse in Mitteleuropa. *Praehistorische Zeitschrift*, 60, 2, S. 204-271.
- Chochorowski, J. 1985b. *Die Vekezug-Kultur. Charakteristik der Funde*. Warszawa; Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Chochorowski, J. 1987. Rola Sigynnów Herodota w środowisku kulturowym wczesnej epoki żelaza na Nizinie Węgierskiej. *Przegląd Archeologiczny*, 34, p. 161-218.
- Chochorowski, J. 1993. *Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński.
- Chochorowski, J. 1995. Datowanie horyzontu kimmeryjskiego w Europie środkowej a chronologia późnej epoki brązu. *Śląskie Prace Prahistoryczne*, 4, p. 267-281.
- Chochorowski, J. 1996. Kurhan Arzhan (Tuva) a chronologia znalezisk kimmeryjskich i wczesnoscytyjskich we wschodniej i środkowej Europie. *Zeszyty Naukowe Politechniki Śląskiej. Geochronometria*, 14, p. 239-256.
- Chochorowski, J. 2009. «Halsztażycza» wschodniej części Kotliny Karpackiej. In: Czopek, S., Trybała-Zawiślak, K. (eds.). *Tarnobrzaska kultura lużycka — źródła i interpretacje*. Rzeszów: Mitel, p. 89-116.
- Chochorowski, J. 2015. Późnobrazowe osiedla obronne w północno-wschodniej części Kotliny Karpackiej — główne problemy badań. In: Gancarski, J. (ed.). *Pradziejowe osady obronne w Karpatach*, Krosno: Muzeum Podkarpackie w Krośnie, p. 245-272.
- Chochorowski, J. 2019. «Foreign» markers in Černotín type hoards. A contribution to the discussion of the phenomenon of «culture shock» in Central Europe in the late Bronze Age. *Prace Archeologiczne*, 69: Chasing Bronze Age rainbows. Studies on hoards and related phenomena in prehistoric Europe in honour of Wojciech Blajer, p. 67-132.
- Chochorowski, J., Gawlik, A. 1997. Żelazny czekan kultury Vekezug z Żuklina, gm. Kańczuga. *Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego*, 18, p. 173-179.
- Ciszewska, J. 2011. «Ludy Morza» na tle przeobrażeń kulturowych w strefie pontyjsko-balkańskiej w 2. poł. II tysiąclecia p. n. e. *Folia Praehistorica Posnaniensia*, 16, p. 427-433.
- Dular, J. 2007. Pferdegräber und Pferdebestattungen in der Doljensko-Gruppe. *Situla*, 44: Scripta praehistorica in Honorem Biba Teržan, S. 737-752.
- Falkenstein, F. 2007. Gewalt und Krieg in der Bronzezeit Mitteleuropas. *Bericht der Bayerischen Bodendenkmalpflege*, 47—48, S. 33-52.
- Gallus, S., Horváth, T. 1939. *Un peuple cavalieri pré-cythique en Hongrie. Trouvailles archéologiques du premier Âge du Fer et leurs relations avec l'Eurasie*. Budapest: l'Université Pierre Pázmány.
- Gazdapusztai, Gy. 1967. Caucasian relations of the Danubian Basin in the early Iron Age. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 19, p. 307-333.
- Gerdson, H. 1986. *Studien zu den Schwertgräbern der älteren Hallstattzeit*. Mainz : Philip von Zabern.
- Gloger, Z. 1985. *Encyklopedia staropolska ilustrowana*. Warszawa: Wiedza Powszechna.
- Grabowski, J. 1982. *Hippologia dla wszystkich*. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza.
- Haines, F. 1938. Where did the Plain Indians get their Horses? *American Anthropologist*, 40, 1, p. 112-117.
- Haines, F. 1964. How the Indian got the Horse. *American Heritage*, 15, 2, p. 1-5.
- Hančar, F. 1967. Die bronzenen «Pferdekopfszepter» der Hallstattzeit in archäologischer Ostperspektive. *Archaeologia Austriaca*, 40, S. 113-134.
- Harmatta, J. 1968. Früheisenzeitliche Beziehungen zwischen dem Karpatenbecken, Oberitalien und Griechenland. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 20, S. 153-157.
- Hartuche, N. 2005. Sceptrele de piatră zoomorfe. Interpretare și cronologie. *Pontica*, 37—38, p. 71-97.
- Hase, F.-W., von. 1969. *Die Trensen der Früheisenzeit in Italien*. Prähistorische Bronzefunde, XVI, 1. München: C. H. Beck'sche.
- Hämäläinen, P. 2003. The Rise and Fall of Plains Indian Horse Cultures. *The Journal of American History*, 90, 3, p. 833-862.
- Hänsel, B. 1976. *Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau*. Bonn: Rudolf Habelt.
- Hellmuth, A. 2007. Zur Datierung der kreuzförmigen Goryt- und Bogentaschenbeschläge im Karpatenbecken. *Prähistorische Zeitschrift*, 82, 2, S. 66-84.
- Hoernes, M. 1917. Prähistorische Miscellen. *Wiener Prähistorische Zeitschrift*, 4, S. 24-51.
- Irimia, M. 2008. Sceptre de piatră inedite din județul Constanța și unele considerații privind legăturile zonei vest-pontice cu spațiul Egeean în bronzul târziu. *Pontica*, 41, p. 79-117.
- Jacob-Friesen, G. 1968. Eine Pferdekopfkeule der frühen Eisenzeit aus Siebenbürgen. In: Claus, M., Haarnagel, W., Raddatz, K. (eds.). *Studien zur europäischen Vor- und Frühgeschichte Herbert Jahnkun gewidmet*. Neumünster: Kar1 Wachholtz, S. 66-73.
- Jung, R. 2018. Warriors and Weapons on the Central and Eastern Balkans. In: Alexandrov, S., Dimitrova, Y., Popov, H., Horejs, B., Chukalev, K. (eds.). *Gold & Bronze. Metals, Technologies and Interregional Contacts in the Eastern Balkans during the Bronze Age*. Sofia: NAIM BAS, p. 241-251.
- Kaus, M. 1989. Kimmerischer Pferdeschmuck im Karpatenbecken — das Stillfrieder Depot aus neuer Sicht. *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*, 118—119, S. 247-257.
- Kemenczei, T. 1971. Az őskor művészetének emlékei a Herman Ottó Múzeumban. *A Miskolci Herman Ottó Múzeum Közleményei*, 9, p. 36-49.
- Kemenczei, T. 1981. A Prügvi koravaskori kincslelet. *Communicationes Archaeologicae Hungariae*, p. 29-41.
- Kemenczei, T. 1988. Der Pferdegeschirrfund von Fügöd. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 40, S. 65-81.
- Kemenczei, T. 1991. *Die Schwerter in Ungarn II*. Prähistorische Bronzefunde, IV, 9. Stuttgart: Franz Steiner.
- Kemenczei, T. 1995. Zu früheisenzeitlichen Goldfunden aus dem Karpatenbecken. In: Hänsel, B. (ed.). *Handel, Tausch und Verkehr im bronze- und früheisenzeitlichen Südosteuropa*. München; Berlin: Südosteuropa-Gesellschaft, S. 331-348.
- Kemenczei, T. 1996. Notes on the chronology of late Bronze Age Hoards in Hungary. In: Chochorowski, J. (ed.). *Problemy epoki brązu i wczesnej epoki żelaza w Europie Środkowej. Księga jubileuszowa poświęcona Markowi Gedłowi*. Kraków: Oficyna Cracovia, p. 247-279.
- Kemenczei, T. 1998. Die Große Ungarische Tiefebene vor und während der skythischen Eroberung (10.—4. Jh. v. Chr.). In: *Schätze aus der Keltenzeit in Ungarn. Kunst im Karpatenbecken im 1. Jahrtausend vor Christus*. Eberdingen: Keltenmuseum Hochdorf / Enz, S. 15-37.
- Kemenczei, T. 2005. *Funde ostkarpatenländischen Typs im Karpatenbecken*. Prähistorische Bronzefunde, XX, 10. Stuttgart: Franz Steiner.
- Keyser, J. D., Klassen, M. A. 2001. *Plains Indian Rock Art*. Vancouver; Toronto: UBC.

- Kitowicz, J. 1985. *Opis obyczajów za panowania Augusta III*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Klochko, V. I. 1993. *Weapons of the tribes of the Northern Pontic zone in the 16th—10th centuries BC*. Baltic-Pontic Studies, 1. Poznań: Adam Mickiewicz University.
- Klochko, V. I. 2001. *Weaponry of societies of the Northern Pontic culture circle: 5000—700 BC*. Baltic-Pontic Studies, 10. Poznań: Adam Mickiewicz University.
- Klochko, V. I. 2002. Maces of the Neolithic-Bronze Age of the Northern Pontic region. *Baltic-Pontic Studies*, 11, p. 22-30.
- Kmet'ova, P. 2013. «Masters of Horses» in the West, «Horse Breeders» in the East? On the Significance and Position of the Horse in the Early Iron Age Communities of the Pannonian Basin. *Studien zur Kulturgeschichte von Oberösterreich*, 37: Interpretierte Eisenzeiten. Fallstudien, Methoden, Theorie. Tagungsbeiträge der 5. Linzer Gesprächs zur interpretativen Eisenzeitarchäologie, p. 247-258.
- Kmet'ová, P. 2014. *Deponovanie koní na pohrebiskách z doby halštatskej v priestore Panónskej Panvy*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave.
- Koch, J. K. 2010. Früheisenzeitliche Reitergräber zwischen Ost- und Westhallstattkreis. In: Jerem, E., Schönfelder, M., Wieland, G. (eds.). *Nord-Süd, Ost-West. Kontakte während der Eisenzeit in Europa*. Budapest: Archaeolinqua Alapítvány, p. 139-150.
- Kossack, G. 1954. Pferdegeschirr aus Gräbern der älteren Hallstattzeit Bayerns. *Jahrbuch des RGZM*, 1, S. 111-178.
- Kossack, G. 1987. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils. In: Franke, H. (ed.). *Skythika. Vorträge zur Entstehung des skytho-iranischen Tierstils*. München: Bayerischen Akademie der Wissenschaften, p. 24-86.
- Koško, A. 2002. Fluted maces in cultural systems of the borderland of Eastern and Western Europe: 2350—800 BC. Taxonomy, genesis, function. *Baltic-Pontic Studies*, 11, p. 31-81.
- Kristiansen, K. 1984. Krieger und Häuptlinge in der Bronzezeit Dänemarks. Ein Beitrag zur Geschichte des bronzezeitlichen Schwertes. *Jahrbuch des RGZM*, 31, S. 187-208.
- Kristiansen, K. 1998. *Europe before history*. Cambridge: Cambridge University.
- Kromer, K. 1986. Das östliche Mitteleuropa in der frühen Eisenzeit (7.—5. Jh. v. Chr.). Seine Beziehungen zu Steppenvölkern und antiken Hochkulturen. *Jahrbuch des RGZM*, 33, S. 3-93.
- L'art. Scythe. 1986. *L'art. Scythe. Les antiquités Scythes milieu du VIIe—IIIe siècle avant notre ère*. Leningrad: Aurora.
- László, A. 2006. Drajna de Jos — Lozova — Pobit Kamák — Uluburun. Sur les relations a longue distance dans l'âge tardif du bronze. *Studia Antiqua et Archaeologica*, 12, p. 43-55.
- Levine, M. A. 2005. Domestication and early history of the horse. In: Mills, D. S., McDonnell, S. M. (eds.). *The Domestic Horse: The Origins, Development, and Management of its Behaviour*. Cambridge: Cambridge University, p. 5-22.
- Lucke, W., Frey, O-H. 1962. *Die Situla in Providence (Rhode Island). Ein Beitrag zur Situlenkunst des Osthallstattkreises*. Berlin: Walter de Gruyter & Co.
- McNab, Ch. 2010. *The Native American Warrior 1500—1890 CE*. New York: Amber Books.
- Medwecka-Kornaś, A. 1972. Czynniki naturalne wpływające na rozmieszczenie geograficzne roślin w Polsce. In: Szafer, W. Zarzycki, K. (eds.). *Szata roślinna Polski*. I. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, p. 35-94.
- Metzner-Nebelsick, C. 2002. *Der «Thrako-Kimmerische» Formenkreis aus der Sicht der Urnenfelder- und Hallstattzeit im südöstlichen Panonien*. Rahden: Marie Leidorf.
- Metzner-Nebelsick, C. 2007. Pferdchenfibel. Zur Deutung einer frauenpezifischen Schmuckform der Hallstatt- und Frülätenezeit. *Situla*, 44: Scripta Praehistorica in Honorem Biba Teržan, S. 707-735.
- Molloy, B. 2018. Conflict at Europe's Crossroads: Analysing the Social Life of Metal Weaponry in the Bronze Age Balkans. In: Dolfini, A., Crellin, R. J., Horn, C., Uckelmann, M. (eds.). *Prehistoric Warfare and Violence. Quantitative and Qualitative*. New York: Springer, p. 199-224.
- Moscalu, E., Beda, C. 1991. Ein Grabhügel der Basarabi-Kultur mit Votivkesselwagen aus Rumänien. *Prähistorische Zeitschrift*, 66, S. 197-218.
- Muhle, B. 2008. *Vorderasiatische Keulen und ihr Umfeld vom 9. bis ins frühe 1. Jt. v. Chr. Typologie und Deutung*. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie an der Ludwig-Maximilians-Universität München. München.
- Outram, A. K. 2015. Pastoralism. In: Barker, G., Goucher, C. (eds.). *The Cambridge World History II. A World with Agriculture 12,000 BCE — 500 CE*. Cambridge: Cambridge University, p. 161-185.
- Palonka, R. 2019. *Sztuka i archeologia kultur indiańskich prekolumbijskiego Południowego Zachodu USA*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Párducz, M. 1952. Le cimetièr hallstattien de Szentes-Vekerzug. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2, p. 143-172, pl. XLII-LXVIII.
- Pare, Ch. F. E. 1998. Beiträge zum Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit in Mitteleuropa, Teil I: Grundzüge der Chronologie im östlichen Mitteleuropa (11.—8. Jahrhundert v. Chr.). *Jahrbuch des RGZM*, 43, S. 293-433.
- Parzinger, H. 2006. *Die frühen Völker Eurasiens. Vom Neolithikum bis zum Mittelalter*. München: C. H. Beck.
- Patek, E. 1974. Präskythische Gräberfelder in Ostungarn. In: Dušek, M. (ed.). *Symposium zu Problemen der jüngeren Hallstattzeit in Mitteleuropa*. Bratislava: Veda, S. 337-362.
- Patek, E. 1993. *Westungarn in der Hallstattzeit*. Weinheim: VCH mbH.
- Patek, E. 1995. «Reiterkriegergräber» in Westungarn. Hallstattzeitliche Gräber mit Waffen und Pferdegeschirr in Westungarn. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 47, S. 135-148.
- Petrescu-Dîmbovița, M. 1977. *Depozitele de bronzuri din România*. București: Academia Republicii Socialiste România.
- Piř, J. L. 1903. Nový typ žárových hrobů v Čechách, *Památky Archeologické a Místopisné*, 20, p. 467-508.
- Pietrzyk, M. 2011. Ludy Morza w kontekście źródeł archeologicznych i historycznych. *Starożytności*, 1, p. 5-18.
- Podborský, V. 2006. *Náboženství pravěkých Evropanů*. Brno: Masarykovy universit.
- Przybyła, M. S. 2009. *Intercultural contacts in the Western Carpathian area at the turn of the 2nd and 1st millennia BC*. Warszawa: National Centre for Culture.
- Przybyła, M. S. 2010. Pottery analyses as the basis for studying migrations. The case of Danubian pottery groups from the end of 2nd Millennium BC. *Prace Archeologiczne*, 63: Migration in Bronze and Early Iron Age Europe, p. 87-104.
- Pulak, C. 1996. Dendrochronological dating of the Uluburun ship. *The INA Quarterly*, 23, 1, p. 12-13.
- Romsauer, P. 1999. Zur Frage der Westgrenze der Mezőcsát-Gruppe. In: Jerem, E., Poroszlai, I. (eds.). *Archaeology of the Bronze and Iron Age*. Budapest: Archaeolinqua, p. 167-176.
- Rychner, V. 1995. Stand und Aufgaben dendrochronologischer Forschung zur Urnenfelderzeit. *RGZM Monographien*, 35: Beiträge zur Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. Ergebnisse eines Kolloquiums, S. 455-487.
- Sanders, N. K. 1978. *The Sea Peoples. Warriors of the Ancient Mediterranean 1250—1150 BC*. London: Thames and Hudson.
- Schüle, W. 1969. *Die Meseta-Kulturen der Iberischen Halbinsel. Mediterrane und eurasische Elemente in frühe-*

isenzeitlichen Kulturen Südwesteuropas. Berlin: Walter de Gruyter & C°.

Sherratt, A. 1993. What would a Bronze-Age world system look like? Relations between temperate Europe and the Mediterranean in later prehistory. *Journal of European Archaeology*, 1—2, p. 1-57.

Soroceanu, T. 2008. *Die vorskythenzeitlichen Metallgefäße im Gebiet des heutigen Rumänien*. Cluj-Napoca: Accent.

Sperber, L. 1987. *Untersuchungen zur Chronologie der Urnenfelderkultur im nördlichen Alpenvorland von der Schweiz bis Oberösterreich*. *Antiquitas*, 3 (29). Bonn: Habelt.

Sperber, L. 2017. *Studien zur spätbronzezeitlichen Chronologie im westlichen Mitteleuropa und in Westeuropa*. Monographien der RGZM, 136. Mainz: RGZM.

Steward, J. H. 1972. *Theory of culture change: the methodology of multilinear evolution*. Urbana-Chicago: University of Illinois.

Śliwa, J. 2004. Inwazja Ludów Morskich na Egipt u schyłku II tys. p. n. e. In: Salamon, M., Strzelczyk, J. (eds.). *Wędrowniacy i etnogeneza w starożytności i średniowieczu*. Kraków: Historia Iagiellonica, p. 43-53.

Teržan, B. 1995. Handel und soziale Oberschichten im früheisenzeitlichen Südosteuropa. In: Hänsel, B. (ed.). *Handel, Tausch und Verkehr im bronze- und früheisenzeitlichen Südosteuropa*. München; Berlin: Hansa-Druck Kiel, S. 81-159.

Teržan, B. 1998. Auswirkungen des skythisch geprägten Kulturkreises auf die hallstattzeitlichen Kulturgruppen Pannoniens und des Ostalpenraumes. In: Hänsel, B., Machnik, J. (eds.). *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe*. München; Rahden: Marie Leidorf, S. 511-560.

Thrane, H. 2007. *Vestby. Reallexikon der Germanischen Altertumskunde von Johannes Hoeps*, 35, S. 442-443.

Torbay, J. G. 2015. A New late Bronze Age warrior equipment from east Central Europe. *Archeologiai Értésítő*, 140, p. 29-70.

Trachsel, M. 2004. *Untersuchungen zur relativen und absoluten Chronologie der Hallstattzeit*, 1. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, 104. Bonn: Habelt.

Vecellio, C. 1590. *De gli habiti antichi et moderni di diverse parti del mondo*. Venezia: Damiano Zenaro.

Vokolek, V. 1999. *Východočeská halštatská pohřebiště*. Pardubice: Východočeské museum Pardubice.

Vulpe, A. 1970. *Äxte und Beile in Rumänien I. Prähistorische Bronzefunde*, IX, 2, München: C. H. Beck.

Werner, J. 1961. Bronzenes Pferdekopfszepter der Hallstattzeit aus Předměřice bei Hradec Králové. *Památky Archeologické*, 52, S. 384-389.

Wierzbicki, L., Obst, S. 1882. *Wzory przemysłu domowego. Wyroby metalowe włościan na Rusi*. Lwów: Muzeum Przemysłowe Miejskie we Lwowie.

Willwonseder, K. 1932. Ein Depotfund aus Stillfried a. March (Niederösterreich). *Wiener Prähistorische Zeitschrift*, 19, S. 25-38, I.

Wisner, H. 2013. *Lisowczycy. Łupieżcy Europy*. Warszawa: Bellona.

Zurowski, K. 1949. Zabytki brązowe z młodszej epoki brązu i wczesnego okresu żelaza z dorzecza górnego Dniestru. *Przegląd Archeologiczny*, 8, p. 155-247.

REFERENCES

Alekseev, A. Iu., Murzin, V. Iu., Rolle, R. 1991. *Chertomlyk (Skifskii tcarskii kurgan IV v. do n. e.)*. Kiev: Naukova dumka.

Vadetskaja, E. B. 1986. *Archeologicheskie pamiatniki v stepiakh Srednego Eniseia*. Leningrad: Nauka.

Vinogradov, V. B. 1972. *Centralnyi i Severo-Vostochnyi Kavkaz v skifskoe vremia*. Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatelstvo.

Vinogradov, V. B., Dudarev, S. L., Runich, A. P. 1980. Kimmeriisko-kavkazskie sviazi. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifiia i Kavkaz*. Kiev: Naukova dumka, s. 184-199.

Vitt, V. O. 1952. Loshadi pazyrykskikh kurganov. *Sovetskaja arkhologiiia* 16, s. 165-207.

Griaznov, M. P. 1980. *Arzhan. Carskii kurgan ranneskifskogo vremeni*. Leningrad: Nauka.

Danilenko, V. M., Shmaglii, M. M. 1972. Pro odin povorotnii moment v istorii eneolitichnogo naseleniia Pivdennoi Evropy. *Arkheologiiia*, 6, s. 3-20.

Dergachev, V. A. 1975. *Bronzovye predmety XIII—VIII vv. do n. e. iz Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurechia*. Kishinev: Shtiintca.

Dergachev, V. A. 1986. *Moldaviia i sosednie territorii v epokhu bronzy (Analiz i kharakteristika kulturnykh grupp)*. Kishinev: Shtiintca.

Dudarev, S. L. 1991. *Iz istorii sviazei naseleniia Kavkaza s kimmeriisko-skifskim mirom*. Grozny: ChIGU.

Dudarev, S. L. 1999. *Severnyi Kavkaz i rannie kochevniki v predskifskuiu epokhu (IX — pervaiia polovina VII v. do n. e.)*. Avtoreferat dissertatsii d. i. n. Moskva: MGU.

Illinska, V. A. 1961. Skifski sokiri. *Arkheologiiia*, 12, s. 27-52.

Illinska, V. A. 1973. Bronzovi nakonechniki tak zvanogo zhabotinskogo i novoчеркaskogo tipiv. *Arkheologiiia*, 12, s. 13-26.

Illinskaia, V. A. 1965. Kultovye zhezly skifskogo i predskifskogo vremeni. B: Krupnov, E. I. (ed.). *Novoe v sovetskoi arkhologii*. Moskva: Izdatelstvo «Nauka» c. 206-210.

Illinskaia, V. A. 1968. *Skify Dneprovskogo Lesostepnogo Levoberezhia (kurgany Posulia)*. Kiev: Naukova dumka.

Pliuikov, L. S. 2016. Krestovidnye bliakhi rannego zheleznoogo veka iz stepei Vostochnoi Evropy. In: Balakhvantsev, A. S., Kullanda, S. V. (eds.). *Kavkaz i step na rubezhe epokhi pozdnei bronzy i rannego zheleza. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii posviashchenoi pamiati Marii Nikolae-vny Pogrebovoi*. Moskva: IV RAN, s. 80-84.

Kantorovich, A. P. 2016. Obraz lozhadi v vostochnoevropeiskom skifskom zverinom stile. In: Balakhvantsev, A. S., Kullanda, S. V. (eds.). *Kavkaz i step na rubezhe epokhi pozdnei bronzy i rannego zheleza. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii posviashchenoi pamiati Marii Nikolae-vny Pogrebovoi*. Moskva: IV RAN, c. 89-114.

Klochko, V. I. 1990. «Narodi Moria» ta Pivnichne Prichernomoria. *Arkheologiiia*, 1, s. 10-17.

Kovalevskaia, V. B. 1977. *Kon i vsadnik. Puti i sudby*. Moskva: Nauka.

Kozenkova, V. I. 1975. Sviazi Severnogo Kavkaza s Karpato-Dunaiskim mirom (Nekotorye arkhologicheskie paraleli). In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskii mir*. Kiev: Naukova dumka, s. 52-73.

Krupnov, E. I. 1960. *Drevniaia istoriia Severnogo Kavkaza*. Moskva: AN SSSR.

Leskov, A. M., Erlikh, V. R. 1999. *Mogilnik Fars / Klady*. Moskva: Gosudarstvennyi muzei Vostoka.

Makhortikh, S. V. 1996. K probleme khronologii ranneskifskoi kultury. In: *XIX «Krupnovskie chteniia»: Aktualnye problemy arkhologii Severnogo Kavkaza*. Moskva: RAN, s. 114-116.

Makhortikh, S. V. 2003. *Kulturnye kontakty Severnogo Prichernomoria i Centralnoi Evropy v kimmeriiskuiu epokhu*. Kiev: Shliakh.

Makhortikh, S. V. 2005. *Kimmeriitcy Severnogo Prichernomoria*. Kiev: Shliakh.

Meliukova, A. I. 1964. *Vooruzhenie skifov*. Arkheologiiia SSSR. Svod arkhologicheskikh istochnikov, D 1-4. Moskva: Nauka.

Novitekkii, E. Iu. 1990. *Monumentalnaia skulptura drevneishikh zemledeltcv i skotovodov Severo-Zapadnogo Prichernomoria*. Odessa: Upravlenie kultury Odesskogo oblistpolkoma.

Olgovskii, S. Ia. 1995. Pokhodzhennia khrestopodibnykh bliakh skifskogo chasu. *Arkheologiiia*, 2, s. 25-31.

Olkhovskii, V. S. 2005. *Monumentalnaia skulptura nasele-niia zapadnoi chasti evraziiskikh stepei epokhi rannego zheleza*. Moskva: Nauka.

Olkhovskii, V. S., Evdokimov, G. L. 1994. *Skifskie izvaia-niia VII—III vv. do n. e.* Moskva: RAN.

- Otroshchenko, V. V. 2018. Troia v diskursi ukraiinskoji arkeologiji. *Arkheologija*, 1, s. 5-10.
- Polidovich, Iu. B. 2000. Skifski khrestopodibni bliakhi. *Arkheologija*, 1, s. 35-48.
- Polidovich, Iu. B., Cimidanov, V. V. 1995. Kamiana sokira v pamiatkakh zrubnoji kulturno-istorichnoji spilnosti. *Arkheologija*, 2, s. 52-62.
- Poliakov, I. S. 1881. Loshad Przheval'skogo (*Equus Przewalskii* n. sp.). *Izvestiia Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo Obshchestva*, 17, 1, s. 1-23.
- Riabkova, T. V. 2008. Rombicheskie znaki na predmetakh ranneskifskogo vremeni. In: *Iubileinye XXV «Krupnovskie» chteniia po arkeologii Severnogo Kavkaza: Otrazhenie tsivilizatsionnykh protsessov v arkeologicheskikh kulturakh Severnogo Kavkaza i sopredelnykh territorii. Vladikavkaz*, s. 324-327.
- Simonenko, A. V. 1987. O semantike srednego friza chertomlytckoi amfory. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Skify Severnogo Prichernomor'ia*. Kiev: Naukova dumka, s. 140-144.
- Skoryi, S. A. 1999. *Kimmeriitcy v Ukrainsoi Lesostepi*. Kiev: Poltava: Arkheologija.
- Skoryi, S., Kostenko, Iu., Boriak, V. 2016. Klady chernoleskoi kultury na severe Pridneprovskoi Terrasovoi Lesostepi. *Revista Arheologica*, 12, 1—2, s. 106-127.
- Terenozhkin, A. I. 1976. *Kimmeriitcy*. Kiev: Naukova dumka.
- Terenozhkin, O. I. 1978. Kimmeriiski steli. *Arkheologija*, 27, s. 12-22.
- Khokhorovski, Ia. 2011. Ekologicheskii «stress» v Zapadnoi Sibiri i kulturnyi «shok» v Karpatskoi kotlovine v kontse bronzovogo veka. In: Molodin, V. I., Hansen, S. (eds.). *Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma «Terra Scythica»*. Novosibirsk: IAET SO RAN, s. 319-336.
- Khokhorovski, Ia. 2017. Kavkaz i Karpatskii Bassein v rannem zheleznom veke (problema proiskhozhdeniia signinova). *Arkheologija i davnia istoriia Ukrainy*, 2 (23), s. 228-244.
- Chernykh, E. N. 1978. *Gornoe delo i metallurgija v drevneishei Bolgarii*. Sofiia: BAN.
- Chlenova, N. L. 1984. *Olennye kamni kak istoricheskii istochnik*. Novosibirsk: Nauka.
- Chugunov, K. V. 2013. Aktualnye problemy khronologii pamiatnikov epokhi rannikh kochevnikov Centralnoi Azii i Sibiri. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 3 (23), s. 97-102.
- Chugunov, K. V. 2020. Kurgan Arzhan 5: Vzgljad s ptichego poleta. In: Rukavishnikova, I. V., Radiush, O. A. (eds.). *Drevnie pamiatniki, kulturny i progress. Sbornik, posviashchennyi D. V. Rukavishnikovu*. Moskva: IA RAN, s. 54-61.
- Chugunov, K. V., Partinger, G., Nagler, A. 2017. *Carskii kurgan skifskogo vremeni Arzhan 2 v Tuve*. Novosibirsk: IAET SO RAN.
- Sharafutdinova, I. M. 1980. Ornamentovani sokiri-molotki z katakombnikh pokhovan na Inguli. *Arkheologija*, 33, s. 60-70.
- Shelekhhan, O. V. 2012. Boiovi sokiri skifskogo tipu z Pivnichnogo Prichernomor'ia. *Arkheologija*, 2, s. 3-13.
- Shchepinskii, A. A. 1985. Kemi-Obinskaia kultura. In: Artemenko, I. I. (ed.). *Arkheologija Ukrainsoi SSR*. 1. Kiev: Naukova dumka, s. 331-336.
- Erlikh, V. R. 1990. K probleme proiskhozhdeniia ptitcegolovykh skipetrov prdskifskogo vremeni. *Sovetskaia arkeologija*, 1, s. 247-250.
- Erlikh, V. R. 2004. O «ptitcegolovosti» nekotorykh predskifskikh toporikov-skipetrov. In: Skoryi, S. A. (ed.). *Vid Kimmerii do Sarmatii*. Kyiv: Korvin Press, s. 106-110.
- Erlikh, V. R. 2005. «Ptitcegolovye» skipetry predskifskogo vremeni: novye argumenty i diskussii. *Materialnaia kultura Vostoka*, 4, s. 151-162.
- Erlikh, V. R. 2007. *Severo-Zapadniy Kavkaz v nachale zheleznoogo veka*. Moskva: Nauka.
- Bălan, G. 2013. Așezărilor fortificate din aria culturii Găva din România. In: Ailincăi, S.-C., Târlea, A., Micu, C. (eds.). *Din preistoria Dunării de Jos. 50 de ani de la începutul cercetărilor arheologice la Babadag (1962—2012)*. Brăila: Istros, p. 267-312.
- Blajer, W. 2013. *Młodsza epoka brązu na ziemiach polskich w świetle badań nad skarbami*. Kraków: Historia Jagellonica.
- Boroffka, N., Sava, E. 1998. Zu den steinernen «Zeptern / Stössel-Zeptern», «Miniatursäulen» und «Phalli» der Bronzezeit Eurasiens. *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, 30, S. 17-111.
- Bouzek, J. 1983. Caucasus and Europe and the Cimmerian problem. *Sborník Národního Muzea v Praze*, 37, 4, p. 177-231.
- Bökönyi, S. 1954. Les chevaux scythiques de Szentes-Vekerzug II (Étude sur le matériel osseux des fouilles de 1952—1953). *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 4, p. 93-114.
- Bökönyi, S. 1968. Mecklenburg collection, part 1: data on Iron Age horses of central and eastern Europe. *American School of Prehistoric Research, Peabody Museum, Harvard University, Bulletin*, 25, p. 3-71.
- Bökönyi, S. 1983. Trade of domestic animals between Pannonia and Italy. *Savaria. A Vas Megyei Múzeumok Értesítője*, 16, p. 335-339.
- Buchholz, H. G. 1999. Ein aussergewöhnliches Steinzepter im östlichen Mittelmeer. *Prähistorische Zeitschrift*, 74, 1, S. 68-78.
- Bunnefeld, J.-H. 2018. The chief and his sword? Some thoughts on the swordbearer's rank in the Early Nordic Bronze Age. In: Horn, Ch., Kristiansen, K. (eds.). *Warfare in Bronze Age Society*. Cambridge: Cambridge University, p. 198-212.
- Bukowski, Z. 1976. *Elementy wschodnie w kulturze łużyckiej u schyłku epoki brązu*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum.
- Cassells, E. S. 1983. *The Archaeology of Colorado*. Boulder: Johanson.
- Chochorowski, J. 1985a. Die Rolle der Vekerzug-Kultur (VK) im Rahmen der skythischen Einflüsse in Mitteleuropa. *Prähistorische Zeitschrift*, 60, 2, S. 204-271.
- Chochorowski, J. 1985b. *Die Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde*. Warszawa; Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Chochorowski, J. 1987. Rola Sigynnów Herodota w środowisku kulturowym wczesnej epoki żelaza na Nizinie Węgierskiej. *Przegląd Archeologiczny*, 34, p. 161-218.
- Chochorowski, J. 1993. *Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński.
- Chochorowski, J. 1995. Datowanie horyzontu kimmeryjskiego w Europie środkowej a chronologia późnej epoki brązu. *Śląskie Prace Prahistoryczne*, 4, p. 267-281.
- Chochorowski, J. 1996. Kurhan Arzhan (Tuva) a chronologia znalezisk kimmeryjskich i wczesnoscytyjskich we wschodniej i środkowej Europie. *Zeszyty Naukowe Politechniki Śląskiej. Geochronometria*, 14, p. 239-256.
- Chochorowski, J. 2009. «Halszatyżacja» wschodniej części Kotliny Karpackiej. In: Czopek, S., Trybała-Zawiślak, K. (eds.). *Tarnobrzeska kultura łużycka — źródła i interpretacje*. Rzeszów: Mitel, p. 89-116.
- Chochorowski, J. 2015. Późnobronzowe osiedla obronne w północno-wschodniej części Kotliny Karpackiej — główne problemy badań. In: Gancarski, J. (ed.). *Pradziejowe osady obronne w Karpatach*. Krosno: Muzeum Podkarpackie w Krośnie, p. 245-272.
- Chochorowski, J. 2019. «Foreign» markers in Černotin type hoards. A contribution to the discussion of the phenomenon of «culture shock» in Central Europe in the late Bronze Age. *Prace Archeologiczne*, 69: Chasing Bronze Age rainbows. Studies on hoards and related phenomena in prehistoric Europe in honour of Wojciech Blajer, p. 67-132.
- Chochorowski, J., Gawlik, A. 1997. Żelazny czekan kultury Vekerzug z Żuklina, gm. Kańczuga. *Materialy i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego*, 18, p. 173-179.
- Ciszewska, J. 2011. «Ludy Morza» na tle przeobrażeń kulturowych w strefie pontyjsko-balkańskiej w 2. poł. II tysiąclecia p. n. e. *Folia Praehistorica Posnaniensia*, 16, p. 427-433.
- Dular, J. 2007. Pferdegräber und Pferdebestattungen in der Doljensko-Gruppe. *Situla*, 44: Scripta praehistorica in Honorem Biba Teržan, S. 737-752.
- Falkenstein, F. 2007. Gewalt und Krieg in der Bronzezeit Mitteleuropas. *Bericht der Bayerischen Bodendenkmalpflege*, 47—48, S. 33-52.
- Gallus, S., Horváth, T. 1939. *Un peuple cavalieri préscythique en Hongrie. Trouvailles archéologiques du pre-*

- mier *Âge du Fer et leurs relations avec l'Eurasie*. Budapest: l'Université Pierre Pázmány.
- Gazdapusztai, Gy. 1967. Caucasian relations of the Danubian Basin in the early Iron Age. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 19, p. 307-333.
- Gerdsen, H. 1986. *Studien zu den Schwertgräbern der älteren Hallstattzeit*. Mainz: Philip von Zabern.
- Gloger, Z. 1985. *Encyklopedia staropolska ilustrowana*. Warszawa: Wiedza Powszechna.
- Grabowski, J. 1982. *Hippologia dla wszystkich*. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza.
- Haines, F. 1938. Where did the Plain Indians get their Horses? *American Anthropologist*, 40, 1, p. 112-117.
- Haines, F. 1964. How the Indian got the Horse. *American Heritage*, 15, 2, p. 1-5.
- Hančar, F. 1967. Die bronzenen «Pferdekopfszepter» der Hallstattzeit in archäologischer Ostperspektive. *Archaeologia Austriaca*, 40, S. 113-134.
- Harmatta, J. 1968. Früheisenzeitliche Beziehungen zwischen dem Karpatenbecken, Oberitalien und Griechenland. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 20, S. 153-157.
- Harțuțhe, N. 2005. Sceptrele de piatră zoomorfe. Interpretare și cronologie. *Pontica*, 37—38, p. 71-97.
- Hase, F.-W., von. 1969. *Die Trensen der Früheisenzeit in Italien*. Prähistorische Bronzefunde, XVI, 1. München: C. H. Beck'sche.
- Hämäläinen, P. 2003. The Rise and Fall of Plains Indian Horse Cultures. *The Journal of American History*, 90, 3, p. 833-862.
- Hänsel, B. 1976. Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau. Bonn: Rudolf Habelt.
- Hellmuth, A. 2007. Zur Datierung der kreuzförmigen Goryt- und Bogentaschenbeschläge im Karpatenbecken. *Prähistorische Zeitschrift*, 82, 2, S. 66-84.
- Hoernes, M. 1917. Prähistorische Miscellen. *Wiener Prähistorische Zeitschrift*, 4, S. 24-51.
- Irimia, M. 2008. Sceptre de piatră inedite din județul Constanța și unele considerații privind legăturile zonei vest-pontice cu spațiul Egeean în bronzul târziu. *Pontica*, 41, p. 79-117.
- Jacob-Friesen, G. 1968. Eine Pferdekopffkeule der frühen Eisenzeit aus Siebenbürgen. In: Claus, M., Haarnagel, W., Raddatz, K. (eds.). *Studien zur europäischen Vor- und Frühgeschichte Herbert Jahnkun gewidmet*. Neumünster: Karl Wachholtz, S. 66-73.
- Jung, R. 2018. Warriors and Weapons on the Central and Eastern Balkans. In: Alexandrov, S., Dimitrova, Y., Popov, H., Horejs, B., Chukalev, K. (eds.). *Gold & Bronze. Metals, Technologies and Interregional Contacts in the Eastern Balkans during the Bronze Age*. Sofia: NAIM BAS, p. 241-251.
- Kaus, M. 1989. Kimmerischer Pferdeschmuck im Karpatenbecken — das Stillfrieder Depot aus neuer Sicht. *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*, 118—119, S. 247-257.
- Kemenczei, T. 1971. Az őskor művészetének emlékei a Herman Ottó Múzeumban. *A Miskolci Herman Ottó Múzeum Közleményei*, 9, p. 36-49.
- Kemenczei, T. 1981. A Prűgyi koravaskori kincslelet. *Communications Archeologicae Hungariae*, p. 29-41.
- Kemenczei, T. 1988. Der Pferdegeschirrfund von Fűgöd. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 40, S. 65-81.
- Kemenczei, T. 1991. *Die Schwerter in Ungarn II*. Prähistorische Bronzefunde, IV, 9. Stuttgart: Franz Steiner.
- Kemenczei, T. 1995. Zu früheisenzeitlichen Goldfunden aus dem Karpatenbecken. In: Hänsel, B. (ed.). *Handel, Tausch und Verkehr in bronze- und früheisenzeitlichen Südosteuropa*. München; Berlin: Südosteuropa-Gesellschaft, S. 331-348.
- Kemenczei, T. 1996. Notes on the chronology of late Bronze Age Hoards in Hungary. In: Chochorowski, J. (ed.). *Problemy epoki brązu i wczesnej epoki żelaza w Europie Środkowej. Księga jubileuszowa poświęcona Markowi Gedłowi*. Kraków: Oficyna Cracovia, p. 247-279.
- Kemenczei, T. 1998. Die Große Ungarische Tiefebene vor und während der skythischen Eroberung (10.—4. Jh. v. Chr.). B: *Schätze aus der Keltenzeit in Ungarn. Kunst im Karpatenbecken im 1. Jahrtausend vor Christus*. Eberdingen: Keltenmuseum Hochdorf / Enz, S. 15-37.
- Kemenczei, T. 2005. *Funde ostkarpatenländischen Typs im Karpatenbecken*. Prähistorische Bronzefunde, XX, 10. Stuttgart: Franz Steiner.
- Keyser, J. D., Klassen, M. A. 2001. *Plains Indian Rock Art*. Vancouver; Toronto: UBC.
- Kitowicz, J. 1985. *Opis obyczajów za panowania Augusta III*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Klochko, V. I. 1993. *Weapons of the tribes of the Northern Pontic zone in the 16th—10th centuries BC*. Baltic-Pontic Studies, 1. Poznań: Adam Mickiewicz University.
- Klochko, V. I. 2001. *Weaponry of societies of the Northern Pontic culture circle: 5000—700 BC*. Baltic-Pontic Studies, 10. Poznań: Adam Mickiewicz University.
- Klochko, V. I. 2002. Maces of the Neolithic-Bronze Age of the Northern Pontic region. *Baltic-Pontic Studies*, 11, p. 22-30.
- Kmetova, P. 2013. «Masters of Horses» in the West, «Horse Breeders» in the East? On the Significance and Position of the Horse in the Early Iron Age Communities of the Pannonian Basin. *Studien zur Kulturgeschichte von Oberösterreich*, 37: Interpretierte Eisenzeiten. Fallstudien, Methoden, Theorie. Tagungsbeiträge der 5. Linzer Gespräche zur interpretativen Eisenzeitarchäologie, p. 247-258.
- Kmetová, P. 2014. *Deponovanie koní na pohrebiskách z doby halštatskej v priestore Panónskej Panvy*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave.
- Koch, J. K. 2010. Früheisenzeitliche Reitergräber zwischen Ost- und Westhallstattkreis. In: Jerem, E., Schönfelder, M., Wieland, G. (eds.). *Nord-Süd, Ost-West. Kontakte während der Eisenzeit in Europa*. Budapest: Archaeolinqua Alapítvány, p. 139-150.
- Kossack, G. 1954. Pferdegeschirr aus Gräbern der älteren Hallstattzeit Bayerns. *Jahrbuch des RGZM*, 1, S. 111-178.
- Kossack, G. 1987. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils. In: Franke, H. (ed.). *Skythika. Vorträge zur Entstehung des skytho-iranischen Tierstils*. München: Bayerischen Akademie der Wissenschaften, p. 24-86.
- Koško, A. 2002. Fluted maces in cultural systems of the borderland of Eastern and Western Europe: 2350—800 BC. Taxonomy, genesis, function. *Baltic-Pontic Studies*, 11, p. 31-81.
- Kristiansen, K. 1984. Krieger und Häuptlinge in der Bronzezeit Dänemarks. Ein Beitrag zur Geschichte des bronzezeitlichen Schwertes. *Jahrbuch des RGZM*, 31, S. 187-208.
- Kristiansen, K. 1998. *Europe before history*. Cambridge: Cambridge University.
- Kromer, K. 1986. Das östliche Mitteleuropa in der frühen Eisenzeit (7.—5. Jh. v. Chr.). Seine Beziehungen zu Steppenvölkern und antiken Hochkulturen. *Jahrbuch des RGZM*, 33, S. 3-93.
- L'art. Scythe. 1986. *L'art. Scythe. Les antiquités Scythes milieu du VIIe—IIIe siècle avant notre ère*. Leningrad: Aurora.
- László, A. 2006. Drajna de Jos — Lozova — Pobit Kamák — Uluburun. Sur les relations a longue distance dans l'age tardif du bronze. *Studia Antiqua et Archaeologica*, 12, p. 43-55.
- Levine, M. A. 2005. Domestication and early history of the horse. In: Mills, D. S., McDonnell, S. M. (eds.). *The Domestic Horse: The Origins, Development, and Management of its Behaviour*. Cambridge: Cambridge University, p. 5-22.
- Lucke, W., Frey, O-H. 1962. *Die Situla in Providence (Rhode Island). Ein Beitrag zur Situlenkunst des Osthallstattkreises*. Berlin: Walter de Gruyter & Co.
- McNab, Ch. 2010. *The Native American Warrior 1500—1890 CE*. New York: Amber Books.
- Medwecka-Kornaś, A. 1972. Czynniki naturalne wpływające na rozmieszczenie geograficzne roślin w Polsce. In: Szafer, W. Zarzycki, K. (eds.). *Szata roślinna Polski*. I. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, p. 35-94.
- Metzner-Nebelsick, C. 2002. *Der «Thrako-Kimmerische» Formenkreis aus der Sicht der Urnenfelder- und Hallstattzeit im südöstlichen Panonien*. Rahden: Marie Leidorf.
- Metzner-Nebelsick, C. 2007. Pferdchenfibel. Zur Deutung einer frauenpezifischen Schmuckform der Hallstatt- und Frühlatènezeit. *Situla*, 44: Scripta Praehistorica in Honorem Biba Teržan, S. 707-735.

- Molloy, B. 2018. Conflict at Europe's Crossroads: Analysing the Social Life of Metal Weaponry in the Bronze Age Balkans. In: Dolfini, A., Crellin, R. J., Horn, C., Uckelmann, M. (eds.). *Prehistoric Warfare and Violence. Quantitative and Qualitative*. New York: Springer, p. 199-224.
- Moscalu, E., Beda, C. 1991. Ein Grabhügel der Basarabi-Kultur mit Votivkesselwagen aus Rumänien. *Prähistorische Zeitschrift*, 66, S. 197-218.
- Muhle, B. 2008. *Vorderasiatische Keulen und ihr Umfeld vom 9. bis ins frühe 1. Jt. v. Chr. Typologie und Deutung*. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie an der Ludwig-Maximilians-Universität München. München.
- Outram, A. K. 2015. Pastoralism. In: Barker, G., Goucher, C. (eds.). *The Cambridge World History II. A World with Agriculture 12,000 BCE — 500 CE*. Cambridge: Cambridge University, p. 161-185.
- Palonka, R. 2019. *Sztuka i archeologia kultur indiańskich prekolumbijskiego Południowego Zachodu USA*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Párducz, M. 1952. Le cimetièrè hallstattien de Szentes-Vekerzug, *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2, p. 143-172, pl. XLII-LXVIII.
- Pare, Ch. F. E. 1998. Beiträge zum Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit in Mitteleuropa, Teil I: Grundzüge der Chronologie im östlichen Mitteleuropa (11.—8. Jahrhundert v. Ch.), *Jahrbuch des RGZM*, 43, S. 293-433.
- Parzinger, H. 2006. *Die frühen Völker Eurasiens. Vom Neolithikum bis zum Mittelalter*. München: C. H. Beck.
- Patek, E. 1974. Präskythische Gräberfelder in Ostungarn. In: Dušek, M. (ed.). *Symposium zu Problemen der jüngeren Hallstattzeit in Mitteleuropa*. Bratislava: Veda, S. 337-362.
- Patek, E. 1993. *Westungarn in der Hallstattzeit*. Weinheim: VCH mbH.
- Patek, E. 1995. «Reiterkriegergräber» in Westungarn. Hallstattzeitliche Gräber mit Waffen und Pferdegeschirr in Westungarn. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 47, S. 135-148.
- Petrescu-Dîmbovița, M. 1977. *Depozitele de bronzuri din România*. București: Academia Republicii Socialiste România.
- Píř, J. L. 1903. Nový typ žárových hrobů v Čechách. *Památky Archeologické a Místopisné*, 20, p. 467-508.
- Pietrzyk, M. 2011. Ludy Morza w kontekście źródeł archeologicznych i historycznych. *Starożytności*, 1, p. 5-18.
- Podborský, V. 2006. *Náboženství pravěkých Europeanů*. Brno: Masarykovy universit.
- Przybyła, M. S. 2009. *Intercultural contacts in the Western Carpathian area at the turn of the 2nd and 1st millennia BC*. Warszawa: National Centre for Culture.
- Przybyła, M. S. 2010. Pottery analyses as the basis for studying migrations. The case of Danubian pottery groups from the end of 2nd Millennium BC. *Prace Archeologiczne*, 63: Migration in Bronze and Early Iron Age Europe, p. 87-104.
- Pulak, C. 1996. Dendrochronological dating of the Uluburun ship. *The INA Quarterly*, 23, 1, p. 12-13.
- Romsauer, P. 1999. Zur Frage der Westgrenze der Mezőcsát-Gruppe, In: Jerem, E., Poroszlai, I. (eds.). *Archaeology of the Bronze and Iron Age*. Budapest: Archaeolinqua, p. 167-176.
- Rychner, V. 1995. Stand und Aufgaben dendrochronologischer Forschung zur Urnenfelderzeit. *RGZM Monographien*, 35: Beiträge zur Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. Ergebnisse eines Kolloquiums, S. 455-487.
- Sanders, N. K. 1978. *The Sea Peoples. Warriors of the Ancient Mediterranean 1250—1150 BC*. London: Thames and Hudson.
- Schüle, W. 1969. *Die Meseta-Kulturen der Iberischen Halbinsel. Mediterrane und eurasische Elemente in früheisenzeitlichen Kulturen Südwesteuropas*. Berlin: Walter de Gruyter & Co.
- Sherratt, A. 1993. What would a Bronze-Age world system look like? Relations between temperate Europe and the Mediterranean in later prehistory. *Journal of European Archaeology*, 1—2, p. 1-57.
- Soroceanu, T. 2008. *Die vorskythenzeitlichen Metallgefäße im Gebiet des heutigen Rumänien*. Cluj-Napoca: Accent.
- Sperber, L. 1987. *Untersuchungen zur Chronologie der Urnenfelderkultur im nördlichen Alpenvorland von der Schweiz bis Oberösterreich*. Antiquitas, 3 (29). Bonn: Habelt.
- Sperber, L. 2017. *Studien zur spätbronzezeitlichen Chronologie im westlichen Mitteleuropa und in Westeuropa*. Monographien der RGZM, 136. Mainz: RGZM.
- Steward, J. H. 1972. *Theory of culture change: the methodology of multilineal evolution*. Urbana-Chicago: University of Illinois.
- Śliwa, J. 2004. Inwazja Ludów Morskich na Egipt u schyłku II tys. p. n. e. In: Salamon, M., Strzelczyk, J. (eds.). *Wędrowka i etnogeneza w starożytności i średniowieczu*. Kraków: Historia Iagiellonica, p. 43-53.
- Teržan, B. 1995. Handel und soziale Oberschichten im früheisenzeitlichen Südosteuropa. In: Hänsel, B. (ed.). *Handel, Tausch und Verkehr im bronze- und früheisenzeitlichen Südosteuropa*. München; Berlin: Hansa-Druck Kiel, S. 81-159.
- Teržan, B. 1998. Auswirkungen des skythisch geprägten Kulturkreises auf die hallstattzeitlichen Kulturgruppen Pannoniens und des Ostalpenraumes. In: Hänsel, B., Machnik, J. (eds.). *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe*. München; Rahden: Marie Leidorf, S. 511-560.
- Thrane, H. 2007. Vestby. *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde von Johannes Hoeps*, 35, S. 442-443.
- Torbay, J. G. 2015. A New late Bronze Age warrior equipment from east Central Europe. *Archeologiai Értesítő*, 140, p. 29-70.
- Trachsel, M. 2004. *Untersuchungen zur relativen und absoluten Chronologie der Hallstattzeit*, 1. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, 104. Bonn: Habelt.
- Vecellio, C. 1590. *De gli habitati antichi et moderni di diverse parti del mondo*. Venezia: Damiano Zenaro.
- Vokolek, V. 1999. *Východočeská halštatská pohřebiště*. Pardubice: Východočeské museum Pardubice.
- Vulpe, A. 1970. *Äxte und Beile in Rumänien I*. Prähistorische Bronzefunde, IX, 2, München: C. H. Beck.
- Werner, J. 1961. Bronzenes Pferdekopfszepter der Hallstattzeit aus Předměřice bei Hradec Králové. *Památky Archeologické*, 52, S. 384-389.
- Wierzbicki, L., Obst, S. 1882. *Wzory przemysłu domowego. Wyroby metalowe włościan na Rusi*. Lwów: Muzeum Przemysłowe Miejskie we Lwowie.
- Willvonseder, K. 1932. Ein Depotfund aus Stillfried a. March (Niederösterreich). *Wiener Prähistorische Zeitschrift*, 19, S. 25-38, I.
- Wisner, H. 2013. *Lisowczycy. Łupieżcy Europy*. Warszawa: Bellona.
- Zurowski, K. 1949. Zabytki brązowe z młodszej epoki brązu i wczesnego okresu żelaza z dorzecza górnego Dniestru. *Przegląd Archeologiczny*, 8, p. 155-247.

Ja. Chochorowski

«BIRD-HEAD» OR «HORSE-HEAD» SCEPTRES — A REAL OR APPARENT DILEMMA?

Thanks to their visual attractiveness the bronze sceptres resembling small axe-heads but enriched with zoomorphic elements rank among the most exclusive and interesting objects of ancient bronzeworking. Late Bronze Age examples of such artefacts are known from two separate regions in Europe: north-west Ciscaucasia (3 pieces) and the Carpathian Basin (7 pieces). Cultural affiliation of these few albeit highly interesting objects was first discussed by J. Werner, who in 1961 characterised Central European finds of «battle axes-batons» when presenting a specimen discovered in an Early Hallstatt grave from Předměřice on the upper Elbe River (Czech Republic). Due to the shape of the top («head»), which resembled a stylised horse head set on an arching neck, he described such objects as «horse-head» sceptres (*Pferdekopfszepter*). The issue was re-addressed in 1965 by V. A. Ilinskaja, who interpreted the find from Předměřice as a kind of a horseman's pick. In her opinion, the contours of Pre-Scythian and Scythian sceptres resembled stylised eagle heads, so she introduced the descriptor «bird-headed» (*птицеголовой*

скипетры). All the researchers addressing Central European sceptres terminating in horse heads have been unanimous in noting the absence of local traditions for this type of zoomorphic style in the Late Bronze Age bronze metallurgy of Central Europe. Looking for the original inspiration for such artefacts and for the “horse head” motif, they have commonly pointed to the Caucasus, and in particular to the milieu of the Koban (Protomeotic) culture.

Addressing this issue requires above all the a stylistic analysis of both Central European and Caucasian sceptres, the analysis that would consider similarities and differences observable in the manner of rendering zoomorphic representations. In the case of two sceptres from the Carpathian Basin: found in the Sárviz channel in eastern Transdanubia and in the Turiec Basin (i. e. in the former *komitat* of Túróc in eastern Slovakia), we are undoubtedly dealing with naturalistic representations of horse heads set on arching necks, with species characteristics clearly discernible. In the approach to stylistic analysis of zoomorphic representations formulated by A. R. Kantorovich (2016), these two representations were inspired by the «natural prototype» («природный прототип»), an actual existing animal «model», whose characteristics were imitated by the artist-metallurgist to an extent determined by limitations imposed by the bronze casting technology on the one hand and the artist's own skills on the other. They are the result of reproducing in bronze either a visual impression elicited by observation of characteristic features of a specific animal, or an image of these animals engrained in common consciousness. The realism of representation is emphasised by elements of harness (straps or perhaps reins) depicted on the necks of both figurines. This is particularly evident when we look *en face* at the horse head adorning the sceptre from Sárviz. In contrast, there are absolutely no elements there that would depict in the same realistic manner the head or beak of a bird. The important element in the rendering of the horse head, one which I noted some time ago (Chochorowski 1993), is the clearly marked imitation of the short, stiff mane running along the arching neck.

The diversity of forms among the remaining sceptres known from the Carpathian Basin and adjacent areas is also very telling, in particular with respect to the modelling of the horse head. Relatively similar to each other, the specimens from Prügy and Sinmihai de Pădure show simplification and certain reduction of species characteristics in the head itself, although the mane crowning the massive neck is still well-discernible. As in the pair of sceptres discussed above, they also have clearly marked pointed ears. In the sceptres from Batina and Předměřice, the head is almost undiscernible from the neck in outline, and the mane modelling is all but vestigial. In the artefact from Batina it is only marked as a narrow ridge running along the curved neck all the way from the shaft hole to the end of the «head», with the ears (?) marked by two small knobs, one on each side. If we follow T. Kemenczei (2005) in including to this group a stray find from Békés-Hagymási, we have an example which, while maintaining the overall morphological form of a sceptre with a «blunt» head, shows total disappearance of the zoomorphic motif. Apart from the mushroom-shaped butt and a similar termination of the curved «socket», the only similarity between this artefact and the naturalistically modelled examples discussed above is the fact that the «base» of the neck or mane (?) seems to be distinguished by mouldings. As a result, at the end of the process the

original idea becomes represented by the very shape of a sceptre, and it expresses the same symbolism as the naturalistic artefacts.

The above analysis seems to prove that the collection of bronze sceptres from the Carpathian Basin represents an autonomous phenomenon, revealing internal changeability consistent with logical principles of a «typological sequence / line». Gradual departure from the naturalistic manner in representing the «natural prototype» of a horse head was probably due to the trivialisation of the motif which, initially innovative, with time became common and lost its «communicative freshness» in social narration. The owners of sceptres maintained their status by the very fact of their ownership, without a need for manifesting the iconographic symbol of the role and social function attached to the sceptre.

Thus, the bronze sceptres from the Carpathian Basin are a fully autonomous phenomenon, one which emerged at some point point at the second half or end of the 10th century as a sort of indicator of the new social-cultural order. The main characteristics of this new order included a pastoral economy with an important role (important enough to influence the European system of distribution of goods — Sherratt 1993) of selective breeding of horse breeds of steppe origins, and hierarchic social structures with distinct status markers. These characteristics are rooted in the cultural identity of Great Steppe communities, shaped by specific environmental conditions and a long — sometimes reaching as far back as the Eneolithic — accumulation of existential experience. As a result of migrations of aggressive groups of steppe shepherd-warriors looking for ecological niches advantageous to their pastoral economy, these characteristics were «implanted» into the Carpathian Basin in the second half of the 10th century. With time, the newcomers became integrated with local populations, contributing to the integration process with their own package of social-cultural behaviours. Their contribution was particularly evident in the sphere of specialised horse breeding and outstanding skills in using these animals, both for riding and traction (Chochorowski 1987). This package of achievements and cultural experience was an important innovation in the European spectrum of economic strategies and, in a short time (maximum two generations), allowed for full integration of the «steppe people», and for the adoption of a significant portion of their civilisational package in the local environment.

Keywords: Carpathian Basin, Caucasus, sceptres, Great Steppe communities, migrations, horse breeding.

Я. Хохоровські

«ПТАХОГОЛОВІ» ЧИ «КОНЕГОЛОВІ» СКИПЕТРИ — РЕАЛЬНА ЧИ УЯВНА ДИЛЕМА?

Бронзові скипетри через привабливу форму, що нагадує невеликі топірці з елементами зооморфної пластики, належать до категорії рідкісних і дуже цікавих виробів давнього бронзолivarного виробництва. Для доби пізньої бронзи знахідки цього роду відомі у двох далеких один від одного регіонах Європи: на території Північно-Західного Передкавказзя (3 екз.) і в Карпатському басейні, а також його найближчих околицях (7 екз.). До наукової дискусії, що стосується культурної тотожності і символічного значення цих артефактів, ввів їх німецький дослідник Іоахим Вернер, який в

1961 р., звернувся до центральноєвропейських знахідок «конеголових сокир-жезлів» (Pferdekopfszepter), у зв'язку з вивченням скіпетра, знайденого в похованні ранньогальштатського часу в місцевості Пжедмежице (Předmětice), на верхній Ельбі, в Чехії. Виходячи з декоративної парадної форми наверхш у вигляді натуралістично або схематично зображеної голови коня на дугоподібно вигнутій шії, І. Вернер визначив ці предмети назвою «конеголови скіпетри» (Pferdekopfszepter) і визнав символами влади і статусу (herrscherlichen Würdezeichen). Цю тему підняла також у своїх дослідженнях у 1965 р., Варвара Андрійвна Іллінська, яка, аналізуючи знахідку з Пжедмежице, визнала її різновидом наджака-клевіца. За її уявленнями, доскіфські і скіфські скіпетри нагадують стилізований контур орлиної голівки, що обґрунтовує користування визначенням «птахоголови скіпетри». Практично усі дослідники, які досі піднімали тему середньоевропейських скіпетрів, увінчаних головою коня, підкреслювали відсутність такої стилістичної традиції в місцевому центральноєвропейському середовищі. У пошуках первинного поштовху для цього роду форм і сюжету «голови коня» вказували на аналогії з кавказького ареалу, передусім, з кобанського (протогеометського) культурного середовища.

Вирішення цієї проблеми вимагає, передусім, стилістичного аналізу скіпетрів як Центральної Європи, так і Кавказу, з урахуванням їх подібності і відмінності, помітних в художній манері зображення (іконізації) зооморфних уявлень. Не викликає сумнівів, що у випадку двох скіпетрів, відомих з території Карпатського басейну, — екземпляра з каналу Шарвиз і знахідки з території Турчанської улоговини — ми маємо справу з натуралістичним, чітко визначальним видом біологічні риси зображення голови коня на зігнутій шії. Цього роду зображення мають бути, як це ясно висловив Анатолій Робертович Канторович (Канторович 2016), зумовлені «природним прототипом», тобто реально існуючою «моделлю», риси якої «художник-металург» відбив в об'ємі, визначеним технологією бронзового лиття і власними художніми вміннями і навичками. Це — ефект відтворення у бронзі зорового відчуття, пов'язаного з безпосереднім спостереженням типових рис конкретної тварини або його образу, збереженого в особистій свідомості. Реалістичність «образної» манери підтверджується наявністю на «ший» обох згаданих зображень елементів «збруї»: ременів або поводів, пристебнутих під шиєю коня. Це особливо помітно при графічному зображенні en face голови на скіпетрі, знайденому в каналі Шарвиз. Істотним елементом моделювання голови коня є імітація короткої «стоячої» гриви (Chochorowski 1993), чітко позначеної на гребені дугоподібно зігнутої шії. Проте тут відсутні будь-які (!) елементи, які б в такій самій натуралістичній манері зображували голову або дзьоб птаха.

Показовий характер має також різноманітність форм, особливо моделювання голови коня, характерна і для інших скіпетрів з Карпатського Басейну і прилеглих територій. Екземпляри з Прюдь і Синмихай де Падуре, дуже схожі один на одного, характеризуються спрощенням і свого роду скороченням видових характеристик зображення голови, але з явним акцентом на наявність «гриви» на хребті масивно окресленої шії. Проте, як і у екземплярів з Шарвиза і Турчанської улоговини, тут чітко позначені вуха, що «стирчать». У скіпетрів з Багини і Пжедмежице виразність контурів голови і шії виявилася практично зниклою; збереглася лише реліктова модель «гриви».

Якщо, услід за Т. Кеменцеї (Kemenczei 2005), до цієї групи виробів включити також випадкову знахідку з Бійкїш-Ходьмаши (Békés-Hagyási), то тут можна побачити практично повне зникнення зооморфного мотиву, при збереженні загальної морфології скіпетра з «тупо» закінченою голівкою. В результаті, у фіналі процесу, вже форма скіпетра сама по собі відбивала початкову ідею і її символіку так само, як і «натуралістичні» зразки. Проведений аналіз свідчить, що набір бронзових скіпетрів з території Карпатського Басейну і його найближчого оточення є самостійний феномен, що демонструє внутрішню мінливість, яка виникає з логічних принципів «послідовності» або «типологічної лінії». Причиною відходу від манери натуралістичного представлення «природного прототипу» голови коня була, ймовірно, тривіалізація цього мотиву, який на початковому етапі був новим, інтригуючим з точки зору культурної поведінки і високо-престижним феноменом. З часом він став звичайним «повсякденним» явищем і втратив свою «комунікативну свіжість» в громадській розповіді. Власник скіпетра підкреслював свій статус самим фактом його наявності, навіть без необхідності демонструвати іконографічний знак, символізує його соціальну роль і функцію.

Таким чином, бронзові скіпетри на території Карпатського Басейну — це повністю автономне явище, що з'явилося тут десь в другій половині або наприкінці X ст. до н. е., як свого роду маркер нового суспільно-культурного ладу / порядку. Його рисами були: пастушача модель скотарства з істотною роллю селективного розведення коней степових порід, значення якого досягло європейської системи товарообігу (Sherrat 1993), а також ієрархічні соціальні структури з виразними ознаками статусу. Ці риси виникали з культурної тотожності співтовариств Великої Степу, сформованої в специфічних умовах життя (що сягає іноді енеоліту) і накопичення життєвого досвіду. Їх введення (своєрідна «імплантація») в культурний потенціал Карпатського басейну сталося в результаті просування в другій половині X ст. до н. е., воєвничих груп степових пастухів-воїнів, що шукали екологічні ніші, зручні для пастушачого господарства.

З часом вони інтегрувалися у місцеве населення, привносячи до процесу інтеграції свій власний склад ознак суспільно-культурної поведінки. Особливо відбили свій внесок у царині скотарства з урахуванням високого рівня княрства і унікальних умій як у сфері їзди верхи, так і в керуванні кіньми в колісничній запряжці (Chochorowski 1987). Саме ці досягнення стали значним нововведенням в європейському спектрі економічних стратегій і за короткий час (десь два покоління) надали степовикам можливість повністю інтегруватися і адаптувати в місцевому середовищі значну частину свого «цивілізаційного пакету».

Ключові слова: Карпатський басейн, Кавказ, скіпетри, Великі степові спільноти, міграції, кінське спорядження.

Одержано 2.04.2020

ХОХОРОВСЬКІ Ян, доктор габілітований, професор, Інститут археології Ягелонського університету в Кракові, вул. Голембіа, 11, Краков, 31-007, Польща. **CHOCHOROWSKI Jan**, Dr. Hab., State professor, Institute of Archeology at the Jagiellonian University, Gołęzia, 11, Kraków, 31-007, Poland. ORCID: 0000-0001-7853-5476, e-mail: j.chochorowski@uj.edu.pl.